

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 – 2812

1/96

Россия в тихоокеанском
экономическом сотрудничестве

Перспективы развития
Китая до 2010 года

Корейская политика России

Американо-китайские отношения

"Новая демократия" и выбор
Китаем путей развития

Конфуций и будущее Китая

201-203.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

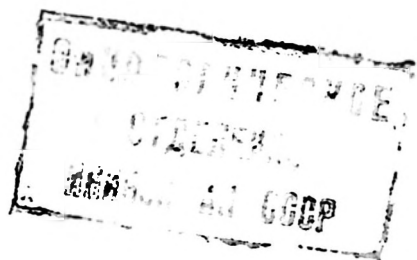
1/96

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

Конференция РНКТЭС.....	3
<i>А. Гранберг.</i> Деятельность и задачи Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству.....	5
<i>Е. Дробышев.</i> Корейская политика России требует корректировки.....	12
<i>Д. Лэмптон.</i> Американско-китайские отношения: жизнь на краю обрыва.....	20
<i>А. Н. Бубенников, А. А. Бубенников.</i> Электронная глобализация и НИС АТР.....	28

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А. Бурый.</i> Реформа на Дальнем Востоке и развитие международного сотрудничества.....	42
<i>Ю. Москаленко.</i> Внешнеэкономическое сотрудничество Амурской области со странами СВА.....	47

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Л. Гудошников, М. Яковлев.</i> Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах.....	54
---	----

ЭКОНОМИКА

- Перспективы социально-экономического развития Китая до 2010 г..... 64
И.Коркунов, Л.Волкова. Продовольственная проблема в Китае в
условиях перехода к рынку..... 75

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- А.Меликсетов.* “Новая демократия” и выбор Китаем путей
социально-экономического развития (1949-1953 гг.)..... 82

ИСТОРИЯ

- Е.Белов.* Царская Россия и Западная Монголия в 1912-1915 гг..... 96

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Г.Логинова.* Институт русского языка НОАК в Дальнем.....106

КЛУБ КОНФУЦИЯ

- Л.Головачева.* Цивилизация, Конфуций и будущее Китая.....111

КУЛЬТУРА

- Г.Чхартушвили.* Субъективная компаративистика (окончание).....123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Вручение дипломов “Почетный доктор ИДВ РАН”132
В.Славин. Япония и проблемы безопасности в АТР.....134
А.Жебин. Корейский полуостров: все новые проблемы.....138

РЕЦЕНЗИИ

- В.Портяков.* Барри Наутон. Вырастающая из плана: китайская
экономическая реформа в 1978-1993 гг.....141
Л.Переломов. Харро фон Зенгер. Стратегемы.....144
В.Мясников. Г.С.Яскина Монголия: смена модели развития.....148
Р.Абазов. У.Ф.Ниммо. Япония и Россия: международные
отношения в постсоветский период.....151
В.Петровский. Ким Хак Чун. Отношения Кореи с ее соседями
в меняющемся мире.....154
В.Малявин. К.Тертицкий. Китайцы: традиционные отношения в
современном мире.....155

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Я.М. Бергер (зам.главного редакто-
ра), Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Н. Кашин,
В.В. Малявин, С.А. Манежев, П.А. Минакир, В.С. Мясников, Л.С. Переломов,
А.А. Писарев, В.Я. Портяков, Б.Л. Рифтин, Б.Н. Славинский (зам.главного
редактора), Н.Н. Соловьев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, Г.Д. Сухарчук,
М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Конференция Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству

1 декабря 1995 г. в помещении пресс-центра МИД РФ прошла Конференция Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС), которая является высшим руководящим органом этой общественной некоммерческой организации. В Конференции участвовало 88 делегатов и большое число приглашенных лиц - представителей федеральных органов, региональных администраций и межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, предпринимательских структур, научно-исследовательских институтов.

С отчетным докладом выступил председатель РНКТЭС академик РАН А.Г. Гранберг. Сообщение о внешнеэкономической политике России в АТР сделал заместитель Министра внешнеэкономических связей Г.В. Габуния (оно будет опубликовано в следующем номере). В прениях выступили: заместитель министра науки и технической политики З.А. Якобашвили, директор Института Дальнего Востока М.Л. Титаренко, заместитель ректора администрации Красноярского края В.Н. Семенов, президент банка "Конверсия" А.Г. Ласковенко, президент холдинговой компании "Диарид" В.Д. Филатов, заведующий отделом Института Латинской Америки А.И. Сизоненко, председатель Сибирского регионального центра РНКТЭС В.И. Иванков, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений В.К. Зайцев и др. Работа Президиума РНКТЭС признана удовлетворительной.

Конференция приняла изменения в Уставе РНКТЭС, избрала руководящие органы национального комитета. Председателем РНКТЭС единогласно избран А.Г. Гранберг, существенно обновился состав Президиума. На первом заседании Президиума избраны заместители председателя РНКТЭС.

Новый состав Президиума РНКТЭС:

председатель - А.Г. Гранберг, председатель Совета по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству, академик РАН; первый заместитель председателя - С.Н. Катырин, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ; заместители председателя: В.И. Ишасв, председатель Совета Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье", руководитель Администрации Хабаровского края, председатель Дальневосточного центра РНКТЭС; В.И. Иванков - генеральный директор Межрегиональной ассоциации "Сибирское соглашение", председатель Сибирского цен-

тра РНКТЭС; Г.В. Габуня - заместитель министра внешнеэкономических связей; А.Н. Панов - заместитель министра иностранных дел; ответственный секретарь - П.С. Смирнов, директор департамента международного экономического сотрудничества МИД; члены Президиума: В.И. Гольдфарб - директор института при Ижевском университете, председатель Урало-Поволжского центра РНКТЭС; А.С. Горохолинский - руководитель департамента по иностранным инвестициям Министерства экономики; В.К. Зайцев - заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН; А.Л. Коломсайчук - президент АО "Региональное развитие"; А.Г. Ласковенко - президент банка "Конверсия" (г. Ижевск); П.А. Минакир - директор института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск); В.П. Нехорошков - заместитель руководителя Администрации Новосибирской области; А.М. Новоселов - исполнительный директор Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье"; Н.М. Пирязева - представитель Межрегиональной ассоциации "Сибирское соглашение" (г. Москва); Е.И. Сафронов - сотрудник Администрации Президента РФ; М.Л. Титаренко - директор Института Дальнего Востока РАН.

Председателем Ревизионной комиссии РНКТЭС избран В.Д. Филатов - президент холдинговой комиссии "Диарид" (г. Тюмень).

В решении Конференции новому составу Президиума РНКТЭС рекомендовано активнее использовать потенциал РНКТЭС в содействии вовлечению России в процесс экономической интеграции в азиатско-тихоокеанском регионе. При этом, расширяя участие РНКТЭС в многостороннем сотрудничестве в рамках Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству и Тихоокеанского экономического совета, особое внимание следует обращать на повышение роли внешнеэкономических связей в социально-экономическом развитии России, активизации участия российских регионов в экономических связях с АТР. Президиуму и его членам, представляющим органы государственного управления, поручено обратиться к Президенту и в Правительство Российской Федерации об оказании РНКТЭС регулярной поддержки в выполнении его уставных задач, в частности, по содействию интеграции России в экономику АТР.

2 декабря в помещении Института Дальнего Востока прошла научная сессия РНКТЭС. Систематизировав приоритетные направления исследований по проблемам тихоокеанского экономического сотрудничества, участники сессии рекомендовали создать в составе РНКТЭС *Информационно-аналитический подкомитет*, первоочередной задачей которого должно стать взаимодействие с рабочей группой СТЭС "Тихоокеанские экономические перспективы".

Ниже публикуется изложение отчетного доклада, с которым на Конференции выступил академик А.Г. Гранберг.

Деятельность и задачи Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству

© 1996

А. Гранберг

Деятельность РНКТЭС между двумя Конференциями охватывает 2,5 года (июнь 1993 г. - ноябрь 1995 г.). Этот период вместил в себя множество событий разного масштаба как внутри, так и вне нашей страны, оказавших влияние на условия функционирования и задачи РНКТЭС и требовавших адекватного реагирования. Существенные изменения происходили и в самом Национальном комитете.

Для деятельности РНКТЭС первостепенное значение имеют следующие три положения внешней и внутренней стратегии экономического развития России:

1. Наша страна будет продолжать путь к *открытой* экономике, расширяя свою внешнеэкономическую деятельность с целью использования преимуществ международного разделения труда и экономической интеграции.

2. Азиатско-Тихоокеанский регион неизбежно становится для России *приоритетным* направлением внешнеэкономической политики. Россия заинтересована быть активным участником интеграционных процессов в этом наиболее динамичном регионе мира.

3. Интенсификация экономического сотрудничества со странами АТР является одновременно важным моментом *региональной политики* Российской Федерации, суть которой состоит в том, чтобы благодаря внешнеэкономическому фактору (с учетом определенной настройки механизма внешнеэкономических связей) радикально улучшить социально-экономическое положение Дальнего Востока и Сибири, компенсируя их удаленность от наиболее развитых европейских регионов России и создавая новую мотивацию взаимодействия федерального центра и регионов.

Эти приоритеты государственной политики полностью соответствуют *концепции* РНКТЭС, выраженной в его Уставе и основных документах.

РНКТЭС не может и не должен претендовать на главенствующую роль в осуществлении национальной стратегии России в Тихоокеанском бассейне. Это - общегосударственная проблема. Но мы обязаны стремиться к максимальной реализации преимуществ своего уникального положения, осознавая, что РНКТЭС в настоящее время - это *единственная* организация в России, имеющая международно признанный статус представителя РФ в экономических организациях АТР, действующих вне системы ООН.

Как известно, РНКТЭС стал полноправным членом Совета тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС) на его IX Генеральной сессии в Сан-Франциско в сентябре 1992 г. Получение статуса полного члена в другой общерегиональной организации - Тихоокеанском экономическом совете (ТЭС) - проходило в три этапа. В мае 1993 г. 26-я Генеральная сессия ТЭС в Сеуле

Гранберг Александр Григорьевич — академик, председатель Совета по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству.

приняла заявку РНКТЭС, затем кандидатура России была поддержана на Постоянном комитете ТЭС в октябре 1993 г. и, наконец, официальный прием РНКТЭС в члены ТЭС произошел на 27-й Генеральной сессии в мае 1994 г. в Куала-Лумпуре. Следует заметить, что все решения о приеме новых членов в СТЭС и ТЭС принимаются консенсусом.

Концепция РНКТЭС определяет несколько приоритетных и взаимосвязанных направлений деятельности в тихоокеанских организациях в интересах России:

- участие в разработке стратегии развития тихоокеанского региона и экономического механизма тихоокеанской интеграции;
- информационная, правовая, организационная поддержка организаций и предприятий, ведущих внешнеэкономическую деятельность в АТР;
- изучение, обобщение и распространение информации о различных аспектах деятельности СТЭС и ТЭС;
- продвижение в СТЭС и ТЭС конкретных проектов российских участников тихоокеанского сотрудничества;
- использование международных организаций как коллективных инвесторов в экономику России, особенно ее восточных регионов, и другие.

Мы многократно обосновывали важность приоритетной ориентации на АТР (с созданием соответствующих механизмов государственного регулирования) не только Дальнего Востока, но и Сибири, с тем чтобы использовать преимущества взаимодополнения природно-ресурсных, демографических и производственных потенциалов этих макрорегионов. Позиция преференциального участия в тихоокеанской кооперации и российского Дальнего Востока и Сибири встречает понимание в руководящих органах СТЭС и ТЭС.

Мы считаем, что многие экономические проблемы Дальнего Востока и Сибири эффективнее решать на основе многостороннего (а не двустороннего) международного сотрудничества: развитие морских портов, международного железнодорожного и авиатранзита, создание систем телекоммуникаций, экспортное переупаковывание машиностроения и т.д. При этом важно поддерживать конкуренцию среди азиатско-тихоокеанских партнеров, не допуская монополизации важных сфер деятельности в наших восточных регионах. Одновременно необходимы меры по предотвращению необоснованной конкуренции между российскими экспортерами на тихоокеанском рынке и между отдельными нашими регионами по привлечению иностранных инвесторов.

В последние годы, уже при непосредственном участии российских представителей, СТЭС и ТЭС последовательно реализуют идеологию открытого регионализма, либерализации торговли и инвестиций, постепенного формирования общего тихоокеанского рынка. В этом отношении характерны Генеральные сессии Советов, состоявшиеся в 1995 году.

28-я Генеральная сессия ТЭС (Окленд, Новая Зеландия) в принципе одобрила документ "ТЭС-2000: Пятилетний план развития", в котором ставятся задачи: создание условий для деловых кругов, обеспечивающих открытую торговлю и движение инвестиций, разработка рекомендаций правительствам по улучшению предпринимательского климата, устранению административных препятствий для международной торговли, стимулированию разработки и распространения новых технологий, содействию сбалансированному экономическому развитию с учетом сохранения окружающей среды.

XI Генеральная сессия СТЭС, прошедшая в Пекине (Китай) в сентябре 1995 г., приняла Декларацию "Открытый регионализм для глобального процветания". В ней формулируются основные принципы азиатско-тихоокеан-

ской модели сотрудничества: 1) *открытость* в принятии решений по либерализации торговли и инвестиций в АТР, то есть приверженность концепции открытого регионализма, отказ от какой-либо дискриминации в развитии процесса экономической интеграции; 2) *равенство*, предполагающее взаимовыгодность сотрудничества для всех участников, уважение и понимание экономического разнообразия стран в регионе; 3) *эволюционность*, подразумевающая постепенность, прагматизм и взвешенность действий, развитие конкретных форм экономического сотрудничества на основе добровольности, через достижение консенсуса. В качестве перспективных направлений деятельности СТЭС в Пекинской декларации выделены: подготовка пакета предложений по последовательной гармонизации международной торговли и конкуренции; разработка проекта многосторонних принципов в области регулирования предпринимательской среды и торговой политики; усиление внимания к развитию финансовых рынков и обеспечению стабильности в регионе.

Общим для СТЭС и ТЭС является стремление к влиянию на деятельность межправительственного форума "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество" (АТЭС), поиск "достойных форм взаимодействия с АТЭС". Это обстоятельство весьма важно для нас с учетом того, что Россия в марте 1995 г. подала официальную заявку на вступление в АТЭС.

СТЭС имеет статус наблюдателя в АТЭС, что создает определенные права и для национальных комитетов, включая Российский. Все чаще практикуются совместные симпозиумы, форумы, заседания рабочих групп СТЭС и АТЭС; эксперты СТЭС привлекаются для подготовки важнейших документов АТЭС.

ТЭС идет на сближение иным путем. В 1994 г. он принял решение о вступлении в АТЭС в качестве наблюдателя. Однако уже на 28-й Генеральной сессии (май 1995 г.) было решено, что ТЭС не следует ограничивать свое участие в АТЭС статусом наблюдателя, необходимо добиваться предоставления ему функций Делового консультативного форума в АТЭС.

И ТЭС и СТЭС поддерживают принципиальные документы АТЭС, в том числе Богорскую декларацию, ставящую задачу образования тихоокеанской зоны свободной торговли до 2010 г. развитыми странами и к 2020 г. - всеми странами-членами АТЭС.

Усиливающаяся консолидация СТЭС и ТЭС вокруг АТЭС была наглядно продемонстрирована в г. Осака. Здесь в течение трех недель прошли следующие мероприятия: Конгресс представителей делового мира АТЭС (22-23 октября) с участием руководителей и представителей СТЭС и ТЭС; Глобальный конгресс деловых возможностей (24-27 октября), включавший симпозиум о роли АТЭС, в нем участвовали представители деловых кругов 43 стран мира; форум "Предпринимательство в АТР" (26-27 октября) с участием представителей крупных компаний, многие из которых являются членами ТЭС; встреча министров стран АТЭС (15-18 ноября); заседания Постоянного комитета и Совета ТЭС (16-17 ноября); совместный симпозиум СТЭС-ТЭС о деловом сотрудничестве в АТР с участием лидеров и министров стран-членов АТЭС (18 ноября) и, наконец, кульминация (19 ноября): встреча лидеров 18 стран - членов АТЭС (с участием СТЭС как наблюдателя).

Решения и материалы саммита АТЭС в г. Осака, в особенности "план действий", требуют внимательного анализа. Здесь ограничусь утверждением, что усиливающееся верховенство АТЭС среди тихоокеанских организаций будет учитываться в деятельности РНКТЭС.

Остановлюсь на конкретных направлениях и результатах деятельности Комитета.

За отчетный период мы приняли участие в X и XI Генеральных сессиях СТЭС, 27-й и 28-й Генеральных сессиях ТЭС. После периода начального повышенного интереса к России в 1992-1993 гг., когда российским проблемам посвящались специальные сессии, наша активность стабилизировалась на среднем уровне: 3-4 "российских" доклада по основным проблемам Генеральных сессий. Делегации РНКТЭС включали представителей федеральных органов, региональных администраций, межрегиональных ассоциаций, коммерческих структур.

Явно недостаточным было участие ученых. Но самым болезненным пробелом было отсутствие высших государственных лиц, что невыгодно отличало российскую делегацию от большинства других. Из-за этого Россия не могла быть представлена в форумах политических лидеров и министров. Отчасти это компенсировалось зачитыванием развернутых посланий Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина.

Перелом произошел на Пекинской Генеральной сессии СТЭС. Российскую делегацию возглавил вице-премьер РФ О. Д. Давыдов, состав делегации вырос до 40 человек. О. Д. Давыдов выступил с докладом на главном пленарном заседании и форуме внешней торговли, и.о. Председателя Центрального банка России Т. В. Парамонова - на форуме по финансовым рынкам, глава администрации Красноярского края В. М. Зубов и генеральный директор межрегиональной ассоциации "Сибирское соглашение" В. И. Иванков - на специальных сессиях.

В письме в адрес РНКТЭС организаторы СТЭС-XI подчеркивают, что высокий уровень российской делегации и ее активное участие в обсуждении ключевых в повестку дня вопросов содействовали не только успешному проведению Генеральной сессии, но и повышению авторитета СТЭС.

По традиции СТЭС и ТЭС все документы и решения этих организаций готовятся и принимаются Постоянными комитетами и Советами директоров, заседания которых проводятся два раза в год. Мы всегда активно работаем в тех заседаниях, которые совмещаются с Генеральными сессиями, но из-за недостатка средств вынуждены были пропускать некоторые встречи между Генеральными сессиями, что вызывало нарекания Президентов СТЭС и ТЭС. Начиная с 1995 г., мы и здесь стабилизировали свое участие.

Нашим слабым местом во взаимодействии с тихоокеанскими организациями остается участие в рабочих группах СТЭС и специализированных комитетах ТЭС. Оно носит характер эпизодических поездок на заседания с последующим доведением информации до заинтересованных организаций. Не создана система постоянного представительства в рабочих группах и продвижения российских проектов. Надо откровенно сказать, что Президиум РНКТЭС не в состоянии заменить здесь наши министерства и ведомства. Не оправдала себя практика назначения руководителями рабочих групп Комитета глав администраций территорий Сибири и Дальнего Востока, как минимум им необходимо придать в помощь координаторов из министерств и ведомств. Из прошлого опыта положительным примером может служить деятельность Крашенинникова как представителя Миннауки в рабочей группе СТЭС по науке и технологиям. Свежий пример - активная работа М. А. Ключко, директора Центра по сейсмостойкому строительству, в группе "транспорт, телекоммуникации, туризм" по российскому проекту защиты от землетрясений, в котором объективно заинтересованы многие страны.

В 1992-1993 гг. РНКТЭС выступил с инициативной программой "Интегратор-XXI", предусматривавшей создание международной корпорации совместного развития, принятие "кодекса делового общения" и другие инте-

ресные идеи, которые поддерживали межрегиональные ассоциации Дальнего Востока и Сибири. Вероятно, имеет смысл вернуться к этому замыслу с учетом новых реалий, в частности разработки федеральной долгосрочной программы "Дальний Восток и Забайкалье". В 1994 г. в СТЭС и ТЭС были представлены проекты "Тихоокеанские технологии развития" и "Глобал ТВ-информ", которые создают дополнительные возможности для реализации на тихоокеанском рынке российских высоких технологий и участия России в создании международных информационных сетей. Эти проекты, благодаря усилиям бывшего ответственного секретаря РНКТЭС Е. И. Сафронова, получили статус "PECC Endorsed Projects". Для дальнейшего их продвижения требуются совместные действия ряда российских ведомств и деловых структур.

Актуальный аспект деятельности Комитета - содействие вступлению России в АТЭС. Мы исходим из того, что сомнения - "быть или не быть" в АТЭС - остались позади после подачи Россией официальной заявки. В чем может состоять роль РНКТЭС? Это участие в подготовке решений СТЭС и ТЭС, обращенных к АТЭС, целенаправленные контакты с авторитетными представителями Советов на форумах АТЭС, солидарные действия с представителями стран, намеренных вступить в АТЭС (Колумбия, Перу, Вьетнам). Выделю один факт. На заседании Постоянного комитета СТЭС в Пекине (28 сентября 1995 г.) при обсуждении заключительного документа XI Генеральной сессии, в котором содержались рекомендации в адрес АТЭС, председатель РНКТЭС выступил с заявлением о возможности подписать этот документ только при условии, что Постоянный комитет поддержит стремление России вступить в АТЭС. Такое решение было единогласно принято. Более того, было заявлено, что члены Постоянного комитета обязуются лоббировать этот вопрос в своих правительствах. Теперь свою главную задачу мы видим в активизации участия в рабочих группах СТЭС, которые, как отмечалось, постепенно сращиваются с аналогичными по тематике группами АТЭС и совместно разрабатывают условия и механизмы тихоокеанской экономической интеграции.

О наших внутренних мероприятиях. Комитет проводит работу по доведению информации об эффективных для России формах участия в деятельности СТЭС и ТЭС, стремясь привлечь к этой сфере правительственные, научные, деловые круги. Члены Комитета участвуют в практической работе по активизации внешнеэкономического сотрудничества восточных регионов России со странами АТР. Здесь на персональном уровне совмещаются деятельность в РНКТЭС и разработка долгосрочной Программы развития Дальнего Востока и Забайкалья, имеющей значительный внешнеэкономический блок*. Наибольшую заинтересованность в разработке этой Программы демонстрирует Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия Дальнего Востока и Забайкалья (на базе которой действует Дальневосточный центр РНКТЭС). Главным разработчиком Программы является Совет по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству (Председатель - А. Г. Гранберг).

В июне 1994 г. в Торгово-промышленной палате прошла широкая презентация РНКТЭС. В МИДе в июле 1995 г. проведено совещание о деятельности России в ТЭС. Проведены заседания Бюро Отделения мировой эконо-

* Точное название этой программы, разрабатываемой по указанию Президента Российской Федерации: Программа долгосрочного развития Дальнего Востока с учетом закрепления населения, структурной перестройки и вовлечения в мировое хозяйство через страны Азиатско-тихоокеанского региона

мики и международных отношений РАН и Ученого совета Института Дальнего Востока РАН о взаимодействии с РНКТЭС.

Вопросы использования потенциала РНКТЭС в интенсификации внешнеэкономических связей восточных регионов рассматривались на заседаниях Советов межрегиональных ассоциаций "Сибирское соглашение" (Абакан, июль 1993 г.) и "Дальний Восток и Забайкалье" (октябрь, 1995 г.). Среди других мероприятий с участием и докладами от РНКТЭС упомяну совещание российских послов в Азии, совещание в МИДе по проблемам сотрудничества с Латинской Америкой, ежегодные заседания Международного союза экономистов (Сан-Франциско - 1993, Барселона - 1994, Сидней - 1995).

Издательская деятельность Комитета выглядит пока достаточно скромно. В 1994 г. издан проспект РНКТЭС. Информация о проблемах РНКТЭС публикуется в журналах "Международная жизнь", "Дипломатический вестник", "Регион: экономика и социология", "Зеленый крест", ряде центральных и региональных газет. Среди заинтересованных организаций распространялись отчеты о Генеральных сессиях СТЭС и ТЭС, аналитические обзоры. К настоящей конференции выпущены обновленный проспект ("Общие сведения") и Информационный бюллетень № 1, который станет периодическим (не менее 4-х выпусков в год). *

Об организационном аспекте работы Президиума и Секретариата РНКТЭС. Структура нашего Комитета - это своего рода федералистская модель: национальная штаб-квартира в Москве и имеющие значительную самостоятельность региональные центры. К созданным ранее Дальневосточному центру (г. Хабаровск) и Сибирскому центру (г. Новосибирск) добавился Урало-Поволжский центр (г. Ижевск), его председателем избран профессор В. И. Гольфарб.

В Дальневосточном центре с конца 1993 г. создалась трудная ситуация в связи с изменениями структуры власти. Надо отдать должное И. Н. Цветкову, который накануне своей трагической гибели в автокатастрофе провел заседание Центра, где был выработан план восстановления его работоспособности. В октябре на Конференции ДВЦ РНКТЭС его новым председателем избран В. И. Ишаев, глава администрации Хабаровского края, председатель Совета межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье"; заместителем председателя избран профессор П. А. Минакир, директор Института экономических исследований ДВО РАН. Образован также Аналитический центр РНКТЭС на базе ИЭИ ДВО РАН (руководитель П. А. Минакир).

В соответствии с Уставом РНКТЭС его Секретариат функционирует при МИДе. Работа Секретариата осложнилась после перехода из МИДа на другую работу сначала ответственного секретаря РНКТЭС Е.И. Сафронова, а затем заведующего Секретариатом Н. В. Морозова. Функции Секретариата были возложены МИДом на Департамент международного экономического сотрудничества (руководитель П. С. Смирнова). Однако переходный период в работе Секретариата сильно затянулся; из-за этого особенно страдала информационная работа. В этой ситуации Президиум настойчиво искал путь нормализации работы Секретариата. В последние месяцы результаты деятельности Секретариата отчетливо видны. Считаю, что первой организацион-

* В Информационном бюллетене РНКТЭС №1 опубликованы аналитические отчеты о 28-й Генеральной сессии Тихоокеанского экономического совета, заседании Постоянного комитета и Координационной группы Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, XI Генеральной сессии Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству.

ной заботой нового состава Президиума Комитета станет обеспечение эффективной работы Секретариата.

Должен отметить возросшую интенсивность работы Президиума в 1995 г.: заседания Президиума стали проводиться практически каждый месяц. Из состава Президиума, избранного в 1993 г., выбыл ряд членов; их обязанности выполняют новые лица по принципу представительства от организаций-учредителей РНКТЭС и региональных центров. Полагаю необходимым принятие поправок к Уставу РНКТЭС, гарантирующих стабильную работу Президиума в период между конференциями Комитета.

Наиболее болезненной проблемой Комитета остается недостаток финансовых средств для обеспечения на должном уровне и наших внешних контактов (особенно в рабочих группах и спецкомитетах СТЭС и ТЭС), и для проведения внутренних мероприятий, и для издательской деятельности.

В отличие от других национальных комитетов СТЭС и ТЭС, мы не получаем финансовой поддержки от государства, за исключением содержания Секретариата за счет МИДа. Добившись вхождения в ведущие тихоокеанские экономические организации, мы каждый год вынуждены разными путями изыскивать средства для уплаты обязательных взносов, хотя необходимая для этого сумма намного меньше затрат на заграничную поездку одной официальной делегации. Что делать? По линии МИДа подана заявка на целевое финансирование РНКТЭС из федерального бюджета. Предлагаю Конференции поручить Президиуму РНКТЭС обратиться к Президенту и Правительству РФ с предложениями об активизации взаимодействия с РНКТЭС, включая его финансовую и организационную поддержку.

Разработка и реализация плана последующих конкретных действий Национального комитета - это задача нового состава Президиума. Поэтому я ограничусь перечнем только ближайших дел, которые являются естественным продолжением работы, выполнявшейся в последнее время.

1. Оживление, расширение и гармонизация членской базы Комитета с упором на привлечение представителей деловых кругов; эта работа значительно активизировалась накануне данной Конференции.

2. Усиление взаимодействия с ветвями государственной власти после проведения выборов в палаты Федерального собрания и утверждения нового состава Правительства. Напоминаю, что РНКТЭС в мае 1994 г. подписал Договор об общественном согласии и вправе рассчитывать на конструктивное партнерство с федеральными властями в осуществлении своих уставных задач.

3. Эффективнее стимулировать и использовать научно-аналитический потенциал Комитета с опорой на институты РАН и другие научные центры. Многие из них дали заявку на вступление в РНКТЭС. Обращаю на это внимание. Полагаю, что уже завтра научная сессия Конференции подготовит предложения по развитию и координации исследований по тематике: Россия в АТР.

4. Обеспечение постоянного участия РНКТЭС в рабочих группах и спецкомитетах СТЭС и ТЭС. В ближайшие месяцы реально осуществить прорыв в 2-х - 3-х рабочих группах.

5. Подготовка к 29-й Генеральной сессии ТЭС (Вашингтон, май 1996 г.), в программе которой запланирована специальная сессия "Россия в АТР". Мы должны закрепить свой организационный успех на XI Генеральной сессии СТЭС, обеспечив высокий уровень представительства российской делегации в Вашингтоне.

Надеюсь, что наша Конференция выработает продуктивные решения, способствующие усилению позиций России и ее регионов в Тихоокеанском экономическом сотрудничестве.

Корейская политика России требует корректировки

© 1996

Е. Дробышев

В международных отношениях в азиатско-тихоокеанском регионе происходят кардинальные геополитические изменения. Идет активный процесс перехода от "холодной войны" - жесткой военно-политической и идеологической конфронтации, к поиску новой модели межгосударственных отношений. Причем здесь проявляются две противоположные тенденции. С одной стороны, утверждаются общепризнанные принципы межгосударственного общения - невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета, взаимная выгода и т.д., расширяются интеграционные процессы, разрабатываются идеи налаживания многостороннего диалога по вопросам безопасности. С другой - в стремлении к лидерству в регионе усиливаются трения между отдельными государствами, ужесточается торговая война (США-Япония), не снижается гонка вооружений, обостряются территориальные проблемы (острова Южно-Китайского моря). Сейчас вряд ли можно говорить о том, что одна из этих тенденций является преобладающей. Скорее всего этот противоречивый процесс идет параллельно. Но есть опасения, что негативные факторы могут взять верх, ибо внимательный анализ происходящих событий высвечивает попытки некоторых государств искусственно усилить свою роль в АТР в ущерб интересам других стран.

Аналогичные процессы наблюдаются и в субрегионе Северо-Восточной Азии, но здесь их в большей степени, чем в целом в АТР, можно характеризовать со знаком минус. Наиболее тревожной "точкой" СВА остается Корейский полуостров, где ситуация по-прежнему нестабильна. КНДР и РК завязли в глубокой конфронтации, межкорейский диалог находится в тупике. С обеих сторон не видно желаний начать движение навстречу друг другу, хотя и имеют место контракты на поставки южнокорейского риса на Север. Однако политический диалог, на чем настаивает Сеул, напрочь отвергается Пхеньяном. И, судя по всему, северокорейское руководство не намерено идти на какие-либо уступки администрации Ким Ен Сама по вопросам, касающимся политического аспекта межкорейских отношений.

Далека от разрешения северокорейская ядерная проблема. Компромисс в Женеве в октябре 1994 г. и в Куала-Лумпуре в июне 1995 г. окончательно не предопределил урегулирование этого сложного вопроса. Вашингтону, Сеулу и Токио не раз придется столкнуться с жесткой линией поведения КНДР. Если сегодня Пхеньян запросил дополнительно 1 млрд.долл. (к 4,5 млрд.долл., которые пойдут на строительство легководных реакторов и поставку их в Северную Корею) на демонтаж графитовых реакторов, то трудно предсказать, ка-

кие новые требования и условия будут выдвинуты им в ходе последующих переговоров. Ясно, что ядерная программа КНДР будет по крайней мере до конца XX века оставаться дестабилизирующим фактором на Корейском полуострове.

В весьма серьезную проблему превращается вопрос о поддержании мира в Корее. Целенаправленные попытки Пхеньяна в одностороннем порядке демонтировать сложившийся механизм перемирия (выход из Военной комиссии, прекращение деятельности Комиссии нейтральных государств в северной части демилитаризованной зоны), навязывание США переговоров о пересмотре Соглашения о перемирии 1953 г. и заключении мирного договора только с Вашингтоном дали еще один повод для конфронтации на полуострове. Северокорейские угрозы полностью отказаться от соблюдения Соглашения 1953 г. в случае, если США не пойдут на подписание нового документа, нельзя не воспринимать серьезно. Недавние события показывают, что Пхеньян готов к непредсказуемым шагам (вспомним хотя бы его заявление о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия).

Со стороны Сеула также имеют место действия и недостаточно продуманные заявления в отношении Северной Кореи, что, как очевидно, не добавляет стабильности Корейскому полуострову. "Главный пробел" южнокорейской политики в отношении КНДР состоит в том, что Сеул не скрывает, - а если и пытается это сделать, что весьма неудачно - своего стремления добиться краха режима Ким Чен Ира путем "открытия" северокорейского общества. Такие замыслы не могут не понимать в Пхеньяне. Попытки "вскрыть" Северную Корею особенно наглядно проявились в первые годы после объединения Германии. В Сеуле подсчитали, что настало время и для воссоединения Кореи, и предприняли массированную политическую атаку на КНДР. Эти попытки заметно усилились после смерти Ким Ир Сена. Однако дальнейшие события показали, что несмотря на серьезные экономические трудности, режим Ким Чен Ира еще достаточно жизнеспособен, и его новый лидер контролирует ситуацию в стране и готов к продолжению конфронтации с Югом. Более того, в Сеуле, по-видимому, и сегодня не понимают или не хотят понимать, что тактика давления на КНДР не ослабила, а наоборот, способствовала укреплению режима Ким Чен Ира и позиций самого лидера. Такая тактика сплотила вокруг нового вождя даже тех, кто по тем или иным причинам сомневался в способности Ким Чен Ира стать преемником Ким Ир Сена. В итоге южнокорейское руководство допустило стратегический просчет, воздействие которого на дальнейшие отношения Сеула с Пхеньяном сейчас даже трудно предвидеть. Во всяком случае северокорейскому режиму стало, судя по всему, совершенно очевидно, что любые контакты с Югом последний будет использовать с тем, чтобы подорвать "социалистическую систему КНДР". Поэтому глубокое недоверие и вражда будут в ближайшие годы определять суть межкорейских отношений.

В условиях продолжающейся межкорейской конфронтации возрастает роль внешнего фактора - России, США, КНР и Японии, которые стремятся закрепить собственное влияние на Севере и Юге Кореи. В настоящее время наиболее активно действуют Соединенные Штаты. В феврале 1995 г. Вашингтон отказался от стратегической инициативы для Восточной Азии Дж.Буша, предусматривающей поэтапное сокращение американских сил в США до 2000 г., и принял новую стратегию, главная цель которой — сохранить по крайней мере до конца нынешнего века уровень военного присутствия США в Северо-Восточной Азии (100 тыс. военнослужащих). Это, естественно, касается и Корейского полуострова, где расквартировано около 40 тыс. американских войск.

Провозгласив курс на упрочение отношений с Республикой Корея (сохраняя, конечно, и договор о взаимной обороне с РК), администрация Клинтона одновременно ведет линию на налаживание стабильного диалога с КНДР. Начав с обсуждения северокорейской ядерной проблемы, Вашингтон и Пхеньян приступили к рассмотрению вопроса о нормализации двусторонних отношений. Несмотря на вялотекущий переговорный процесс, стороны постепенно продвигаются вперед, демонстрируя при этом обоюдное желание продолжать усилия по оздоровлению двусторонних отношений. Пхеньян недвусмысленно требует, чтобы Вашингтон был более активен не только в разрешении ядерного вопроса, но и согласился на заключение договора взамен Соглашения о перемирии 1953 года. При этом он демонстрирует готовность сотрудничать с КЕДО (Организация развития энергетики на Корейском полуострове) - Международным консорциумом, созданным для перепрофилирования северокорейской ядерной программы, в состав которого входят представители США, Южной Кореи и Японии.

Расширение рамок американо-северокорейского диалога с подозрительностью воспринимается Сеулом. Там не могут не замечать, что КНДР, завязывая стабильный диалог с США, стремится "отодвинуть" Южную Корею от обсуждения проблем полуострова и добиться договоренностей с американцами за ее спиной. США на официальном уровне заявляют, что не пойдут на существенное улучшение отношений с КНДР без продвижения в межкорейском диалоге. В реальной же политике Вашингтон ведет себя с северокорейцами достаточно прагматично и продолжает с ними словесные баталии. Конечно, речь не идет о том, что Соединенные Штаты хотят "поменять" Север на Юг. Но фактом остается то, что Вашингтон усиленно наводит мосты с Пхеньяном, постепенно укрепляя свои позиции на севере полуострова.

Северокорейские стратегии со своей стороны также, судя по всему, понимают намерения США. Но необходимость поиска новых партнеров и доноров в условиях серьезных политических и экономических трудностей толкает КНДР к налаживанию контактов с Соединенными Штатами. Причем делается это осмотрительно, чтобы не допустить резких движений, которые вышли бы из-под контроля руководства. В официальной же пропаганде американский империализм остается "злейшим врагом" КНДР. Народ призывают быть бдительным и готовиться к возможному "отпору американскому агрессору".

В Пхеньяне, в свою очередь, пристально следят за политикой и действиями Вашингтона в отношении КНДР, имея в виду не допустить нежелательного для северокорейского режима воздействия диалога с США на внутривнутриполитическую жизнь страны. Поэтому там в любой момент могут прервать контакты с американцами, если почувствуют, что ситуация меняется не в пользу Северной Кореи. А жупел "американской угрозы" - это была своего рода палочка-выручалочка для Ким Ир Сена, а теперь и для Ким Чен Ира, позволяющая на каком-то этапе еще больше "закрутить гайки", убрать недобровольных, свалив на США все прегрешения самого режима и его лидера.

Роль японского фактора на Корейском полуострове нельзя назвать достаточно существенной. Токио не демонстрирует самостоятельности в корейском вопросе, его линия поведения скорее ассоциируется с американской политикой. Такая японская тактика имеет под собой "объективную" почву. В Токио понимают, что "невосприятие" Японии в обеих Кореях, как впрочем и в Азии в целом, из-за ее прошлой жестокой колониальной политики пока продолжается. Японские правящие круги учитывают это и стремятся действовать тонко, солидаризируясь с политикой США на полуострове по важнейшим вопросам (ядерная программа КНДР, межкорейский диалог и т.д.). Прак-

тически ежегодно Япония приносит свои извинения корейскому народу за совершенные злодеяния в колониальную эпоху, пытаясь, таким образом, создать "новый имидж" среди корейцев Севера и Юга.

Что же касается экономических связей, то здесь Токио действует активно и наступательно. Япония имеет широкие и разносторонние торгово-экономические отношения с Южной Кореей. Огромный приток японских инвестиций в экономку РК сыграл значительную роль в создании "южнокорейского экономического чуда" (только за 1994 г. японские инвестиции составили около 1 млрд. долл.). Постоянно расширяется японо-южнокорейская торговля (в 1994 г. ее объем достиг 40 млрд.долл.). Правда, здесь имеются свои трудности - дефицит РК постоянно увеличивается (в 1994 г. составил более 3 млрд. долл.).

В северокорейско-японских отношениях прогресса пока не наблюдается. Пхеньян и Токио ведут жесткую политическую конфронтацию. Особенно упорствует в этом Северная Корея, требующая от Японии безусловных извинений за колониальное прошлое, огромных финансовых средств за причиненный ущерб (40 млрд.долл.) и обязательств не допускать впредь враждебных действий в отношении всего корейского народа.

Северокорейско-японский политический диалог находится в тупике. Токио практически готов к его возобновлению (диалог был прерван два года назад главным образом из-за острых разногласий по поводу ядерной деятельности КНДР). Тем не менее Токио согласился участвовать в КЕДО. Японская сторона выразила готовность внести более 1 млрд.долл. на перепрофилирование северокорейской ядерной программы. Япония согласилась также поставить 200 тыс. т риса испытывающей нехватку продовольствия Северной Корее. Торговля с Японией имеет сегодня очень важное значение для КНДР. Токио является вторым после Китая торговым партнером Пхеньяна (в 1994 г. объем товарооборота составил 400 млн.долл.).

В Японии, судя по всему, сознают, что рано или поздно придется нормализовать отношения с КНДР, особенно с учетом того, что американцы активно внедряются на север Корейского полуострова. Поэтому вполне вероятно, что Токио придется действовать более независимо от США и РК в отношении КНДР с тем, чтобы "не опоздать" и занять свое место на северокорейском рынке и завоевать соответствующие политические позиции в этой стране.

Пхеньян, зная намерения японцев, ведет игру с ними в надежде заполучить за нормализацию отношений не только политические дивиденды, но и финансовые. В целом же Япония, не заинтересованная в объединении двух Корей (не хочет иметь сильного экономического конкурента в лице единой Кореи и неудобного в политическом и психологическом отношении партнера), как ни парадоксально, становится негласным сторонником сохранения и укрепления северокорейского режима, что, естественно, вызывает осложнения отношений с Южной Кореей, претендующей на то, чтобы объединить Корею на базе собственной программы. В этой связи нельзя не предположить, что корейская политика Японии в ближайшие годы будет отличаться большей осторожностью и одновременно большей независимостью от американской политики, особенно в отношении Северной Кореи.

В подходе Китая к проблемам Корейского полуострова достаточно четко прослеживается сбалансированность и хорошая просчитанность. Пекин не спешит ангажировать себя поддержкой тех или иных шагов Северной и Южной Кореи, стремится действовать взвешенно и осмотрительно по самым деликатным аспектам корейской проблематики. Возьмем для примера позицию Китая в ядерном вопросе КНДР. Когда проблема достигла критического уровня (Пхеньян объявил о выходе из Договора о нераспространении), китайцы в

отличие от США, России, Японии и ряда других государств не выступили с резкими заявлениями (о применении против Северной Кореи санкций и т.п.), а призвали к продолжению поиска дипломатических средств разрешения возникшей кризисной ситуации и одновременно продолжали кропотливую работу с северокорейцами, убеждая их возвратиться в ДНЯО. Не менее серьезная работа была проведена ими и с американцами. В результате удалось убедить Пхеньян не прерывать переговорный процесс.

Китаю в отличие от России удалось сохранить свои позиции на Корейском полуострове. Его линия поведения в корейских делах пользуется уважением и КНДР, и РК. Пекин без резких движений установил дипломатические отношения с Сеулом, предварительно создав солидный экономический задел. К моменту нормализации дипотношений (к 1992 г.) китайско-южнокорейская торговля составляла более 3 млрд.долл. А сегодня Пекин имеет 15-миллиардный оборот с Сеулом; южнокорейские инвестиции в экономику КНР составили свыше 5 млрд.долл. Конечно, Северная Корея не испытывает особого "удовлетворения" на этот счет, однако вынуждена смириться. Тем более Китай не оставляет "в беде" своего давнего друга. Пекин оказывает существенную экономическую помощь режиму Ким Чен Ира, в политическом плане поддерживает его, развивает военные и иные связи с Пхеньяном. Сохраняется в полном объеме, в т.ч. и первая (военная) статья, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, хотя с обеих сторон и не афишируются военные аспекты сотрудничества.

Как бы ни складывались отношения КНР-РК, Китай не станет жертвовать своим северокорейским союзником. Пекин заинтересован в упрочении позиций Ким Чен Ира в стране и на международной арене, предпринимает и будет предпринимать впредь самое непосредственное участие в укреплении северокорейского режима, т.к. видит в этом препятствие для распространения влияния главным образом США и Японии на Корейском полуострове. Вместе с тем в Китае понимают, что существование северокорейского режима в прежнем, "кимирсеновском виде" бесперспективно, и дают понять Ким Чен Иру (об этом они, кстати, неоднократно говорили и покойному вождю), что без проведения экономических реформ страна просто не выживет.

Если дать объективную оценку позициям России на Корейском полуострове, то необходимо признать, что они слабые и продолжают ослабляться. Уменьшение влияния РФ в Корее связано как с объективными, так и субъективными причинами. К первым следует отнести общее политическое, экономическое ослабление России. Продолжающийся внутривнутриполитический и экономический кризис подрывает и международный престиж РФ, что, естественно, сказывается и на влиянии России на Корейском полуострове.

КНДР не может смириться с тем, что Россия фактически отказалась от дружественных отношений с Пхеньяном, периодически вместе с США и Южной Кореей оказывает давление на КНДР (по ядерной проблеме). Северокорейцы не могут простить нам поставки вооружения на Юг (в счет частично-погашения долга), разрыв экономических связей, острую критику в российских СМИ политической системы КНДР и ее лидеров.

Внешне благополучно складываются наши связи с Республикой Корея - поддерживается интенсивный политический диалог, в том числе на высшем уровне, расширяется взаимная торговля (в 1995 г. она составила 3 млрд.долл.), активно развиваются культурные и научные связи. РФ и РК провозгласили курс на развитие конструктивного взаимодополняющего партнерства. Вместе с тем становится очевидным (а для специалистов с самого начала было очевидно), что ориентация российской политики только на Южную Корею

- это непродуманный шаг, который в конце концов приведет к резкому ослаблению или вообще к утрате позиций России на полуострове. Так оно и случилось.

Вряд ли можно согласиться с таким шагом российской дипломатии, как непродление Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1961 г. Конечно, с момента заключения документа прошло более 30 лет, многое изменилось в России, на Корейском полуострове и вокруг него. Однако нельзя не признать, что Договор сыграл стабилизирующую роль на Корейском полуострове. Советский Союз неоднократно, опираясь на зафиксированные в этом документе положения (прежде всего на статью 1), добивался нормализации обстановки в Корее (вспомним хотя бы инцидент с американским шпионским судном "Пуэбло" в 1968 г.), не раз "остуживал" горячие головы, которые были бы не прочь попытаться еще раз использовать военную силу для объединения Кореи.

Во всей этой истории с Договором весьма "странно" вела себя Южная Корея. МИД РК "приветствовал" решение Москвы не продлевать Договор 1961 г., расценив его как "ликвидацию отношений военного союза" между бывшим СССР и КНДР. Одновременно южнокорейское внешнеполитическое ведомство умолчало о том, что РФ предложила Северной Корее подписать новый документ - Договор об основах дружественных отношений.

Или другой пример. Как ведет себя наш "конструктивный партнер" в отношении российского участия в урегулировании внешних аспектов корейской проблемы? Президент Ким Ен Сан 15 августа 1995 г. (50-летие освобождения Кореи) собирался выступить с новой инициативой и предложить проведение четырехсторонней конференции РК-КНДР-США-КНР с целью выработки новой системы поддержания мира на полуострове взамен Соглашения о перемирии 1953 г. Вашингтону и Пекину на этом форуме отводилась роль наблюдателей за процессом межкорейских переговоров и в случае достижения договоренностей - стать их гарантом. Такая задумка не была реализована. Ким Ен Сам заявил о стремлении Сеула в диалогу с Пхеньяном по данной проблеме. Однако американский посол в РК Дж.Лейни озвучил то, что не произнес южнокорейский президент, т.е. согласие Соединенных Штатов на четырехсторонний формат переговоров. А России опять не найдено место там, где ее интересы очевидны. И можно ли назвать это конструктивным партнерством?

Приведенные выше факты (а их количество можно продолжить) свидетельствуют, что российское влияние на Корейском полуострове в значительной степени подорвано. Чтобы восстановить, или хотя бы несколько улучшить наши позиции в Корее, потребуются многие годы и немалые усилия. Что для этого можно и нужно сделать уже сейчас? Прежде всего необходимо твердо осознать, что Россия как соседняя с Корейским полуостровом страна имеет значительный национальный интерес в этом районе, и никто не вправе оспаривать его. В чем состоит этот интерес? В поддержании стабильности, ослаблении напряженности на Корейском полуострове, налаживании добрососедских отношений как между обеими Кореями, так и между соседями полуострова. Вполне понятно, что нельзя допустить, чтобы отношения России с одним корейским государством были натянутыми, а временами становились даже недружественными, а с другим партнерскими. В отношении же КНДР российской стороной были предприняты целенаправленные действия по ухудшению отношений (а в мидовской концепции внешней политики был записан тезис "о неизбежном отдалении" от этой страны). Трудно себе представить, куда можно отдаляться от соседа. Это, как представляется, был заранее спланированный шаг теми непрофессионалами, которые "внедрились" в МИД России после распада СССР.

По нашему убеждению, России нужны добрые, дружественные отношения с обоими корейскими государствами. Сейчас стоит задача выправить отношения с КНДР. Как это сделать? Определенные шаги в этом направлении сделаны заместителем министра иностранных дел А.Н.Пановым.

Сейчас необходимы серьезные и последовательные меры на высоком политическом уровне в отношении Пхеньяна. Это - прежде всего встречи и переговоры между министрами иностранных дел двух стран с изложением четких и гарантированных действий России по налаживанию добрососедских отношений с КНДР. Важно интенсифицировать диалог с Пхеньяном на предмет скорейшего согласования Договора об основах дружественных отношений между РФ и КНДР и подписания его на соответствующем уровне.

Требуются взаимные и конкретные усилия по активизации экономических связей, реанимация взаимовыгодных соглашений. Это, конечно, не означает, что Россия, как и бывший СССР, возьмет на себя субсидирование северокорейской экономики. Нет. Речь может идти только о тех проектах, которые взаимовыгодны (лесозаготовка на российской территории силами корейских лесорубов при строгом соблюдении нашего законодательства, направление корейских строителей и сельскохозяйственных рабочих на наш Дальний Восток, активное развитие приграничных связей, участие в проекте "Туманган" и т.д.).

Весьма остро стоит проблема северокорейского долга (около 6 млрд.долл.). Эту и другие торгово-экономические проблемы нужно решать через Межправительственную комиссию по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, заседание которой откладывается (по нашей вине) уже более двух лет.

Важно отрегулировать также военные связи, военно-техническое сотрудничество. Видимо, нужно отказаться от увязки этого вида сотрудничества, от того, нравится ли оно США, РК, Японии или кому-либо еще. Конечно, принцип разумной оборонной достаточности, коммерческая выгода, учет военно-политической обстановки на Корейском полуострове должны быть приоритетными при определении объемов военно-технического сотрудничества. Нельзя не признать, что поставки российского вооружения и боевой техники в РК (даже в счет погашения долга) - плохо продуманный, неудачный шаг (Южная Корея имеет достаточно американского и иного вооружения). В Северную Корею такие поставки уже давно прекращены.

Учитывая изменившиеся условия, важно активизировать процесс обновления законодательной базы российско-северокорейских отношений, приведение ее в соответствие с существующими реалиями и международными стандартами. При разработке новых двусторонних документов нужно отказаться от каких-либо изъятий, "секретных протоколов" и т.д. Юридическая основа отношений РФ-КНДР должна быть сильной, четкой и отвечать современным нормам международного права. Создание обновленной правовой основы, отказ от таких понятий, как старшие и младшие братья, большие богатые и бедные малые страны позволят превратить российско-северокорейские отношения в подлинно равноправные и взаимовыгодные.

Серьезно предстоит подкорректировать связи России с Республикой Корея, особенно в политической сфере. За пять лет, прошедших после нормализации двусторонних отношений, РФ и РК создали хорошую основу для активного развития всестороннего сотрудничества (Договор об основах отношений, политическая и экономическая декларации, другие документы). Главное, чтобы эти документы хорошо работали на обе стороны, во благо РФ и РК. Но на практике получается несколько по-иному. В Сеуле понимают провозглашенное в политической декларации конструктивное партнерство как под-

держку РК в межкорейских отношениях. Складывается впечатление, что нам отводится роль "проводника" южнокорейской политики на полуострове. А стоит России выступить в самостоятельной идеей, как в Вашингтоне, а затем сразу же и в Сеуле заявляют, что "идея хорошая, но преждевременная" (речь идет о нашем предложении о созыве международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова). Москву пытаются использовать для того, чтобы "дожать" Пхеньян в ядерном вопросе, призывают присоединиться к санкциям против КНДР и т.п. К сожалению, Москва не всегда дает отпор таким пожеланиям.

Южнокорейская сторона фактически сдерживает экономическое сотрудничество с нами. Власти РК не дают гарантии своим компаниям, желающим вкладывать капитал в российскую экономику. Хотя взаимная торговля расширяется, однако инвестиции Южной Кореи мизерны (около 30 млн.долл.; для сравнения - в китайское хозяйство вложено уже более 5 млрд.долл.).

Есть проблема российского долга за кредиты, предоставленные РК бывшему СССР. Здесь движение вперед наметилось. Правда, вряд ли поступаем мы мудро, предлагая оружие в счет частичного погашения задолженности. Нужно бы учитывать болезненную реакцию Севера, да и общее состояние межкорейских отношений.

И еще один вопрос. Все мы являемся свидетелями активного делегационного, человеческого общения между Россией и Республикой Корея. Это нельзя не приветствовать. Но когда мы видим, что Сеул и Москву посещают высокопоставленные деятели по нескольку раз в год (1992 г. - Президент РФ в Сеуле; 1993 г. - министр иностранных дел РФ - в Сеуле; 1994 г. - Президент РК в Москве, Председатель Совета Федерации ФС РФ в Сеуле; 1995 г. - Председатель правительства РФ в Сеуле, зам.председателя правительства (дважды) в Сеуле, министр обороны РФ в Сеуле), то очевиден вполне резонный вопрос - неужели так необходимо ежегодно ездить в одну страну? И второй вопрос - каковы конкретные результаты? На бумаге - много обязательств и пожеланий. А инвестиции РК в российскую экономику так и не текут.

На фоне активности российско-южнокорейских контактов практически нет таких вот с Северной Кореей. А ведь это наш сосед, мы имеем общую границу. Как должен реагировать Пхеньян? Делает он это по-корейски. Затаился и периодически "огрызается", когда некоторые наши деятели, зарвавшись, советуют третьей стране "бойкотировать" КНДР.

Вполне понятно, что так строить политику на Корейском полуострове нельзя. Такую политику не поймут ни у нас, она не прибавит нам авторитета и уважения за рубежом. Нам необходима сбалансированная и хорошо продуманная линия поведения в корейских делах, нацеленная на укрепление позиций РФ в Корее, обеспечение там наших интересов. Такая линия в обязательном порядке предусматривает добрые, дружественные, партнерские отношения и с КНДР, и с РК. Нужно так строить наше сотрудничество с обоими корейскими государствами, чтобы оно не наносило ущерба ни России, ни Северной, ни Южной Корее. Особо важно подчеркнуть, что Россия не должна допускать проявление чванства и высокомерия по отношению к ней, неуважительное отношение к себе, к своей политике. Только такая политика получит одобрение и поддержку у нас в стране, будет пользоваться уважением на Севере и Юге полуострова, во всей Северо-Восточной Азии.

Американо-китайские отношения: жизнь на краю обрыва

© 1996

Д.Лэмpton

Введение

В течение 16 лет, прошедших со дня нормализации отношений между США и Китаем, Пекин и Вашингтон пять раз оказывались на самом краю "дипломатического утеса" (в 1982, 1989, 1993, 1994 и 1995 гг.). В 1982 г. в центре разногласий стояли американские военные поставки на Тайвань. В 1989, 1993 и 1994 гг. проблема упиралась в права человека и в вопрос о том, следует ли США увязывать предоставление льготных тарифов на экспорт из КНР с правами личности в Китае. В 1995 г. причиной напряженности и спада в отношениях вновь стал Тайвань.

В этих сменяющих друг друга на протяжении 13 лет проблемах есть лишь один утешительный факт: каждый раз, когда стоя на краю утеса, две столицы "спускали пары" на дно ущелья, их отношения вновь обретали более твердую почву. Беспокоит, однако, то, что нарастает масса трений и взаимного недовольства, все больше ставится на карту, и растет уровень взаимного непонимания.

В нынешней чрезвычайной ситуации каждая из сторон уже сделала шаги к тому, чтобы вернуть отношения на твердую основу. Однако постоянное устремление к краю утеса опасно, ибо почва может неожиданно оказаться зыбкой; лидеры, стоя на краю утеса, могут неверно оценить расстояние или потерять ориентацию в тумане международных отношений и внутренней политики; кто-либо (например, Тайвань) может подкрасться сзади и подтолкнуть ту или иную (или обе) стороны; или глубинные политические силы как в той, так и в другой стране могут заставить их совершить фатальный прыжок. Как говорил генерал Тодзе японскому премьеру Коноэ в связи с роковой атакой на Перл-Харбор, "В какой-то момент своей жизни человек может ощутить необходимость закрыть глаза и прыгнуть из храма Киемиру-дера на вершине Киото в глубокую пропасть".

В этой связи хотелось бы рассмотреть следующие вопросы:

Какие силы постоянно подталкивают каждую из сторон к краю обрыва?

Какие силы удерживали каждую и обе из сторон от прыжка, и становятся ли эти силы сильнее или слабее?

Какие ориентиры помогли бы обеим сторонам в более эффективном управлении своими двусторонними отношениями?

Дэвид М.Лэмpton, президент Национального Комитета по американо-китайским отношениям (Нью-Йорк, США). Доклад на заседании Ученого совета ИДВ РАН по случаю вручения диплома Почетного доктора ИДВ РАН.

Почему мы постоянно оказываемся на краю пропасти?

Для того, чтобы понять, почему обе стороны продолжают движение к краю пропасти, необходимо уяснить три момента в отношении каждого общества:

а) т.н. “мега-мифы”, т.е. “генеральные истории”, которые разрабатывает каждая страна, дабы объяснить свои превалирующие в данный момент обстоятельства и представить свое наиболее вероятное будущее;

б) как внешнеполитическое руководство страны воспринимает цели, интересы, а также сильные и слабые стороны как другой, так и своей собственной страны;

в) как внутренняя политика формирует поведение каждого соответствующего общества в отношении другого общества.

Изучение этих факторов четко показывает, что в обозримом будущем китайско-американские отношения будут пребывать в беспокойном состоянии.

Генеральные истории в Китае и США

Любое общество всегда разнородно, ибо состоит из людей и групп, имеющих различный жизненный опыт, различные религиозные верования и системы ценностей, а также различные политические и экономические интересы. Обществам необходимы т.н. “генеральные истории”, которые объясняют, что общего у таких разнородных групп, как в ходе исторического развития сформировались их нынешние обстоятельства, и что необходимо сделать для улучшения их общей судьбы.

Генеральная история Китая построена на таких понятиях, как суверенитет, благосостояние и мощь. Эта история уходит корнями в широко распространенные представления XIX и предыдущих веков. Суть истории состоит примерно в следующем: когда Китай был слаб, его эксплуатировали внешние силы, которые стремились выйти на китайский рынок на собственных условиях, разделить страну и сорвать модернизацию Китая. Однако сейчас ситуация изменилась, и Китай непременно станет великой державой. Единство Китая, его высокий уровень накоплений, высокий уровень народного образования, военная мощь и конкуренция между иностранцами за место на внутреннем рынке, которая дает Китаю определенные рычаги - все эти факторы в совокупности означают, что Китай не остановит в его движении к модернизации и что Китай не нуждается в манипуляциях извне. В недалеком будущем Китай вновь обретет свое достойное место в мировом порядке - место, которого он был лишен со времен Минской династии (1368-1644).

Многое может разделять китайцев из высших слоев системы и китайцев из низов, однако у них есть общее убеждение в том, что суверенитет Китая - это ключ к национальной мощи, что мощь - это ключ к суверенитету, что благосостояние и мощь порождают уважение, и что Китай становится богатым и могущественным. Воистину, многие западные дискуссии о “кризисе легитимности” в Китае не учитывают это гораздо более основополагающее и мощное побуждение, которое объединяет лидеров и народ Китая.

Американцы также имеют общее представление о современной истории. Американская “генеральная история” частично построена на “победе в холодной войне”, но также содержит и “неовильсоновское” побуждение, т.е. убежденность в том, что существуют международные нормы поведения, что их необходимо соблюдать, и что мир можно защитить посредством всемирного права. Америка должна помогать другим странам обеспечивать развитие и соблюдение международных норм, ведущих к демократии, и выполнять этот долг в интересах Америки, ибо дважды в этом веке мы пытались остаться в

стороне от нарушений международного порядка со стороны авторитарных режимов, и дважды мы были втянуты в глобальный конфликт. Американцы также убеждены в том, что в силу растущей экономической, экологической и информационной взаимозависимости действия других стран оказывают все более сильное воздействие на наши интересы, и, следовательно, мы вправе и даже обязаны формировать т.н. внутреннее поведение других стран.

Именно в этом контексте следует понимать политиков в администрации (и многих в Конгрессе), которые говорят, что у Америки есть подход к отношениям с КНР. Суть подхода в том, что при любом взаимодействии и на любых переговорах Вашингтон обязательно должен подталкивать и приучать Пекин к соблюдению международных норм поведения, пока Китай не окреп настолько, что сможет безнаказанно игнорировать эти международные нормы. Такой подход таит в себе много опасностей, и одна из них состоит в том, что мы все более склонны путать политические предпочтения США с "международными нормами". И что самое опасное, такой подход может вывести нас на пустынную дорогу чрезмерных обязательств.

Китайская и американская "генеральные истории" явно диссонируют и тем самым создают возможность существенных просчетов и в Пекине, и в Вашингтоне.

Восприятие

Представления внешнеполитических лидеров о своих собеседниках и о самих себе имеют исключительное значение. Представления китайских лидеров (и, в неведомой степени, рядовых граждан КНР) о целях США в 1990-е гг. вполне могут стать источником просчетов и конфликта.

В КНР на уровне и массового сознания, и сознания руководства все более явно прослеживается тезис о том, что Америка опасается роста Китая и поэтому стремится затормозить экономическое развитие КНР, раздробить страну и замедлить процесс обретения Пекином своего достойного места в мировом порядке. Далее, существует убежденность в том, что США - это "дряхлающая держава", что американское общество внутренне расколото и поэтому не способно к решительным действиям и не в состоянии держать постоянный курс, а также что США не в состоянии снискать помощь и поддержку своих "союзников" в реализации инициатив, которые самой Америке не под силу.

Убежденность в противодействии Америки росту Китая была подкреплена такими актами, как июльская (1993) резолюция Палаты представителей, призывающая Международный Олимпийский Комитет найти более подходящее, чем Китай, место для Олимпийских Игр 2000 г.; Джона Гопкинса в сентябре 1993 г., когда он призвал к стратегии "расширения" и заклеил КНР наряду с Северной Кореей и Ираком как "буксующее государство"; жесткая позиция США на переговорах об условиях вступления Китая в ГАТТ в качестве полноправного члена; непродуманные высказывания, звучащие на страницах журнала "Таймс" (лето 1995 г.), а также в Конгрессе и в кругах мудрецов-стратегов, о необходимости "сдержать" рост Китая; принятое в мае 1995 г. решение Вашингтона предоставить президенту Тайваня Ли Дэнхуэю визу для частного визита в Корнелльский университет в июне 1995 г.; сохранение в силе экономических санкций Вашингтона против Китая, принятых вследствие тяньаньмэньской трагедии 1989 г. и многое другое.

Как представляется (или кажется) многим лидерам и интеллектуалам в Китае, Америка, наращивая связи с соседями Китая, пытается таким обра-

зом создать вокруг него стратегическое кольцо. В качестве примера приводятся такие акции Вашингтона как нормализация отношений с Ханоем, стремление продать истребители Ф-16 Индонезии и Филиппинам, и улучшение отношений с Дели.

Многие пекинские лидеры не только усматривают наличие в США стратегии сдерживания, но и считают, что Конгресс и исполнительная власть сотрудничают в деле ее реализации. Разумеется, такие суждения игнорируют весомые свидетельства в пользу обратного: на деле, США сталкиваются с почти полным отсутствием возможности разработать и тем более осуществлять какую-либо единую стратегию на период после "холодной войны", а американцы в основном заняты своими внутренними экономическими делами. Если бы Вашингтон действительно стремился ослабить и сдержать Китай, то США не были бы главным (после зарубежных китайцев) источником прямых иностранных инвестиций и современной технологии для КНР, не отстаивали бы продажу Китаю суперкомпьютеров, способных имитировать ядерные испытания и конструировать оружие, и не позволили бы Пекину заработать в 1995 г. порядка 36-40 млрд. долл. чистых экспортных поступлений на американском внутреннем рынке.

В отличие от некоторых довольно влиятельных элементов космополитической ориентации в МИД Китая, которые не очень тяготеют к трактовке ситуации в категориях антикитайского заговора, многие лидеры (особенно в военных кругах) и рядовые граждане такую склонность имеют. Согласно опросу, проведенному "Циннянь жибао" в 1995 г., 87,1% молодых китайцев квалифицировали США как "наиболее недружественную страну" по отношению к Китаю.

Считая, что Вашингтон лелеет угрожающие замыслы, в Китае в то же время изображают Америку как дряхлеющую державу, чья мощь и воля приходят во все большее несоответствие со стремлением переустроить мир. В Китае полагают и открыто заявляют, что президент Клинтон отдает предпочтение внутренним проблемам, стремится сконцентрировать внимание на решении экономических вопросов, а его возможности во внешней политике ослаблены раздробленностью Демократической партии, раздорами в самой администрации, а также засильем республиканцев в Конгрессе.

Эта тенденция рассматривать Америку как страну с враждебными намерениями, но не способную к действиям, представляет собой некую странную смесь. Как говорил автору один официальный китайский представитель в разгар ракетных маневров КНР, проводимых в 100 км от северного побережья Тайваня в конце лета 1995 г., он был убежден, что Америка не станет вмешиваться в ситуацию на стороне Тайваня.

Отношение общественности и лидеров США к Китаю варьируется от прохладного до чуть теплого и представляет собой смесь беспокойства по поводу того, как скажется на США военно-экономический рост Китая, с одной стороны, и убежденности в том, что рост Китая несет в себе огромные возможности для Америки - с другой. И лидеры, и общественность США единодушны в том, что Китай важен для будущего Америки, и в то же время выражают растущую озабоченность по поводу Китая: "В настоящее время (1994 г.) более половины (57%) представителей общественности рассматривают Китай как возможную угрозу жизненным интересам Соединенных Штатов - т.е. на 17 пунктов больше, чем четыре года назад".

Короче говоря, американцы视зируют на Китай со смесью беспокойства и радостного ожидания, ощущая и плодородную почву для своих самых ра-

дужных экономических надежд и веские основания для самых страшных авторитарных кошмаров.

Следовательно, необходимо рассмотреть внутривосточную ситуацию в обеих странах.

Внутренняя политика Китая и Америки

В обеих странах внутренняя политика играет господствующую роль, в то время как внешнеполитическая риторика является производной от оценок внутренних интересов.

При множестве сил, действующих в Пекине, ключевую роль там играют военные. Частично это обусловлено тем фактом, что все потенциальные преемники Дэна в прошлом имели не столь сильные позиции в военных кругах, и поэтому каждому сопернику на пост Дэна необходима поддержка военных, которая укрепила бы его позиции в политической борьбе за власть.

Нам известно о воззрениях военных, кроме того, что они, по всей видимости, неоднородны? НОА, и особенно высшие слои НОА, недовольна и никогда не была довольна своим финансовым и политическим положением. С 1978 г. стало совершенно очевидно, что в программе "четырёх модернизаций" бюджету НОА отводилось четвертое место. В то время как начиная с 1988 г. отмечается неуклонный рост официального военного бюджета, этот номинальный прирост в большей части или даже целиком нейтрализуется инфляцией и девальвацией. Кроме того, видя, какое оружие разгромило силы Саддама Хусейна в Кувейте и Ираке в 1991 г., НОА понимает, как сильно она отстала в оснащённости современным оружием.

Что касается политической позиции, то начиная с 1977 г. отмечается серьёзное ослабление роли военных в провинциальных комитетах партии, в ЦК и в Политбюро КПК; в 1985 г. доля голосов представителей НОА в ЦК КПК составила рекордно низкий уровень 14,9%, и возрастание этой доли только начинается.

Исходя из такого положения, НОА, естественно, стремится завоевать более приоритетные позиции внутри страны, а поскольку она служит рычагом в борьбе за будущую власть и играет ключевую роль в поддержании внутреннего порядка, мнения военных приобретают все больший вес. Мнение же военных о США - по многим причинам - характеризуется изрядным отсутствием доверия. Частично это обусловлено тем, что военные в Китае (как и в любой другой стране) представляют собой резервуар национализма. Кроме того, каждый раз, когда Вашингтон стремится "наказать" КНР за нарушения прав человека, передачу и распространение технологий, или даже за торговые проблемы, НОА первая ощущает эффект таких карательных санкций и последняя чувствует облегчение при их отмене.

Неудивительно, что именно НОА наиболее активно потребовала жесткой реакции Пекина на визит Ли Дэньхуэя в Корнелльский университет в июне 1995 г., и, как указывают гонконгские источники, именно это давление заставило Цзян Цзэмина ужесточить свою позицию. Жесткая позиция НОА по отношению к Соединённым Штатам даёт ей уникальную возможность заполнить большой кусок бюджетного пирога.

Если говорить о внутривосточных обстоятельствах в США, то в нынешней ситуации четко просматриваются три главных фактора, определяющих политику Вашингтона по отношению к КНР:

1. Президентская администрация и конгресс находятся в руках двух разных партий, которые конкурируют за обретение контроля над Белым До-

мом и Конгрессом в 1996 г. Внешняя политика является полезным инструментом в этой, по сути межпартийной, борьбе.

2. Главную заботу американских избирателей составляют внутриэкономические и социальные вопросы, а отнюдь не внешняя политика. Как следствие, политики обеих партий демонстрируют тенденцию рассматривать формируемые нашими СМИ представления о политике и практических действиях Китая через призму дебатов о социальных проблемах Америки. Критика воображаемой и реальной политики и практики Китая становится средством провозглашения собственной приверженности той или иной стороне во внутренних дебатах по социальным вопросам.

3. Администрация Клинтона организована таким образом, что она, с одной стороны, выражает различные американские побуждения "реализма" и "идеализма", а с другой стороны, не отдает приоритета ни одному из этих побуждений и не обеспечивает их постоянную реализацию всеми правительственными органами.

Итак, в настоящее время и в Пекине, и Вашингтоне мы видим политическое руководство, занятое главным образом внутренними проблемами, а двусторонние отношения рассматриваются как производный фактор.

Какие общие интересы удерживают нас от прыжка?

В свете вышесказанного вопрос "В чем причины конфликта в китайско-американских отношениях?" можно переформулировать следующим образом: "Почему обе стороны настолько не хотят видеть драматический спад в отношениях?"

Ответ на этот вопрос связан с двумя аспектами. Во-первых, Китай и США связывает все более прочная ткань общих интересов, которые мобилизуют могущественные группы в обеих странах на защиту двусторонних отношений при возрастании угрозы этим отношениям. Во-вторых, руководителям и Китаю, и США вовсе не желательно оказываться в ситуации, когда им пришлось бы объяснить своим внутривнутриполитическим соперникам причины собственной неспособности проводить успешный курс в реализации отношений с другой стороной.

Если говорить об интересах Пекина, то имеется целый ряд факторов, вызывающих озабоченность руководства КНР. Во-первых, это касается возможности усиления гонки вооружений в регионе. При обострении отношений КНР с США многие соседи Китая, усмотрев в этом угрозу своей безопасности, будут стремиться к обретению дополнительных средств самообороны. Это, в свою очередь, заставит Пекин пойти на дальнейшее наращивание собственного военного потенциала, что явится источником возрастания нестабильности и ненужных правительственных затрат.

Во-вторых, наращивание военного потенциала КНР в контексте разрыва с США может привести к ситуации, когда Тайвань, почувствовав угрозу, будет стремиться к обеспечению своей безопасности путем односторонних мер и/или путем вовлечения других стран в оборону Тайваня.

В-третьих, в случае ухудшения отношений с Вашингтоном у Пекина может появиться искушение пойти на более тесные контакты с Токио и Москвой. Но, помимо осознания глубоких культурных и исторических антагонизмов между народами Китая, России и Японии, Пекин также отнюдь не стремится к чрезмерной зависимости от Японии.

В-четвертых, многие провинции и города Китая, особенно в приморских районах, получают огромные выгоды от иностранных инвестиций и

внешней торговли: 79,3% прямых иностранных инвестиций поступает в приморские районы (включая Пекин) и немногим более 20% - в остальные регионы страны. Как явствует из бесед с провинциальными и городскими лидерами, они стремятся к нормализации отношений с США и лоббируют политику Пекина с тем, чтобы обеспечить себе дальнейшее экономическое процветание.

И, наконец, Пекин не может не сознавать, что нестабильность региона значительно снижает его привлекательность для прямых иностранных инвестиций.

Если говорить об интересах США, то нестабильность и гонка вооружений в регионе, о которых говорилось выше, потребуют гораздо более высокого уровня военного участия США, чем того хотела бы американская общественность. С другой стороны, если США предпочтут не заполнять возникающий в таком случае вакуум безопасности в Восточной Азии, в различных столицах региона опять-таки будет нарастать давление в пользу обретения ядерного и другого оружия массового поражения как собственного средства устрашения.

Далее, острые трения с Китаем изолировали бы США от всех традиционных союзников. Несомненно, большинство союзников попросту перехватит экономические возможности, упущенные Америкой.

Что касается глобальных вопросов, особенно экологии, то Китай является новым и быстро растущим источником парникового испарения в глобальную атмосферу. Становится все более необходимым развивать китаиско-американское сотрудничество в решении этой и других проблем экологии.

Именно эти взаимосвязанные проблемы заставляют предположить, что скольжение через край утеса дорого обойдется (и уже обходится) Вашингтону и Пекину.

Следовательно, путем простых расчетов можно придти к следующему выводу: в настоящее время у каждой из сторон имеются мотивы оказывать по возможности максимально жесткое давление и в то же время избегать полного разрыва в отношениях с другой стороной.

Принципы управления двусторонними отношениями

Все приведенные выше рассуждения четко показывают, почему следует ожидать трудностей в управлении американо-китайскими отношениями и почему столь важно достичь успеха в этой области. В нашем поведении применительно к возможным проблемам следует руководствоваться шестью общими принципами:

*** ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДУКТИВНЫХ ДВУСТОРОННИХ СВЯЗЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАШИХ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ НЕ ИМЕЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ.** Только отношения, основанные на долгосрочном видении стратегически важной роли наших стран друг для друга, могут создать основу для продуктивных связей.

*** ПЕКИНУ И ВАШИНГТОНУ НЕОБХОДИМО ПРИДТИ К ПОНИМАНИЮ СВОЕЙ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ.** В своих действиях США не могут исходить из того, что их политические позиции по определению служат синонимом "международных норм"; необходимо привлекать Пекин к выработке правил, которые его просят соблюдать.

* БУДУЧИ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ, МЫ ДОЛЖНЫ ПРИЗНАТЬ, ЧТО СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК (РОССИЯ, КИТАЙ, США И ЯПОНИЯ) - ЭТО КЛЮЧ К БУДУЩЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ПОРЯДКА И СТАБИЛЬНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. Жизненно важно наладить регулярные консультации четырех держав.

* КОНЦЕПЦИЯ СДЕРЖИВАНИЯ НЫНЕ СТАЛА НЕАДЕКВАТНЫМ ФАКТОРОМ, УНАСЛЕДОВАННЫМ ОТ ЭРЫ БИЗОНОВ. Логика сдерживания представляет собой абсолютный антипод экономической взаимозависимости и открытых глобальных систем.

* РУКОВОДСТВУ КАЖДОЙ СТРАНЫ НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СДЕРЖАННОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ ДЛЯ ДРУГОЙ СТОРОНЫ СФЕРАХ и ради сохранения добрых отношений действовать в этих сферах крайне осмотрительно.

* И, НАКОНЕЦ, И США И КИТАЙ ДОЛЖНЫ ВЫПОЛНЯТЬ СВОИ ДАННЫЕ ДРУГ ДРУГУ ОБЕЩАНИЯ.

Короче говоря, во избежание краха китайско-американских отношений обеим столицам необходимо путем непрерывного диалога на высоком уровне (с участием военных) создать стратегическую основу своих отношений, проявлять взаимную сдержанность в наиболее чувствительных для другой стороны сферах, а также держать свое слово. Задача сколь простая, столь же и трудная.

Электронная глобализация и НИС АТР

© 1996

А.Н.Бубенников, А.А.Бубенников

Мировая электронная промышленность находится в процессе глобализации. Если общую мировую ситуацию в электронике в 1980-х гг. определяли возможности доступа на рынки сбыта, то в начале 1990-х гг., и особенно в середине 1990-х гг., эта ситуация практически полностью определяется возможностями доступа к новейшим высоким технологиям. Приобретая все более широкие масштабы и охватывая новые рынки и плацдармы освоения высоких технологий, глобализация электронной индустрии и экономики вообще оказывают усиливающееся влияние на научно-техническую и производственную политику фирм стран и целых регионов.

С одной стороны, усиливаются тенденции кооперации и даже слияния фирм, расположенных в разных странах (приобретения фирмами США, Японии, Южной Кореи, Тайваня зарубежных компаний), создания этими фирмами в других странах не только производственных и сбытовых отделов, но и научно-производственных центров, расширения деятельности зарубежных филиалов и центров.

Тенденции глобализации во многом изменяют характер и формы проведения НИОКР. Например, опрос промышленных фирм, проведенных журналистами Design News и Electron Business Asia в 1991-1993 гг., показал, что 18% американских фирм осуществляют 23% НИОКР силами своих зарубежных филиалов; аналогичные тенденции характерны для Японии и Новых индустриальных стран (НИС) Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Соответственно в условиях глобализации деятельности фирм особое значение в процессе проектирования и разработки ими продукции приобретает изучение будущих рынков сбыта и специфики потребления в различных регионах мира, а также местных традиций и других аспектов.

С другой стороны, проблемы и перспективы глобализации электронной индустрии представляются гораздо шире, если идет речь о формировании огромного мирового рынка, на которых продаются единые унифицированные изделия, соответствующие как мировым, так и региональным стандартам, например, автомобиль мирового класса, оснащенный мировыми кристаллами памяти и микропроцессором и связанный с мировой мобильной сотовой телефонной связью. На примере глобализации микроэлектронной индустрии мировые производители изделий микроэлектроники, телекоммуникационных систем вступают в эру внегосударственных корпораций, действующих сходными способами независимо от своей принадлежности и политических интересов конкретных стран. Правомочен вопрос: есть ли какой-либо резон в глобальных альтернативах для компаний, ведущих конкурентную борьбу или для политиков, чьи возможности существенно уменьшаются на национальных границах?

Возможно несколько различных интерпретаций наступившей эры глобализации электронной индустрии начала-середины 1990-х гг. Первая довольно проста и подтверждается современными тенденциями развития мирового рынка электроники (фирмы Японии, Южной Кореи, Тайваня и Сингапура оказывают мощнейшую конкуренцию фирмам США и Старого Света и вытесняют глобальные оборотные средства в АТР, где сегодня разворачиваются главные действия. В таблице 1 представлена "горячая десятка" мировых производителей электронных изделий-1993 года. В таблице 2 представлена "горячая десятка" ведущих производителей АТР.

Таблица 1

"Горячая десятка" фирм-мировых лидеров в 1993 г.

Фирма	Рейтинг в 1993	Рейтинг в 1992	Объем продаж, \$ млрд	Прирост по сравнению с предыдущим годом, %
Intel (США)	1	1	7.950	56
NEC (Япония)	2	2	6.173	27
MOTOROLA (США)	3	4	5.973	29
TOSHIBA (Япония)	4	3	5.754	23
Hitachi (Япония)	5	5	5.038	31
Texas Instruments (США)	6	6	4.003	30
Samsung (Юж.Корея)	7	11	3.110	60
Fujitsu (Япония)	8	7	2.931	15
Mitsubishi (Япония)	9	8	2.804	27
IBM (США)	10	12	2.510	20

Таблица 2

"Горячая десятка" ведущих производителей электронных изделий стран АТР за 1992 г.

Рейтинг	Фирма	Страна	Объем продаж 1992г. (\$ млрд.)	Объем продаж 1991г. (\$ млрд.)	Прирост, %
1	NEC	Япония	4.785	4.841	-1.2
2	Toshiba	Япония	4.462	4.526	-1.4
3	Hitachi	Япония	3.575	3.519	1.6
4	Mitsubishi	Япония	2.214	2.261	-2.1
5	Fujitsu	Япония	2.132	2.211	-3.6
6	Matsushita	Япония	1.768	1.945	-9.1
7	Samsung	Ю.Корея	1.760	1.590	10.7
8	Sharp	Япония	1.181	1.172	0.8
9	Sanyo	Япония	1.140	1.096	4.0
10	Oki	Япония	1.134	1.020	11.2
11	Sony	Япония	1.008	1.017	-4.1
12	Rohm	Япония	0.825	0.879	-6.1
13	Goldstar	Ю.Корея	0.690	0.360	91.6
14	Hyundai	Ю.Корея	0.675	0.452	49.3
15	Seiko	Япония	0.516	0.576	-10.4
16	Fuji	Япония	0.488	0.500	-2.5
17	TSMS	Тайвань	0.260	0.179	45.0
18	UMS	Тайвань	0.258	0.222	16.2
19	Windbond	Тайвань	0.120	0.096	25.0
20	Hualon	Тайвань	0.093	0.055	69.0

Вторая интерпретация эры глобализации электронной индустрии более сложна и многогранна, хотя и более ограничена по своим масштабам: в разных регионах, в первую очередь в АТР, возникают разные возможности. Например, высокий уровень массового производства максимально эффективных технологий сосредоточен в Японии и НИС АТР- Южной Кореи, Тайване, Сингапуре, Гонконге - новая архитектура решения развитых вычислительных, телекоммуникационных и сетевых систем - в США, а системы прецизионного оборудования - в Западной Европе. В рамках рассматриваемой интерпретации новый этап глобализации электронной индустрии означает, что фирмы каждого из регионов нуждаются в эффективном, экономически обусловленном доступе к технологиям и возможностям других регионов.

Ключевыми факторами глобализации электронной индустрии и экономики высоких технологий становятся "доступ" и "эффективность". Когда технологические "ноу-хау", производственная деятельность и рынки электронной промышленности группируются в различных регионах, а прогресс определяется методами и масштабами конкурентоспособного производства и соответствующей эффективной рыночной деятельностью, ведущие позиции завоевывают фирмы или страны, имеющие наиболее свободный и естественный доступ во все три региона.

В 1960-1970 гг. превосходство США, в 1980 гг. паритет США и Японии, вопросы доступа как для США, так и для Японии - все это не стояло так остро. Этому способствовала ситуация "открытости" конкурентных рынков и научно-технологического сообщества. Напротив, в 1990-е гг. обозначались значительные различия в локализации технологии и "ноу-хау" и в возможностях доступа к ним. Эти различия чрезвычайно сильно влияют на рыночную конкуренцию. Если ведущим японским фирмам для получения доступа к западноевропейским техническим и технологическим возможностям и каналам оптовой торговли достаточно купить европейские фирмы, то американские компании не могут таким же способом приобрести японские "ноу-хау" - они вынуждены заключать партнерские отношения с ними, и в рамках данного процесса могут даже потерять часть своей автономии. Такие ассиметричные возможности позволяют также определить, будут ли подобные межрегиональные альянсы выгодны обеим сторонам или давать преимущества только одной из них.

Научно-технологическая политика НИС АТР, в первую очередь Южной Кореи и Тайваня, базируется на симбиозных принципах, характерных для США и Японии. Большинство НИС в настоящее время заинтересовано не в приобретении товаров, изготовленных за рубежом, и даже не в создании дополнительных рабочих мест, что ранее обеспечивалось строительством заинтересованными фирмами производственных (чаще всего сборочных) предприятий, а в получении новейших высоких технологий и внедрении мировых достижений научно-технологического прогресса. В то же время, как отмечают американские экономические обозреватели, если новые изделия в сфере высоких технологий фирм США не защищены в качестве интеллектуальной собственности, то их азиатским партнерам намного легче их позаимствовать или присвоить, чем какой-либо фирме США получить доступ к производственным секретам, которые "распределены" между работниками компаний АТР и "встроены" в практическую рыночную деятельность компаний.

В связи с рассмотренными выше причинами в наступившей эре глобализации экономики высоких технологий все больше и больше возникает политических конфликтов на почве доступа к передовому технологическому опыту и конкурентоспособным технологиям и из-за возможностей экономически оправданных инвестиций.

Потенциально возможные конфликты по поводу доступа к конкурентоспособным технологиям будут определять общую мировую ситуацию до конца 1990-х г.г. и в начале следующего века так же, как вопрос доступа на рынки сбыта определял ситуацию в течении всех 1980-х г. Эти реальные конфликты уже заставляют и будут заставлять мировую электронную промышленность жестко требовать взаимности доступа и законодательного регулирования внешней торговли, обеспечивающего эту взаимность.

Не исключено, что по мере развития тенденций электронной глобализации на первый план вновь начнут выходить интересы национальной политики и технологической производственной практики отдельных стран и регионов. Однако ироничное отношение авторов прогнозов развития мировой электроники к "мировым рынкам без границ", "корпорациям, не относящихся к конкурентным странам" уже не способно сузить масштабы глобализации экономики в сфере высоких технологий, оказывающей огромное влияние на научно-техническую и производственную политику фирм и регионов - производителей высококачественных электронных изделий на уровне высочайших мировых стандартов.

Электронная компьютерная индустрия регулируется процессами мировой глобализации в экономике, поскольку именно экономика обуславливает формирование невероятно динамичного мирового рынка : 700 млрд.долл. в 1994 г., 800 млрд.долл. в 1995 г. и свыше триллиона долл. в 2000 г. Именно глобальная экономика обосновывает использование изделий электронной и компьютерной индустрии, компьютеров или систем мобильной связи новейших поколений для тех или иных задач мирового хозяйства. Возрастающая производительность и постоянно уменьшающаяся цена радиоэлектронной и вычислительной техники уже открыли и заново открывают для ее применения много новых сфер, в том числе и самых неожиданных. Однако изменения и постоянное совершенствование технологий в электронной индустрии - только одна сторона дела. Современную мировую ситуацию в сфере высоких технологий лучше всего характеризует метафора для глобальной электронной индустрии середины-конца 1990-х г.г. - это "эра беспрецедентной неопределенности". Изменения на политической карте мира происходят все быстрее, финансы стран и регионов достаточно ограничены, в экономике мировых и региональных рынков - водоворот, конкуренция на мировых рынках носит глобальный характер, возникают сложные неоднозначные процессы в сфере конкуренции-кооперации и т.д.

В таком климате "эры беспрецедентной неопределенности" успешно конкурировать на мировых рынках могут только страны и регионы, полностью перестроившие бизнес, своевременно определившие приоритеты в научно-технологической политике для успешной интеграции в глобальную мировую экономику. Перестройка приоритетов должна не только затронуть технологическую сферу, как базовую, но и такие сферы, как оборот, качество продуктов, обслуживание клиентов, сжатие временных циклов изготовления изделий и обслуживания, а также другие аспекты. Обеспечить долговременную конкурентоспособность фирмам, странам и регионам может только развитая способность сохранять достигнутую гибкость для изменения стратегии и приоритетов, диктующихся изменяющимся во времени мировым рынком.

В последние годы именно АТР - наиболее стабильный мировой лидер по темпам экономического роста (в среднем 7-9% в год, рост для Сингапура в 1994 г. -10,2%). Этот крупнейший регион мира, объединяющий свыше 30 стран Восточной и Юго-Восточной Азии, Океании, западной части Американского континента, наиболее гибок в перестройке своего бизнеса и ответ на изменения мирового рынка и электронной глобализации. К 1995 г. на страны "тихоокеанского кольца, население которого составляет почти половину мирового, приходится до 60% гло-

бального валового продукта (без России) и 43% объема мировой торговли. В АТР сосредоточена основная масса свободных капиталов мира (совокупный инвестиционный потенциал этого региона намного превышает западноевропейский и американский), значительно упрощен механизм передачи технологий и доступ внутри "тихоокеанского кольца" к новейшим электронным технологиям. Важнейшую роль в процессе освоения и развития конкурентоспособных наукоемких продуктов (КНП) играет стимуляция НИОКР, а также привлечение и совместное освоение новейших зарубежных технологических достижений.

По прогнозам международных экспертов, АТР может перегнать к 2010 г. по объему ВВП Западную Европу, а к 2015-2020 г.г. Северную Америку. Имеются все предпосылки, чтобы АТР стал ведущим мировым экономическим центром начала-середины XXI века.

Углубляется технологическая и экономическая интеграция, которая в АТР, в отличие от Европы и даже от США, осуществляется усилиями не только правительства, сколько бизнеса, которому эффективно подыгрывают правительственные круги. Именно в АТР сформировались, складываются и эффективно развиваются механизмы экономического сотрудничества на неправительственном уровне - в первую очередь, в лице Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), Тихоокеанского экономического совета (ТЭС) и других более "локальных" структур, так и с участием правительств - "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество" (АТЭС), Североамериканская зона свободной торговли, Восточно-азиатский экономический форум и др.

Целый ряд стран и экономик АТР за довольно короткий срок добились впечатляющего прогресса. Особое место по показателям экономического развития и по успешному вписыванию в крутые виражи электронной глобализации занимают НИС - Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, к которым приближаются Таиланд, Малайзия и Индонезия. При всем различии причин стремительного взлета НИС как в экономике вообще, так и в сфере высоких технологий, прослеживаются общие закономерности успехов, в основе которых лежит совокупность внутренних и внешних факторов, рациональное и эффективное использование которых в конечном счете и определило динамизм их социально-экономического развития, "чудо" НИС. Внешнеэкономические связи явились основным структурообразующим фактором в процессе развития НИС АТР. То есть, НИС АТР можно охарактеризовать как динамичные саморегулирующиеся экономические и технологические системы, основанные на свободе предпринимательства и приоритете частной собственности с эффективным механизмом государственного регулирования, имеющие транснациональные структуры и активно участвующие в международном разделении труда, смещающие акцент на приоритетное развитие наукоемких электронных отраслей и создание КНП для мирового рынка.

На протяжении двух последних десятилетий Южная Корея, явный лидер НИС АТР, оставалась одной из самых быстроразвивающихся стран в мире, как в технологической, так и в социальной сферах. Благодаря интенсивному технологическому, промышленному и экономическому росту она в рекордно короткий срок вошла в десятку сильнейших торговых держав мира. Если Японии, чтобы стать технологическим лидером в электронной индустрии, понадобилось около 15 лет, Южной Корее, по оценкам мировых экспертов, потребовалось около 5 лет. Объем реального ВВП страны увеличивался в среднем на 8-9% в год, в результате ВВП возрос с 2.2 млрд. долл. в 1962 г. до 320 млрд. долл. в 1993 г. и 350 млрд. долл. в 1994 г., а доля ВВП на душу населения увеличилась с 80 долл. до 7700 долл. сегодня, почти в 100 раз.

Еще более впечатляющие результаты по росту благосостояния населения достигнуты на Тайване и Сингапуре (правда, при относительно небольшой чис-

ленности населения). Если уже в середине-конце 80-х г. доход на душу населения на Тайване составлял около 8000 долл., то в 1993 г. этот показатель превысил уровень 14000 долл., продолжает увеличиваться по темпам роста опережая США и Западную Европу. В Сингапуре же при населении, составляющем всего 2.7 млн. человек, размещающемся на площади всего 250 квадратных миль, доход на душу населения в 1992-1993 г.г. превысил уровень 13000 долл. Впечатляет не только то, что в начале 1990-х г. годовой оборот торговли Сингапура составил свыше 120 млрд долл. и страна привлекает внимание многих ведущих транснациональных корпораций мира, включая акул американского электронного и компьютерного бизнеса Texas Instruments, Lotus Development, Apple, европейского - Thomson и ряда японских компаний. Впечатляет уровень средств правительства Сингапура, а именно 20-25% бюджета страны, выделяемого на нужды образования и подготовки высококвалифицированных кадров в сфере высоких технологий.

Правительство Сингапура решает проблемы нехватки квалифицированной рабочей силы и инженерно-технического корпуса за счет развития капиталоемких и наукоемких производств в рамках процессов электронной глобализации, а не традиционных и затратных производств, характерных для страны в 50-70-е г.

В отличие от жителей Тайваня, Гонконга и частично Южной Кореи, степень предприимчивости которых очень высока, сингапурцы предпочитают работе на иностранных инвесторов в электронном бизнесе (инвестиции которых превышают 90% всех капиталовложений в промышленность страны) риск организации новых отечественных венчурных предприятий. Справедливости ради надо отметить, что согласно оценкам Вашингтонского бюро по риску при ведении конкурентного бизнеса, сингапурские рабочие, несмотря на недостаток квалификации в сравнении с американскими и европейскими, уже десятый год держат первое место в мире по интенсивности и качеству труда (в этом списке места в почетной десятке принадлежат рабочим Южной Кореи, Гонконга и Тайваня, а второе место занимает Швейцария и третье Япония).

Поскольку экономическая и научно-техническая политика НИС, несмотря на ряд специфических особенностей, имеет много общего, интересно рассмотреть ряд мер и механизмов, используемых лидером НИС - Южной Кореей в начале 1990-х г., на которые наложил отпечаток процесс мировой экономической стагнации и значительной депрессии в сфере электронного и компьютерного бизнеса в США и Японии.

В это время официальная статистика Южной Кореи отметила некоторое сокращение темпов экономического роста в 1992, 1993 г.г., что частично объясняется циклической перестройкой экономики, последовавшей за предыдущими тремя годами максимально быстрого развития.

Некоторое снижение конкурентоспособности южнокорейской экономики вообще и ее электронной индустрии может быть объяснено сочетанием двух факторов - сохранившейся от прошлого системой централизованного государственного управления экономикой, а также отсутствием тех преимуществ, которые давал существовавший в прошлом избыток дешевой рабочей силы. В результате общепризнанный лидер НИС АТР был вынужден обратиться к поискам новых движущих сил экономического и технологического развития.

В целях оживления экономики, а также технологического и индустриального процветания администрация нового южнокорейского президента Ким Ен Самма, которая начала деятельность с февраля 1993 г., став первым за три десятилетия гражданским демократическим правительством, предприняла усилия по созданию новых механизмов развития технологии и экономики. Принятая система "Новая Экономика" означает полный отказ от практики 60-80-х г.г., когда правительство направляло и контролировало инвестирование значительного объема,

рабочей силы и других ресурсов на развитие "стратегических" технологий и промышленных производств. Наоборот, "Новая Экономика" в середине 1990-х г. обеспечивает автономию и условия творческой инициативы всех занятых экономической деятельностью в целях максимальной реализации технологического потенциала и обеспечения конкурентоспособности производимых изделий на внутреннем и мировом рынках.

Введение в августе 1993 г. системы финансовых операций, исключаящих банковские операции и деловые сделки под вымышленными именами (в качестве средства искоренения коррупции и оживления экономики), ослабление административного контроля, увеличение капиталовложений базовых предприятий отрасли (Samsung, Goldstar, Hyundai, Daewoo), расширение финансово-административной помощи малому и среднему бизнесу явились необходимыми механизмами для нового экономического и технологического рывка Юж.Кореи.

В 1993 г. экспорт увеличился на 7.7%, составив 83 млрд.долл., в то время как импорт вырос всего на 2.5%; в 1994 г. экспорт увеличился на 9% при том же росте импорта. Впервые за последние 5 лет стране удалось превзойти стоимость экспорта над стоимостью импорта на 600-650 млн. долл. в 1993-1994 г.г.

В своей научно-технологической политике середины 90-х г. Южная Корея поддерживает тенденцию к открытию рынков и использует ее для повышения технологического потенциала и конкурентоспособности не только электронной индустрии, но всей своей промышленности в целях более бурного развития экономики. В результате уровень либерализации импорта повысился с 68,8% в 1980 г. до 98.1% в 1993 г. В течение этого же периода средняя тарифная ставка снизилась с 25 до 8.9% в 1993 г. и до 7.9% в 1994 г.

Фирмам с иностранными инвестициями, занятыми производством КНП в сфере высоких технологий, с 1994 г. разрешено привлекать иностранные кредиты на условиях их погашения в течение трех лет. Начиная с 1997 г. будет разрешено широкое использование иностранного кредита фирмами как с внутренними, так и с иностранными инвестициями. Согласно принятому в июне 1993 г. пятилетнему плану либерализации иностранных инвестиций 132 отрасли из 224, защищаемых от иностранной конкуренции, будут в пять этапов закрыты от иностранных инвесторов в течение 5 лет. После осуществления этого плана из 1148 отраслей экономики 1056 (согласно южнокорейской классификации) будут открыты для иностранной конкуренции. При этом уровень либерализации иностранного инвестирования повысится до 93.4% в 1997 г. по сравнению с 83% в середине 1993 г.

В Южной Корее предусмотрены также реализация комплекса мер для значительного улучшения деятельности компаний с иностранными инвестициями, в том числе, для ослабления контроля за приобретением земли иностранными фирмами, большая степень защищенности прав на зарубежную интеллектуальную собственность и др.

Ориентация Южной Кореи на технологическую и экономическую открытость, когда электронная промышленность открыта для инвестиций иностранного капитала на 98%, а отрасли сельского хозяйства, лесной и рыбной промышленности на 90%, по мнению ряда обозревателей, приводит к углублению "экономической зависимости" страны в первую очередь от Японии и затем от США. Отмечается ускорение "японизации" южнокорейской экономики. Во время недавнего визита премьер-министра Японии в Южную Корею президент Ким Ен Сам настойчиво просил содействовать дальнейшему увеличению инвестиции японских монополий в южнокорейскую экономику. Не случайно, в первом полугодии 1994 г. дефицит Южной Кореи в торговле с Японией составил рекордные 5.2 млрд.долл. С одной стороны, экономическая и технологическая структура опоры страны на Японию позволяет ведущим южнокорейским фирмам быть на уровне

мирового технологического лидерства, с другой, - по мнению независимых южнокорейских экспертов, чревато в будущем ростками экономической несамостоятельности. Уже сейчас критики политики "Новой экономики", отдавая дань увеличению конкурентоспособности электронной индустрии Южной Кореи и других высокотехнологических отраслей, акцентируют общественное мнение страны на том, что эта политика способствует ожирению капиталистов-компрадоров, разорению национально-ориентированных предпринимателей, вследствие чего множество предприятий невысокой конкурентоспособности терпит неминуемое банкротство.

Однако даже критики политики "Новой экономики" Южной Кореи - лидера новой волны АТР - вынуждены констатировать, что страна превратилась в одно из основных мировых торговых государств, добилось технологического паритета в глобальной мировой электронизации и компьютеризации благодаря последовательному проведению более свободной торговли и открытию внутренних рынков, одновременно с этим укрепляя свои конкурентные позиции на мировом рынке.

Та стремительность, с которой южнокорейские высокие технологии, индустрия и экономика в целом, выросли за 1980-е годы, ошеломили весь мир. Однако в своем развитии экономика не избежала "болезней роста", к которым можно отнести большие капитальные затраты, бюрократизацию госаппарата, коррупцию и значительное повышение заработной платы. В то же время к середине 1990-х г. были предприняты большие усилия по преодолению существующих препятствий и последствий мировой стагнации и экономической депрессии начала 1990-х г.

В результате этих усилий, а также улучшения международного экономического климата середины 90-х г., южнокорейская экономика наращивает свою мощь. Конец XX века ставит перед страной новые задачи в свете итогов Уругвайского раунда переговоров на высшем уровне стран АТР и интенсивного превращения азиатско-тихоокеанского кольца в новый мировой центр высоких технологий и экономики. Ориентация государственного и частного сектора лидера НИС АТР на процессы электронной глобализации и внешнеэкономическое сотрудничество позволяет укреплять Южной Корее научно-технический и экономический потенциал.

Технологический лидер Южной Кореи электронная фирма Samsung в 1993-94 гг. занимала седьмое место среди крупнейших мировых производителей микросхем и компьютеров (табл.1,2). По последним данным консалтинговой фирмы ICE, занимающейся изучением мирового электронного рынка, ее объем продаж в 1994 г. составил уже около 5 млрд.долл., против 3.1 млрд.долл. в 1993 г. и 1.76 млрд.долл. в 1992 г. Эта южнокорейская фирма считается самой быстроразвивающейся в горячей десятке мировых лидеров. В 1993 и 1994 гг. ее доходы от производства полупроводниковых изделий превышали уровень 60%, что примерно вдвое-втрое выше темпов роста других крупнейших производителей в США, Европе, АТР.

Широкое разнообразие электронной продукции, выпускаемой всеми подразделениями этой фирмы, накопленный опыт своих и зарубежных технологий, постоянный поиск новых конкурентоспособных технологических решений позволили фирме сделать резкий рывок и вывести свою продукцию на уровень высочайших мировых стандартов ведущих электронных производителей. Имея ведущие позиции в секторах мирового рынка бытовой электроники, цифровых АТС, сотового и телекоммуникационного оборудования, Samsung занимает первое место в мире по массовому производству электронных чипов динамических запоминающих устройств с большим мегабитным объемом памяти. Имея уже длительное время серьезных конкурентов в этой сфере, в первую очередь, со стороны веду-

ших японских фирм (табл.1,2), фирме Samsung благодаря гибкой научно-технологической стратегии эффективного массового производства 1-4- и 16-мегабитных чипов памяти, более дешевых, чем у конкурентов, удается оставаться мировым лидером.

Оборот мирового рынка электронных чипов динамической памяти в 1-16 мегабит в 1994 г. вырос по сравнению с прошлым годом почти на 70% и составил 25 млрд.долл. (при стоимости чипа на 16 мегабит 50-60 долл.). Есть прогнозы ряда мировых консалтинговых фирм о значительном, более чем в два раза в ближайшие годы, росте оборота этого рынка с массовым производством чипов динамической памяти новых поколений на 64 и 256 мбит. Тенденции мировой электронной глобализации таковы, что желание расширить свое присутствие в соответствующем секторе мирового рынка при освоении КНП новейших поколений дает великодушный шанс корпоративного партнерства полупроводниковых компаний - конкурентов при освоении перспективного класса изделий. Именно электронная глобализация и бурное развитие новейшего рынка электронных чипов памяти на 64-, 256 Мегабит и в обозримом будущем на 1 гигабит объединило недавних непримиримых конкурентов из Японии (компания NEC) и Ю.Кореи Samsung. В 1994 г. эти фирмы, занимающие второе и седьмое место в мировом таблице о рангах (табл.1), с суммарным оборотным капиталом, превышающим 10 млрд.долл., впервые договорились о сотрудничестве в области производства чипов на 64 и 256-мегабит для европейского рынка.

Эта уникальная сделка отражает тенденцию усиления взаимозависимости и корпоративного партнерства ведущих мировых производителей чипов, вчерашних конкурентов, и оттеняет новые грани процесса мировой электронной глобализации в освоении высоких технологий и массовых КНП новейших поколений. Сегодня, когда спрос на конкурентоспособную продукцию NEC и Samsung растет ежегодно более чем на 60%, конкуренты из разных стран вынуждены объединить свои усилия для введения технологических новшеств в ходе разработки уникальных чипов на 256 мегабит и для расширения массового сверхрентабельного производства КНП.

Важно подчеркнуть, что оборот только европейского рынка новых чипов памяти, являющихся базовыми блоками в персональных компьютерах, сотовых телефонных мобильных системах, а также в телекоммуникационных и высокопроизводительных вычислительных системах, составил в 1994 г. 5 млрд. долл. и в потенциале может быть в ближайшее время превышен в несколько раз.

Мощным стимулом для тенденций корпоративного партнерства вчерашних ярых конкурентов, или кооперации-конкуренции в свете мировой электронной глобализации, служат астрономические многомиллиардные долларовые затраты на строительство производственных предприятий по массовому освоению КНП в микроэлектронике. Новые требования финансирования строительства полупроводниковых производственных предприятий основаны на настоятельной необходимости ведущих мировых разработчиков КНП иметь развитые массовые производства в стратегически важных регионах для эффективного обслуживания важнейшего рынка полупроводниковых изделий, объем которого в 2000 г. оценивается свыше 200 млрд. долл.

По недавним официальным сообщениям Samsung планирует построить (или купить, соответственно его модернизировав) крупный завод по производству микросхем памяти в Европе, с тем чтобы освоить выпуск конкурентной продукции уже в начале 1997 г. Этот проект, реализация которого обойдется фирме свыше 1 млрд.долл., является частью перспективного расширения мощностей фирмы Samsung для увеличения конкурентоспособности своей продукции, оцениваемого в более чем 3 млрд.долл. Своей глобальной целью фирма ставит упро-

чение своего лидирующего положения в производстве полупроводниковых изделий путем строительства трех новых полупроводниковых производств за пределами Южной Кореи, где сейчас сосредоточены все ее разработки, а именно в Европе, США, АТР.

Важно подчеркнуть, что Samsung первым среди южнокорейских производителей полупроводниковых КИП объявил о планах организации своих производств в Европе. Это связано с тем, что его японские конкуренты в лице фирм NEC и Futsitsu уже имеют заводы в Великобритании. Более того, планы японских конкурентов таковы, что NEC готова инвестировать свыше 800 млн.долл. в модернизацию завода по выпуску чипов памяти в Шотландии, а фирма Futsitsu вдвое увеличивает мощности завода в Англии с примерно таким же объемом инвестиций.

В то же время аспект кооперации-конкуренции фирм Samsung и NEC в рамках мировой электронной глобализации интересен тем, что фирма NEC взяла на себя обязательства поставлять Samsung ежемесячно сто тысяч кремниевых шайб, изготавливаемых на шотландском предприятии в Ливингстоне, готовых к преобразованию в отдельные чипы мегабитной динамической памяти.

Сообщение о ближайших планах Samsung резко расширить свой сектор европейского рынка электронных чипов памяти последовало вслед за информацией о том, что эта фирма намерена открыть завод в США по производству чипов на 16 и 64 мегабит стоимостью в 1 млрд.долл. Оценивая потенциально возможные места строительства своих полупроводниковых заводов в Европе Samsung отдает предпочтение регионам, максимально заинтересованным в промышленном развитии и разработках КИП. При выборе мест строительства предприятий, которые будут оснащены по самому последнему слову техники, фирма Samsung будет использовать следующие основные критерии: отсутствие природных и промышленных загрязнений воздуха в районе расположения предприятия, наличие больших запасов чистой воды, скальных грунтов для обеспечения надежной работы сверхвысокоточного оптического литографического оборудования, развитой промышленной и социальной инфраструктуры, высококвалифицированных рабочих и инженерных кадров.

Оценивая перспективы построения подобных полупроводниковых предприятий в России и СНГ, специалисты как фирмы Samsung, так и другого мирового лидера в разработках микропроцессоров Intel подчеркивали не только жесточайшие требования к инфраструктуре, прежде всего - транспортной, но отсутствие в нашей стране благоприятного налогового климата для становления конкурентного производства с огромными иностранными инвестициями. Если в России и СНГ явно пошли на поправку дела с телекоммуникационными услугами, то транспортная инфраструктура будущих конкурентных предприятий в регионах потенциально возможного строительства оставляет желать лучшего, соответственно в нашей стране отсутствуют условия минимальных налоговых притязаний на взаимовыгодное рентабельное производство КИП в отличие, скажем, от Шотландии, Ирландии и др.

В середине-конце 1990-х г. в свете тенденции мировой электронной глобализации и кооперации-конкуренции даже альянсы мировых производителей КИП стараются выбирать наименее капиталоемкие пути технологического развития и освоения новых рентабельных конкурентных производств. Они тщательно выделяют не только стратегические направления, обеспечивающие им максимальный прирост прибыли от продажи КИП на мировом рынке, но выбирают приемлемую для них промышленно-экономическую инфраструктуру для высокотехнологических производств с привлечением относительно дешевой, но высококвалифицированной и профессиональной научно-инженерной среды.

Примеры кооперации-конкуренции при освоении новых производств в микроэлектронике, как в случае альянса NEC-Samsung, далеко не единичны. Применительно к НИС АТР аналогичные аспекты электронной глобализации проявились в крупномасштабной компании по организации совместных полупроводниковых производств в Сингапуре, Японии и Тайване, иницируемых крупнейшей американской фирмой Texas Instruments (TI). В Сингапуре фирма TESI Semiconductor Singapore Pte Ltd., организованная TI с участием фирм Canon, Hewlett-Packard и Сингапурского Совета экономического развития, построила в 1994 г. новый завод по выпуску чипов динамической памяти (с полным объемом инвестиций в эту фирму около 500 млн.долл.). В 1994 г. закончено строительство завода по выпуску аналогичных чипов в Нисивака (Япония), зарегистрированного как совместное предприятие компаний TI и Kobe Steel Ltd. под названием KTI Semiconductor Ltd. В этих совместных предприятиях в Сингапуре и Японии предусмотрены различные формы собственности и распределения готовой продукции.

Совместное предприятие в Тайбее, созданное фирмой TI и тайваньской компанией-изготовителем персональных компьютеров Acer, к 1993 г., освоило выпуск первых конкурентоспособных чипов памяти. На вызов со стороны альянса NEC-Samsung альянс TI-Acer, работающий в той же конкурентной сфере, также намерен вложить около 1 млрд. долл. в строительство нового завода по выпуску полупроводниковых шайб и чипов в количестве от 25 до 30 тысяч штук ежемесячно. Выпуск КНП в виде чипов памяти на одном из крупнейших в мире предприятий планируется начать во втором квартале 1997 г. Из складывающейся мировой ситуации на рынках Европы и АТР видно, что к середине 1997 г. альянсы NEC-Samsung и TI-Acer, возможно, придут одновременно.

В совместном предприятии TI-Acer, также специализирующемся на стратегически важном направлении освоения конкурентоспособных схем памяти объемом 64 мбит, 256 мбит, 1 Гбит, 26 процентов принадлежит фирме TI, 56 процентов - фирме Acer, 16 процентов - инвестиционному банку, контролируемому правящей партией Тайваня и 2 процента - правительственному банку. Если в 1994 г. объем продаж продукции альянса TI-Acer составил примерно 350 млн. долл., обеспечив место в двадцатке АТР, в 1995-96 г.г. планируется выйти на уровень 1 млрд.долл., то в 1997-1999 г.г. при успешном пуске нового гиганта электронной индустрии (средства на строительство которого планируется привлечь от акционеров и банков) ожидается реализация многомиллиардного оборота.

Процесс электронной глобализации имеет и другие аспекты, связанные прежде всего с полной компьютеризацией и резкой интеллектуализацией мирового сообщества на базе последних достижений в сфере интегральных и компьютерных технологий. Недалеко то время, когда воплощенные в жизнь проекты супермагистралей передачи данных в США и Японии начала 1990 г., направленные на создание новой инфраструктуры средств связи с высокой пропускной способностью и суперкомпьютеров с огромным объемом памяти, преобразуют весь цивилизованный мир. Проект создания национальной супермагистралю компьютерной связи, носящий в США название проекта сенатора, а ныне вице-президента Гора, сравнивают с системой шоссейных магистралей для связи штатов. Примерно такую же роль, какую система шоссе сыграла для экономики США в 1950-60 г.г. в конце века могут сыграть для обеспечения конкурентоспособности США разрабатываемые суперкомпьютерные супермагистралю передачи данных, оцениваемые в несколько сотен млрд.долл.

В АТР также успешно развивается аналогичный проект супермагистралю передачи данных, причем национальная компания Японии NTT собирается завершить проект в Японии к 2010-2015 г.г., вложив в него более 250 млрд. долл., и

вероятно, распространить его в другие части АТР с помощью своих партнеров из НИС.

Не исключено, что создание "единого мозгового треста", как окрестили комплекс супермагистралей эксперты, в США, Японии и далее в АТР позволит не только усилить интеллектуальный потенциал цивилизации, но и непосредственным образом улучшить повседневную жизнь стран и регионов в сфере образования, медицины, всех видов производства, которым необходимы мощные распределенные базы данных, функционирующие в реальном масштабе времени. Причем НИС смогут сыграть роль моста между США, Японией и Европой.

Нелепы предостережения, что мировым рынком, единое технологическое и экономическое пространство, а в ближайшей перспективе единая интеллектуальная сфера разнообразных баз данных может превратить "пользователей" - нации и регионы в безликие скопления "потребителей информации". Если кому и грозит данный потенциально возможный процесс, так это скорее и прежде всего населению США, в котором нивелируются национальные особенности и традиции населяющих страну наций, и превалирует хотя и ориентированных на самые высокие мировые стандарты, дух космополитизма и потребления.

Огромные технические и экономические достижения НИС АТР обусловлены не только тем, что эти страны оказались прекрасными пловцами в захлестнувшем весь цивилизованный мир океане электронной глобализации, максимально адаптировали свой потенциал и социально-экономическую инфраструктуру к неминуемым приливам и отливам этого океана. Впечатляющий прогресс НИС АТР в сфере высоких электронных технологий в огромной степени связан с обращением к вековым уникальным национальным традициям психологии, культуры, нравственности. Подъем технологического уровня разработок НИС, повышения конкурентоспособности их изделий на мировом рынке обусловлен как соответствием их НИОКР и массового производства высоким стандартам электронной глобализации, так и влиянием сильнейших традиций, "национального менталитета", высочайшей рабочей дисциплины, привычкой к беспрекословному послушанию опытным наставникам, огромной старательностью, педантичностью и скрупулезности в выполнении порученной работы и, конечно, ориентацией на первенство в получении результатов мирового класса, прогресс своих фирм и компаний в государственном и частном секторах.

Реально осознавая, что сохранить завоеванные позиции на мировом рынке можно лишь за счет неустанного технологического подвижничества, ускоренного приоритетного развития наукоемких отраслей, наращивания научно-технического потенциала в сфере высоких технологий, НИС АТР отдают предпочтение технологическим прорывам в новейших конкурентных сферах деятельности на основе развития электронизации, компьютеризации и интеллектуализации всего национального хозяйства НИС.

Прогресс электронных высоких технологий НИС АТР обусловлен одновременно использованием колоссального национального потенциала и исторических традиций труженников и патриотов, а также открытостью и экономическими укладами, позитивным отношением к чужому передовому технологическому опыту и огромной готовностью его усвоить. Именно эта двуединая характерная особенность НИС АТР приобщения к высоким технологиям и их дальнейшего поступательного развития дала им прекрасную историческую возможность в свете современных мировых тенденций электронной глобализации максимально эффективно использовать достижения научно-технической революции XX века и обеспечивать прогресс всей экономической системы.

Долгие годы наша страна не только не воспринимала опыт и уроки НИС АТР в сфере развития высоких технологий и экономики в целом, но и находилась на периферии общенационального тихоокеанского интеграционного процесса, ограничиваясь локальными двусторонними торгово-экономическими контактами. Некоторые частичные изменения в направлении АТР начались с середины 1980-х гг. но они, к сожалению, коснулись только политических мер по улучшению отношений бывшего СССР со странами АТР, причем их набор был весьма ограниченным и решал локальные задачи ослабления военно-стратегического присутствия в регионе США.

В экспорте бывшего СССР на долю дальневосточного региона приходилось не более 5-7%, а доля АТР в общем объеме внешнеторгового товарооборота страны не превышала 8-10%. После распада СССР эта доля для России несколько увеличилась - до 12-13%, однако с сожалением приходится констатировать, что ни СССР, ни Россия не занимали более 0,7-1% в общей внутрорегиональной торговле стран АТР. С огромными пластами технологической и экономической деятельности Россия практически не соприкасалась до 1992 г., включая аспекты доступа к новейшим технологиям, их передачи, инвестиционной деятельности, технологической и производственной кооперации, подготовки кадров и др.

С 1992 г. Россия стала членом СТЭС - международной неправительственной региональной организации, куда входит 21 страна. В мае 1994 г. Россию официально приняли в другую международную организацию - ТЭС, объединяющую свыше 1000 ведущих фирм и компаний, ориентированных в значительной мере на электронные высокие технологии. Что касается идеологии СТЭС и ТЭС, приветствуемой и развиваемой современной Россией, то это идеология "открытого регионализма" с развитием кооперационных связей и снятием ограничений на движение товаров, капитала и труда внутри АТР, постепенного объединения субрегиональных группировок с соблюдением принципов ГАТТ, принятием обязательств по отказу от протекционизма, стимулированием внерегиональных экономических связей.

Принципиально важно, что Россия становится активным участником организаций АТР и будет пользоваться преимуществом региональной кооперации без каких-либо ограничений во внешнеэкономических связях с США, Европой, Ближним Востоком и другими регионами мира. Россия подписала декларации и резолюции IX и X конференций в Сан-Франциско и Куала-Лумпуре (март 1994 г.) о принципах эволюции от открытого регионализма к экономическому глобализму. Польза СТЭС и ТЭС очевидна не только для России, но и для стран АТР, их технологической и экономической инфраструктуры. Россия, кроме того, что замыкает "тихоокеанское кольцо", одновременно выводит членов организации СТЭС и ТЭС к двум океанам - Северному Ледовитому и Атлантическому, расширяет их технологическое и экономическое пространство почти вдвое. Как НИС могут сыграть роль моста между США и Японией на начальной стадии создания глобальной компьютерной супермагистрали передачи данных, так и, продолжая аналогию, можно предположить, что Россия может стать мостом между АТР и ЕС в едином технологическом интеллектуальном и экономическом пространстве грядущего XXI века.

Что же еще может дать России ее участие в тихоокеанских региональных организациях технологического и экономического сотрудничества? Прежде всего, это активное погружение в сложившуюся технологическую и бизнес-среду, доступ к банкам данных интегрированной технологической, технической и коммерческой информации, приобщение к лучшему мировому опыту организации современных и перспективных научно-технологических проектов.

У России имеются прекрасные возможности участия в многосторонних международных проектах и разработках под эгидой СТЭС и ТЭС, в первую очередь, со странами НИС АТР. Помимо подготовки совместных взаимовыгодных проектов в сфере науки и электронных высоких технологий, доступа и обмена технологиями и ноу-хау, поиска финансовых ресурсов, у России повышаются шансы, в первую очередь, для продвижения инвестиционных проектов в приграничных зонах Дальнего Востока и Сибири, предусматривающих совместное участие РФ, Японии, Китая и НИС.

В последнее время наблюдается резкий подъем интереса к АТР и прежде всего к НИС АТР среди российских государственных и акционерных промышленных структур с задачами создания эффективных условий для финансирования российского научно-технологического потенциала, заделных НИОКР с патентными разработками высокого мирового стандарта. Находит отклик у потенциальных деловых партнеров инициатива создания информационных каналов о технологических достижениях российской науки и технологии для коммерческого использования с зарубежными контрагентами из НИС АТР.

В этой связи трудно переоценить в ближайшем будущем роль в прогнозе технологических и социально-экономических процессов в рамках электронной глобализации новой ветви знания - экономической психологии, изучающей влияние представления мыслей и чувств индивидуумов и социальных групп различной степени общности на их экономическое поведение, особенно при создании совместно новых технологий и КНП для мирового рынка. Развитие экономической психологии позволяет выявить закономерности такого поведения от повседневной производственной деятельности до эффективной технологической и экономической политики в масштабах страны или группы государств-партнеров. Процесс электронной глобализации объективно сближает страны, континенты, индивидуумов всех национальностей. В то же время конкурентная среда по своим внутренним законам и механизмам объединяет достойных друг друга партнеров и партнеров-конкурентов. Объективная реальность такова, что в океане электронной глобализации, адаптировавшись в нем, наиболее полно раскрылись Япония и НИС АТР.

Евразийская геополитическая сущность России как моста между Азией и Европой в современном едином технологическом и экономическом пространстве оставляет за Россией право выбора партнера в океане электронной глобализации, который омывает ее берега с Востока и Запада. Пусть российские ученые и инженеры, предприятия и фирмы будут свободны в этом выборе, и пусть взаимный выбор как и с Востока и с Запада будет благосклонен к нам, но, конечно, и достоин нас, не сегодняшних, а завтрашних, не только хозяев гигантских природных кладовых, но и творцов новых идей и технологий, обладателей высокого образовательного, интеллектуального и технологического потенциалов.

Российский Дальний Восток

Реформа на Дальнем Востоке и развитие международного сотрудничества

© 1996

А.Бурый

В 1992 г. Правительство РФ заявило, что в связи с началом экономической реформы в России будет проводиться единая экономическая политика.

В настоящее время, по крайней мере на словах, признается, что цели создания равных экономических условий для всех субъектов Федерации не могут превалять над стратегической задачей государственной поддержки Дальневосточного региона.

Политические решения, принятые Правительством, позволяют предположить, что в ближайшей перспективе экономическое развитие Востока России возможно при активизации усилий по вовлечению региона в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами АТР. Для этого Минэкономики, МВЭС, СОПС и ЭС, а также органами исполнительной власти ДВ регионов ведется разработка программы долгосрочного развития Дальнего Востока.

Одна из основных целей программы - стимулирование внешнеэкономической деятельности территорий Дальнего Востока и Забайкалья, включение региона в систему международного разделения труда в АТР на основе сочетания государственного участия и региональной экономической автономии.

Для реализации поставленной цели необходимо решить многие задачи. Одной из актуальных для Востока России является развитие международного сотрудничества.

Ранее основу сотрудничества Дальневосточных регионов России со странами АТР и их территориями, составляли двусторонние соглашения.

В последние годы эта устоявшаяся десятилетиями схема начала меняться. И изменения эти во многом связаны с деятельностью Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье".

На Дальнем Востоке продолжается процесс формирования институтов, способствующих межрегиональной интеграции, интеграции Дальнего Востока со странами АТР.

Функции планирующего органа выполняет представительство Минэкономики по ДВЭР. Разворачиваются представительства МВЭС, торгово-

промышленной палаты. Начался процесс формирования объединений среди предпринимательских структур, в финансово-банковской сфере, образовании и медицине.

Функции координатора по выработке управленческих решений в области сотрудничества с интеграционными группировками зарубежных стран выполняет межрегиональная ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье".

Интеграция Дальневосточных территорий с территориями зарубежных стран развивается одновременно по нескольким направлениям: Япономорском (к которому в основном тяготеют Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область), Северо-Тихоокеанском (Магадан, Камчатка, Хабаровский край, Чукотка) и в целом АТР (Дальний Восток и Забайкалье).

Подключение восточных районов России к механизму сотрудничества со странами АТР на региональном и субрегиональном уровнях отвечает ее национальным интересам и интересам мирового сообщества.

О Япономорском направлении

В последнее время с разных сторон предпринимаются шаги к созданию механизма интеграции в зоне Японского моря. Японской стороной сформирован "Совет по сотрудничеству и связям между регионами побережья Японского моря", поставившей перед собой цель обеспечения развития экономических связей на основе координации усилий местных органов власти, экономических организаций совместно с государственными органами.

С российской стороны функции координатора взяла на себя Межрегиональная ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье". В ходе визита в Приморский и Хабаровский края, Сахалинскую область в августе 1995 г. миссии "Совета по сотрудничеству и связям между регионами побережья Японского моря" состоялись переговоры между дирекцией ассоциации и секретариатом Совета. По их завершению стороны подписали меморандум, в котором говорится о первых совместных действиях: подготовке заседаний Совета и ассоциации, координации в области приема стажеров с Дальнего Востока.

Поиску новых форм координации, оперативному выявлению и снятию противоречий, возникающих в ходе сотрудничества территорий, прилегающих к Японскому морю, способствуют встречи губернаторов западных префектур Японии и глав администраций Дальнего Востока. Первая встреча состоялась в 1993 г. в префектуре Тояма, вторая - в 1994 г. в префектуре Ниигата.

О том, как непросто идет этот процесс, свидетельствует тот факт, что третья встреча губернаторов, которую планировали провести в Приморском крае в октябре 1995 г. по ряду причин перенесена на другое время.

Необходимо извлечь уроки из прошедших шести российских встреч по сотрудничеству с Хоккайдо.

На VI Российско-Японской встрече представителей Дальнего Востока, Сибири и Хоккайдо в конце сентября 1994 г. в Саппоро отмечалось, что в современных условиях, когда уже созданы устойчивые связи между Дальневосточными регионами России и Японии, проведение широкомасштабных мероприятий не приносит ожидаемых результатов. Еще на стадии подготовки встречи члены японского оргкомитета высказывали сомнение в ее необходимости. При этом делались прогнозы, что VI ДВВ станет последней в том виде, в каком она первоначально была задумана.

Дискуссии в комиссиях VI ДВВ*высветили необходимость приведения формата встречи в соответствие с задачами и возможностями сторон, с кардинальными изменениями, которые произошли в России в последние годы.

Решить насущные экономические задачи в условиях многолюдных собраний, как подтвердила практика, невозможно. Для этого необходимы встречи на другом уровне, структура которых в последние два года постепенно складывается.

Одной из особенностей последнего времени является формирование структур сотрудничества на субрегиональном уровне с меньшим числом участников. Так, Япония стала организатором конференций глав местных органов власти США. Первая конференция состоялась в 1993 г. в префектуре Симан, вторая - в 1994 г. в префектуре Хиого, третья - в 1995 г. прошла в г.Хабаровске, четвертую намечено провести в провинции Кенсамбукдо (Республика Корея).

На третьей конференции в принятой декларации отмечено, что разно-сторонние связи между территориями вносят определенный вклад в развитие межгосударственных отношений в США. В то же время дальнейшее развитие межрегиональных связей требует большей согласованности и упорядоченности, обеспечить которые смогла бы региональная организация, созданная усилиями сотрудничающих территорий.

А пока дирекции ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье", от российской стороны, поручено выполнять функции секретариата, в перспективе при создании благоприятных условий для формирования Международной ассоциации органов местного самоуправления США, функции ее рабочего органа.

Одним из элементов формируемого с участием Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" механизма связей на субрегиональном уровне, является созданный в мае 1995 г. Дальневосточный комитет по экономическому сотрудничеству с Японией.

О Северо-Тихоокеанском направлении

Ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье" подключилась к формированию механизмов интеграции в этой зоне недавно.

В июне 1995 г. в Сиэтле (США) была сформирована специальная рабочая группа Западного Побережья США и Дальнего Востока России при Межправительственной комиссии Гор - В.С.Черномырдин. В рабочую группу входят представители администраций штатов Западного Побережья США (Аляски, Калифорнии, Орегона, Вашингтона), а также регионов Дальнего Востока России (Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Камчатская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский национальный округ).

На заседании было отмечено повышающееся присутствие американских компаний на Дальнем Востоке и намечены меры по ускорению развития торгового и инвестиционного сотрудничества. В настоящее время дирекция ассоциации начала подготовку к предстоящему в феврале 1996 г. очередному заседанию рабочей группы.

В третьем квартале 1996 г. мы планируем подготовить и провести в г.Хабаровске конференцию по Тихоокеанскому сотрудничеству с участием деловых кругов Западного побережья США и Востока России.

Дирекции ассоциации поручено выполнять от Дальнего Востока функции Секретариата рабочей группы.

В целях координации и развития экономических связей между территориями Востока России и США, Совет ассоциации принял решение об образовании Дальневосточного комитета по экономическому сотрудничеству с

США, председателем которого утвержден В.И.Ишаев - председатель Совета Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье".

Координационный Совет по внешнеэкономической деятельности ассоциации, заседание которого состоялось в конце октября 1995 г. в г.Находке, обсудил комплекс проблем по совершенствованию механизма экономического сотрудничества между ДВ России и Западным побережьем США и наметил меры по выработке совместных предложений территорий Востока России для обсуждения на заседаниях Межправительственных органов.

Укрепление сотрудничества со странами АТР

Интенсивные двусторонние экономические контакты деловых кругов, органов власти республик, краев и областей Востока России со странами АТР диктовали необходимость совершенствования механизмов для переговоров и принятия решений.

В сентябре 1992 г. Ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье" подготовила и провела Учредительную Конференцию РНК ТЭС. Тогда же был сформирован Дальневосточный центр РНК ТЭС, который в течение 1992-1993 гг. сыграл важную роль в процессе перераспределения ролей между территориями Востока России и федеральным центром.

Через ДВРЦ РНК ТЭС территории Востока России получили возможности выхода на международные структуры экономического сотрудничества, сложившиеся в "Тихоокеанском кольце".

Дальневосточный региональный центр способствовал объединению усилий регионов Дальнего Востока и налаживанию взаимовыгодного сотрудничества со странами АТР.

Реализация концепции "открытого регионализма" в АТР, заставила участников этого процесса придерживаться определенных правил, механизмов согласования интересов. На повестке дня вступление России в АТЭС. В октябре 1995 г. по предложению Председателя Президиума РНК ТЭС академика Гранберга А.Г. проведена очередная конференция ДВРЦ РНК ТЭС, на которой председателем центра избран В.И.Ишаев - председатель Совета Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье", заместителем председателя избран доктор Минакир П.А. - директор института экономических исследований ДВО РАН.

Из-за узости внутреннего рынка каждой из Дальневосточных территорий, экономические группировки зарубежных стран, в первую очередь Северо-Восточной Азии, вынуждены расширять число клиентов за счет соседних краев и областей.

Так, развитие контактов между деловыми кругами Приморского края и Республики Корея привело (в 1992 г.) к образованию комитета по экономическому сотрудничеству между Дальним Востоком, Сибирью и Республикой Корея.

Наращение торгово-экономических связей ДВ территорий с КНР в 1991-1993 гг. требовало также формирования механизма взаимодействия на местном уровне.

К сожалению, по ряду причин своевременно координационных органов создать не удалось.

Опыт развития контактов дальневосточников с Китаем свидетельствует о том, что пока не будет создан механизм для регулярного диалога в субрегионе по экономическим проблемам, они неизбежно будут проецироваться на политическую арену, со всей сопутствующей этому непредсказуемостью.

Очередным шагом по пути формирования интеграционных механизмов является решение Совета ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" от 13 октября 1995 г. об образовании Дальневосточного комитета по экономическому сотрудничеству с КНР, председателем которого утвержден В.Н.Дьяченко - глава администрации Амурской области.

Процесс укрепления субрегиональных связей на Востоке России рождает новые организационные формы, одной из которых являются Дальневосточные комитеты по экономическому сотрудничеству со странами АТР. Основной задачей этих общественных организаций является совершенствование механизмов стимулирования торговли, инвестиций, технологической кооперации.

Для координации их деятельности, Советом ассоциации принято решение образовать при дирекции Секретариат дальневосточных комитетов по сотрудничеству со странами АТР.

Принципиально важным является решение Совета ассоциации обратиться в Правительство РФ с предложением о включении в состав межправительственных комиссий, рабочих групп по экономическому сотрудничеству с Японией, США, КНР - председателей и ответственных секретарей ДВ комитетов.

Факт создания ДВ комитетов свидетельствует о том, что органы власти и управления республик, краев и областей, деловые круги Востока России осознали, что либерализация внешнеэкономической деятельности сама по себе не может обеспечить решение проблемы интеграции со странами АТР.

Стремление ДВ регионов к координации деятельности в области ВЭД продиктовано стремлением выстоять, не растерять накопленный потенциал во взаимоотношениях с экономическими группировками Японии, США, Кореи и Китая.

Совет ассоциации, его дирекция совместно с федеральными органами России последовательно работают над формированием механизмов интеграции в АТР.

Завершается первый этап этой работы, на очереди второй - реализации программы Дальнего Востока и Забайкалья в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами АТР.

Внешнеэкономическое сотрудничество Амурской области со странами Северо-Восточной Азии

© 1996

Ю.Москаленко

Торгово-экономические связи со странами СВА

Страны СВА, в первую очередь Китай и Япония, являются основными внешнеторговыми партнерами Амурской области. На эти страны традиционно приходится основная часть внешнеторгового оборота области.

До конца 80-х годов основным внешнеторговым партнером области была Япония. Однако на рубеже 80-90-х годов ситуация стала меняться. После подписания в 1988 г. Соглашения о развитии торгово-экономических связей между СССР и КНР и в соответствии с принятым в 1987 г. Постановлением СМ СССР, позволившим предприятиям устанавливать прямые связи с зарубежными партнерами, стали быстро развиваться торгово-экономические связи с Китаем (прежде всего с такими провинциями Северо-Востока Китая, как Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин.

Быстрое развитие внешнеторговых связей с Китаем объяснялось, наряду с выгодным географическим положением области, также и возможностью использовать китайские товары как для насыщения рынка Амурской области, так и для межрегионального бартерного обмена в условиях тотального дефицита на потребительском рынке и кризиса государственной системы материально-технического снабжения в начале 90-х годов.

Особенно бурно внешнеэкономические связи Амурской области стали развиваться с 1992 г. после либерализации внешней торговли. Пик внешнеторгового оборота области пришелся на 1992-1993 гг., достигнув уровня 408-416 млн. долл. При этом удельный вес Китая во внешней торговле области достиг 92%.

Структура экспорта в КНР характеризуется нестабильностью вследствие изменений конъюнктуры российско-китайской торговли, а также комплекса проблем, связанных с переходным характером российской экономики (соотношение внутренних и мировых цен, темпы инфляции, динамика курса доллара по отношению к рублю и т.д.).

В 1992-1993 гг. основную часть экспортных поставок Амурской области в Китай (более 70%) составляли машины, оборудование и транспортные средства. Экспорт области формировался прежде всего за счет реэкспорта машино-технической продукции, произведенной в других регионах России и стра-

нах СНГ. Продукция собственного производства в структуре экспорта в этот период не превышала 15%.

1993 и 1994 годы характеризовались ростом экспорта черных металлов (27% в экспорте в КНР в 1994 г.) и спадом экспорта машин и оборудования. В 1995 г. экспорт представлен в основном черными и цветными металлами.

Структура импорта из КНР остается более стабильной. Основными статьями импорта являются товары народного потребления и продовольствие. При этом постоянно растет удельный вес продовольствия в импорте. В 1994 г. пищевкусовые товары в структуре импорта составили 60% (для сравнения: в 1992 г. их доля в импорте равнялась 29%).

Обеспечение потребностей в продовольствии за счет импорта стало устойчивой тенденцией не только в Амурской области, но и в целом по Дальнему Востоку. Это обусловлено быстро растущими транспортными издержками и неэффективностью ввоза продуктов из европейской части России по сравнению с импортом из Китая, Южной Кореи и других стран АТР. Импортируемые продовольственные товары обеспечивают значительную долю потребности населения области в овощах, фруктах, мясопродуктах, сливочном и растительном масле, рисе, чае, кондитерских и мучных изделиях.

В этой связи, на наш взгляд, необходим дифференцированный подход к Дальневосточному региону России при осуществлении различных мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности. Прежде всего необходим учет специфических особенностей Дальнего Востока: его удаленность от европейской части России и вовлеченность в экономическое пространство АТР.

Следует отметить, что неоднократные повышения ввозных таможенных пошлин на продовольственные товары негативно сказываются как на внешней торговле региона, так и на состоянии дальневосточного продовольственного рынка, характеризующегося самым высоким уровнем цен в России.

В 1994 г. произошло сокращение внешнеторгового оборота области в 4 раза, что вызвано прежде всего резким (в 5 раз) падением торговли с КНР. В целом же объем российско-китайской торговли сократился за 1994 г. на 30%.

Уменьшение объемов торговли Амурской области с КНР продолжалось и в 1995 г. В первом полугодии 1995 г. внешнеторговый оборот с КНР уменьшился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 5,2 млн.долл., или еще на 15%.

Произошедший спад в торговле с Китаем обусловлен следующими причинами:

- приближение внутренних цен к мировым и постоянное повышение ввозных таможенных пошлин делает неэффективными многие виды внешне-торговых операций;
- резкое повышение транспортных тарифов, прежде всего на железной дороге, практически отрезало производителей продукции в европейской части страны от китайского рынка;
- исчерпание возможностей бартерной торговли;
- насыщение российского потребительского рынка импортными товарами других стран (США, Европа, Юго-Восточная Азия);
- низкое качество и неконкурентоспособность значительной части китайских товаров;
- необязательность и недобросовестность китайских партнеров при исполнении внешнеторговых контрактов.

Определенные трудности в торгово-экономических связях с Китаем были вызваны помимо выше названных причин введением китайской стороной экспортных квот на ряд товаров, лицензированием импорта в КНР отдельных категорий товаров и ограничением (по инициативе китайской стороны) пропуска тяжелой автотракторной техники через погранпереходы Амурской области.

На предприятиях Амурской области используется рабочая сила из КНР. Среднегодовая численность рабочих из КНР в 1990-95 гг. составила:

	1990г.	1991г.	1992г.	1993г.	1994г.	1995г. (6 мес.)
Среднегодовая численность рабочих из КНР, человек	405	335	1027	1537	534	579

Основная часть рабочих (до 90%) занята в строительстве.

Внешнеэкономические связи Амурской области с Японией на протяжении последнего времени замыкаются на экспортных поставках леса и лесоматериалов в Японии. В 1994 г. доля Японии в экспорте Амурской области составила 24%. Вместе с тем возможности внешнеэкономического сотрудничества Амурской области с Японией значительно шире, чем экспорт круглого леса. Это прежде всего инвестиционное сотрудничество и совместное предпринимательство в приоритетных сферах экономики. Однако до настоящего времени эти направления сотрудничества не получили необходимого развития.

Объемы торговли с Японией остаются стабильными. При этом экспорт в Японию значительно превосходит импорт из этой страны. В 1992-1994 гг. экспорт составлял 24,0-27,5 млн.долл., а импорт не превышал 2,4 млн.долл.

Незначительные объемы импорта из Японии объясняются следующими причинами.

Во-первых, промышленные товары народного потребления значительно дешевле чем Япония, предлагают Китай (преимущественно на бартерной основе), Южная Корея и страны Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, следствие экономического кризиса в Амурской области, как и в целом в России, значительно сократился спрос на машины и оборудование. К тому же из-за увеличивающегося технологического разрыва между нашими странами японское оборудование становится все менее совместимым с конкретными техническими и технологическими условиями производства на российских предприятиях.

Так, например, крупнейший в Амурской области экспортер древесины в Японию АОТ "Лесопромышленный комплекс Тындалес" производит оснащение строящегося деревоперерабатывающего комплекса технологическим оборудованием германской фирмы "Бизон-Верке", которое более пригодно для использования в российских условиях по сравнению с аналогичным японским оборудованием.

Торгово-экономические связи с Республикой Корея установлены только в 1993 г. В 1994 г. импорт из этой страны составил 2,8 млн. долл. (продовольствие и промышленные товары народного потребления). За счет "челночного бизнеса" величину импорта из южной Кореи следует увеличить еще не менее чем в 2 раза. За последние два года произошла переориентация значительной части дальневосточных (и амурских) "челноков" с Китая на Южную Корею. На сегодняшний день на потребительском рынке области

южнокорейские товары в значительной степени вытеснили аналогичные китайские товары.

Экспорт в Южную Корею из Амурской области практически отсутствует.

Внешнеэкономическое сотрудничество между Амурской областью и КНДР наряду с торгово-экономическими связями представлено совместными лесозаготовками.

Совместные с КНДР лесозаготовки осуществляются в АООТ "Лесопромышленный комплекс Тындалес". 24 февраля 1995 г. в Пхеньяне заключено межправительственное соглашение между Россией и КНДР о продлении до 1998 г. совместных лесозаготовок. В его рамках предусматривается участие корейской стороны в лесозаготовках, лесовосстановлении и строительстве деревоперерабатывающего комплекса.

В 1994 г. в Амурской области 3800 северокорейских рабочих заготовили 563 тыс. куб. метров древесины.

Внешнеторговый оборот Амурской области и КНДР составил в 1994 г. 4,0 млн.долл. В КНДР экспортируются в основном лес и соя, импорт представлен товарами народного потребления.

Необходимо отметить, что география экспорта Амурской области остается весьма узкой: 98-99% экспорта приходится на Китай, Японию и КНДР. Одной из причин является недостаточное использование экспортного потенциала области. Доля продукции собственного производства, включая сырье, в общем объеме экспорта составила в 1994 году 31%. В первом полугодии 1995 г. отмечается увеличение этой доли до 48%. На сегодняшний день основная экспортная продукция области - это лесоматериалы, электроэнергия, строительные материалы, соя.

Доля продукции собственного производства в экспорте области может быть существенно увеличена прежде всего за счет расширения экспорта лесоматериалов. Объем экспорта лесоматериалов (в физическом выражении) сократился в 1994 г. по сравнению с 1988 г. в 3 раза - с 1706 до 525 тыс. куб. метров.

Основной для расширения лесного экспорта служит лесной фонд области, площадь которого составляет 30,7 млн.га (62% территории области). Общие запасы древесины оцениваются в 1 млрд. кубических метров. Лесные запасы Амурской области позволяют ежегодно заготавливать 15 млн. куб. метров древесины, однако этот потенциал используется далеко не в полной мере.

Дополнительные экспортные ресурсы могут быть получены в результате развития производств по глубокой и комплексной переработке лесного сырья. В этом случае рост стоимостных показателей экспорта может быть получен без соответствующего наращивания объемов лесозаготовок.

Расширение номенклатуры деревообработки (прежде всего за счет производства древесно-волоконистых и древесно-стружечных плит) с ориентацией на экспорт особенно актуально в современных условиях, когда многие лесоперерабатывающие предприятия области испытывают трудности с реализацией продукции внутри страны. Интересам области отвечает также сотрудничество с иностранными фирмами в использовании отходов лесозаготовки и лесопереработки.

В отличие от ситуации с экспортом за последние 4 года произошло значительное расширение географии импорта. Если в 1992 г. импорт осуществлялся из 5 стран, то уже в 1994 г. - из 23 стран Дальнего Зарубежья (страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, Европы, а также США). Особенно интенсивным этот процесс стал в последнее время, когда из-за происходяще-

го сокращения торговли с КНР происходит переориентация крупных импортеров на рынки других стран АТР, а также Европы и США. Так, одна из крупнейших амурских внешнеторговых фирм - Амурская торгово-инвестиционная компания "АТИК" - с 1995 г. прекратила сотрудничество с китайскими партнерами, переключившись на Южную Корею, США, Филиппины. Причина - неуплата тремя китайскими компаниями долга на сумму 350 тыс. долларов.

В настоящее время весьма актуален переход с бартерного (товарообменного) на валютный механизм расчетов в торговле с КНР. Если до 1993 г. торговля Амурской области с КНР строилась почти полностью на основе бартерных (товарообменных) схем, то начиная с 1994 г. в структуре внешнеторговых операций постепенно увеличивается доля валютных контрактов (в первом полугодии 1995 г. во внешнеторговом обороте с Китаем они составили 19%).

В 1992-1994 гг. по ЛЭП Благовещенск-Хэйхэ, введенной в действие в 1992 г., поставлено в Китай электроэнергию на сумму около 15 млн. долларов. Оплата китайской стороной за электроэнергию осуществлялась по смешанной схеме: 10% в СКВ и 90% в виде поставок товаров народного потребления. По существу, электроэнергия поставлялась на бартерной основе. Приведенный пример еще раз подчеркивает настоятельную необходимость скорейшего перехода на валютный механизм расчетов. Переход на валютную торговлю может быть осуществлен поэтапно с использованием различных схем расчетов. Один из возможных вариантов: 100% оплаты в СКВ при гарантии российской стороны использовать не менее 50% полученной валюты для покупки китайских товаров.

Администрацией и банками Амурской области предпринимаются необходимые меры для создания условий, благоприятствующих осуществлению валютных внешнеторговых операций. Так, в ноябре 1994 г. подписано Соглашение о двусторонних торговых расчетах между акционерным коммерческим банком "Амурбанк" (г. Благовещенск) и Хэйхэским филиалом Сельскохозяйственного банка Китая (г. Хэйхэ). Однако на сегодняшний день решен вопрос только об открытии корреспондентских счетов в долларах США.

Анализ деятельности предприятий с иностранными инвестициями

В настоящее время из 128 ПИИ, зарегистрированных на территории Амурской области, 94 (или 73,4%) приходится на предприятия с инвестициями из стран СВА. Наибольшее количество предприятий - 85 создано с партнерами из КНР, в их числе 26 предприятий со 100% китайским капиталом. По 3 СП создано с участием Японии, КНДР, Республики Корея.

Из трех российско-японских СП два предприятия функционируют в переработке леса и производстве лесопроductии, одно предприятие - в сфере торговли.

В 1994 г. в Амурской области создано с южнокорейской фирмой "КОХАП" совместное предприятие "Корус 1" по производству и переработке сои с последующим экспортом продукции в Южную Корею и третьи страны. Это - наиболее крупное предприятие по объему инвестиций - 27,3 млрд. руб., в том числе объем иностранных инвестиций - 13,6 млрд. руб.

Также в сельском хозяйстве функционируют совместные с КНДР предприятия "Татьяновское" и "Рынадо-Вольное", специализирующиеся на

выращивании зерновых, сои, овощей и бахчевых. СП "Татьяновское" - наиболее крупное предприятие по числу работников: 395 чел., из которых 329 иностранные граждане.

Следует также отметить, что на 85 китайских ПИИ приходится 30,9 млрд. руб. иностранных инвестиций (или 23,7%), а на 3 российско-южнокорейских СП приходится 49,2 млрд. руб. иностранных инвестиций (или 37,7%).

С 1994 г. наблюдается стремление китайских компаний зарегистрировать предприятия со 100% иностранным капиталом. На 1.07.95 зарегистрировано 26 предприятий со 100% китайским капиталом.

В настоящее время из всех зарегистрированных ПИИ реально действует только чуть более 40 (или 1/3) в основном в сфере торговли и общественного питания (рестораны).

Нынешняя экономическая ситуация в РФ заставляет вновь зарегистрированные предприятия заниматься торгово-посредническими операциями и делает производственную деятельность практически неэффективной. Доля продукции ПИИ в общем объеме производства промышленной продукции области составляет лишь 0,45% (данные за первое полугодие 1995 г.). В условиях экономического кризиса и отсутствия реальных льгот совместным предприятиям вряд ли стоит ожидать другого. Большая часть совместных предприятий испытывает трудности в получении кредитов, аренде помещений, закупке оборудования.

Действующие СП практически не ориентированы на производство экспортной продукции. Только отдельные предприятия производят импортзамещающую продукцию: швейные изделия и изделия из натуральной кожи.

На первое сентября 1995 г. ликвидировано 19 предприятий с иностранными инвестициями, в основном это российско-китайские совместные предприятия. Все эти предприятия ликвидированы как несостоявшиеся. Одна из причин неудачи этих предприятий заключается в том, что в качестве инвесторов привлекаются мелкие китайские фирмы. К тому же такие фирмы, в случае создания ими предприятий со 100% капиталом, оказываются неподготовленными к работе на российском рынке (отсутствуют необходимые экономические и юридические знания и опыт международной деятельности).

Из числа российско-китайских СП наибольшее количество функционирует в сфере производства товаров народного потребления, а также в торговле и общественном питании (рестораны китайской кухни). В области существует ряд стабильных российско-китайских СП: "Харбо" (производство швейных и трикотажных изделий, пошив обуви, изготовление визиток); СП "Надежда" (производство пельменей); СП "Панда" (обработка шкур крупного рогатого скота); СП "Бам-Син" (производство швейных изделий); СП "Тасин" (изготовление очков); СП "Дружба", "Жасмин", "Хайгэ", "Дун-Фан" (рестораны).

Контакты между администрацией Амурской области и территориями стран СВА

Дальнейшее развитие международных и внешнеэкономических связей требует активизации контактов между Амурской областью и территориями сопредельных стран Северо-Восточной Азии.

К настоящему времени администрацией Амурской области подписаны следующие соглашения с территориями КНР и Республики Корея:

1991 г. - Соглашение между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных связей;

1992 г. - Соглашение о двустороннем сотрудничестве между Амурской областью и провинцией Цзилинь;

1993 г. - Соглашение о принципах добрососедства и торгово-экономического сотрудничества между Администрацией Амурской области и правительством города Хэйхэ;

- Соглашение между администрацией Амурской области и Народным правительством г.Хэйхэ провинции Хэйлунцзян о создании двусторонней комиссии по координации деятельности в области торгово-экономического и культурного сотрудничества;

- Соглашение между администрацией Амурской области и Народным правительством г.Хэйхэ провинции Хэйлунцзян об открытии и деятельности представительств на административных территориях друг друга;

1994 г. - Соглашение между администрацией Амурской области и Народным правительством провинции Хэйлунцзян об укреплении торгово-экономических связей и дальнейшем развитии двустороннего сотрудничества;

- соглашение между администрацией Амурской области и Народным правительством г.Хэйхэ об организации рынка народной торговли и экономического сотрудничества на острове Большой Хэйхэ (КНР);

1995 г. - Соглашение между администрацией Амурской области и Народным Правительством города Хэйхэ об укреплении торгово-экономических связей;

- Соглашение о побратимстве между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян;

- Соглашение между администрацией Амурской области и Народным правительством округа Большой Хинган (провинция Хэйлунцзян) об укреплении торгово-экономических связей и дальнейшем развитии двустороннего сотрудничества;

- Соглашение об установлении побратимских отношений между Амурской областью и провинцией Чхунг-Чхонг-Нам-До Республики Корея.

На стадии подготовки находятся Соглашения о сотрудничестве с провинцией Ляонин и Особой экономической зоной Чжухай (КНР).

Государство и общество

Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах

© 1996

Л.Гудошников, М.Яковлев

В 90-е годы в Китайской Народной Республике были сделаны заметные шаги по обновлению законодательства, регулирующего деятельность политико-юридических учреждений, как именуется в Китае ветвь власти, в которую входят суды, прокуратуры, органы судебной администрации, общественной и государственной безопасности, пенитенциарные учреждения. Первым этот процесс коснулся последних из перечисленных учреждений - мест заключения. Сначала, еще 17 марта 1990 г., Государственным Советом было принято Положение КНР о домах предварительного заключения¹. Почти через пять лет за указанным Положением последовал Закон КНР о тюрьмах, принятый на 11-ом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) 7 созыва 29 декабря 1994 г.² В 1995 г. в один день - 28 февраля были приняты Закон КНР о народной полиции (52 статьи), Закон КНР о судьях (49 статей) и Закон КНР о прокурорах (52 статьи). Все эти законы, как и большинство законодательных актов последнего времени, на сессии ВСНП не выносились, а принимались на заседаниях ПК ВСНП.

В настоящей статье мы рассмотрим обновление законодательства о местах заключения и народной полиции. Законы о судьях и прокурорах требуют отдельного рассмотрения в том числе и потому, что, по строгому критерию, они являются не обновлением, а дополнением существующего законодательства: ранее такого рода специальные законы не принимались, а лишь общие законы о суде и прокуратуре. Немаловажно и то, что пенитенциарные учреждения КНР, как и органы народной полиции, не анализировались в нашей научной литературе с точки зрения регулирующих их деятельность актов государства.

Итак, обновление законодательства о политико-юридических органах КНР началось в 1990 г. принятием Положения о домах предварительного заключения.

Положение содержит 52 статьи, последней из которых определяется, что с его опубликованием прекращают действие установления о домах предварительного заключения, содержащиеся в Положении КНР о трудовом перевоспитании, опубликованном Административным Советом страны 7 сентября

Гудошников Леонид Моиссевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Яковлев Михаил Александрович, младший научный сотрудник ИДВ РАН.

1954 г.³ Положение КНР о домах предварительного заключения регулирует содержание подследственных заключенных и заключенных, отбывающих по вошедшим в силу приговорам краткосрочное лишение свободы (до одного года) или же если менее года срок лишения свободы, оставшийся после вынесения приговора. Закон КНР о тюрьмах регулирует содержание заключенных в основных местах лишения свободы, где исполняются приговоры к срочному и бессрочному заключению (в том числе и к смертным приговорам с двухлетней отсрочкой исполнения, которые обычно в исполнение не приводятся). Общее направление этих актов можно определить как гуманизацию содержания заключенных под стражей, а применительно ко второму акту и общую гуманизацию системы исполнения наказаний. Вместе с тем режим содержания заключенных продолжает оставаться достаточно строгим.

В ряде моментов указанные акты совпадают, что позволяет анализировать их вместе, отдавая, однако, предпочтение Закону как документу более высокого ранга и охватывающему большее количество объектов регулирования. В сравнительном плане этот закон сопоставим упомянутым уже Положением о трудовом перевоспитании 1954 г., регулировавшим тогда порядок работы всех мест заключения.

Положение о трудовом перевоспитании (точнее: исправлении трудом) 1954 г. определяло в качестве мест заключения дома предварительного заключения, тюрьмы, исправительно-трудовые лагеря (колонны) и исправительные колонии для несовершеннолетних преступников. Каждому из них был посвящен специальный раздел главы II положения. В Законе, кроме тюрем, упомянуты воспитательные учреждения для несовершеннолетних преступников. Об исправительно-трудовых лагерях Закон не упоминает. По всей вероятности, теперь термином "тюрьма" обозначаются и места заключения, ранее именовавшиеся "исправительно-трудовыми лагерями". Для такого вывода дают основания, например, статьи 8 и 9 Закона, в первой из которых говорится о предоставлении государством производственных объектов и ассигнований на производство, необходимых для организации труда преступников, а во второй устанавливается, что земли, месторождения полезных ископаемых и другие природные ресурсы, используемые тюрьмами, находятся под охраной закона и никакие организации или частные лица не могут их отчуждать. В ст. 69 сказано: "Трудоспособные преступники обязаны участвовать в труде", предусматривается выдача им вознаграждения и применение к ним установлений государства об охране труда и трудовом страховании (статьи 72 и 73). Возможность привлечения к труду (при наличии необходимых условий) предусматривается и для предварительного заключения (ст. 33 Положения).

По Положению 1954 г. все места заключения находились в ведении Министерства общественной безопасности. Теперь в ведении этого министерства остались только дома предварительного заключения, за исключением находящихся в ведении органов государственной безопасности и Народно-освободительной армии Китая. Тюрьмы находятся в ведении судебно-административных органов, входящих в систему Министерства юстиции. Им подчинена тюремная народная полиция, в которую входят контролеры (надзиратели) тюрем и их администрация. Однако при этом внешнюю охрану тюрем несут войска вооруженной народной полиции (китайский аналог наших внутренних войск). Они же охраняют и дома предварительного заключения и осуществляют конвоирование заключенных.

Сейчас существенно по-иному звучит терминология нормативных актов о местах заключения. Повсеместно сняты упоминания о контрреволюционерах, как первой и главной категории уголовных преступников. Места за-

ключения уже не именуется в Законе "орудиями демократической диктатуры народа". Вместе с тем повсеместно оставлены формулировки о сочетании принципов наказания и перевоспитания, воспитания и труда. На тюрьмы Законом возлагается исполнение судебных приговоров к преступникам, осужденным к смертной казни с двухлетней отсрочкой, к бессрочному и срочному лишению свободы (ст. 2). На тюрьмы Закон возлагает содержание преступников под стражей, организацию их занятий производительным трудом, идейное и культурное воспитание, а также обучение их техническим навыкам (ст. 3).

Законом подчеркнуто, что работающая в тюрьмах народная полиция находится под защитой закона (ст. 5). В свою очередь сотрудники тюремной народной полиции "должны строго соблюдать Конституцию и законы, неукоснительно выполнять служебные обязанности, быть справедливым, строго соблюдать дисциплину, быть честными и неподкупными" (ст. 13). Устанавливается также, что "человеческое достоинство преступника не должно подвергаться оскорблениям, не должны нарушаться его права на личную безопасность, на положенное по закону личное имущество, на защиту, обжалование⁴, жалобы, обвинения и другие права, которых он по закону не лишен и в которых не ограничения" (ст. 7). В то же время он обязан строго соблюдать законы и законоустановления (подзаконные акты), тюремную дисциплину, подчиняться надзору, принимать воспитание и участвовать в труде.

Впервые в нормативных актах, регулирующих содержание заключенных, систематизированно и довольно подробно изложены запрещенные тюремной полиции действия, а именно: 1) истребовывать, конфисковывать, отчуждать имущество преступников и их родственников; 2) незаконно освобождать преступников или допускать их побеги по причине халатного отношения к своим обязанностям; 3) вести допросы с применением пыток, вынуждать признания или применять телесные наказания, жестоко обращаться с преступниками; 5) избивать преступника или попустительствовать его избитию другими лицами; 6) пользоваться трудом преступников в корыстных целях; 7) частным образом передавать преступникам письма и вещи; 8) поручать другим лицам надзор за преступниками. Эти и другие незаконные действия сотрудников тюремной полиции влекут за собой уголовную или административную ответственность.

В главу об исполнении наказания (III), которой в Положении 1954 г. соответствовала глава V, включен новый раздел 3 - "Исполнение вне места заключения". Установления этого раздела не являются законодательной новеллой: отбывание наказания временно вне мест заключения предусмотрено ст. 157 Уголовно-процессуального Кодекса КНР 1979 г. и распространяется на осужденных ко всем видам лишения свободы беременным женщинам и кормящим грудью матерям, а также лицам с тяжелыми заболеваниями, когда лечение возможно лишь вне мест заключения. В Законе определен порядок утверждения и применения этого вида наказания, обжалования его прокуратурой в случае несогласия последней, исполнения органами общественной безопасности по месту жительства.

Новым является следующий (4-й) раздел Закона, озаглавленный "Смягчение наказания, условное освобождение из заключения". В ст. 29 перечислены основания для смягчения наказания, которыми являются: 1) предотвращение тяжкого преступления другого лица; 2) изобличения тяжкого преступления при подтверждении представленных доказательств проверкой; 3) предоставление изобретений или крупных рационализаторских предложений; 4) самопожертвование ради спасения других; 5) выдающиеся заслуги в борьбе со стихийными бедствиями или при иных чрезвычайных событиях.

Предложение о смягчении наказания представляется в суд администрацией тюрьмы. Суд должен в течение месяца со дня получения предложения о смягчении наказания произвести соответствующую проверку и принять решение. Однако если обстоятельства дела сложны или носят особый характер, то этот срок может быть продлен. Копия решения суда должна направляться в прокуратуру (ст. 30).

В том случае, если речь идет о смягчении приговора к смертной казни с отсрочкой исполнения на два года, то по истечении указанной отсрочки администрация тюрьмы направляет предложения о смягчении наказания до бессрочного или срочного лишения свободы управлению мест заключения провинциального уровня. Последнее ходатайствует о смягчении наказания перед Верховным народным судом (ст. 31).

Условное освобождение - относительно давний в законодательной практике КНР термин. Так в принятом в 1979 г. Уголовном кодексе условному освобождению был посвящен целый раздел 4 главы, содержащий три статьи (73-75). Там, в частности, указывалось, что условное освобождение может быть применено к осужденным к срочному лишению свободы, если ими отбыто не менее половины срока наказания (для осужденных к бессрочному наказанию - не менее 10 лет) и если ими проявлено раскаяние и стремление к исправлению. Если в течение срока условного освобождения соответствующими лицами не будет совершено нового преступления, то наказание считается отбытым. Если же условно освобожденный совершит новое преступление, то условное освобождение аннулируется и к наказанию, назначенному по новому приговору, присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору. Закон о тюрьмах, определив порядок направления тюремной администрацией предложений об условном освобождении в суд, вместе с тем установил ответственность за правонарушения условно освобожденных, если эти правонарушения не образуют нового состава преступления. В этом случае осуществляющие за ними надзор органы общественной безопасности направляют в суд предложение о прекращении условного освобождения. Если суд несогласится с этим предложением, то преступник вновь заключается в тюрьму (ст. 33).

Решение суда как в отношении смягчения наказания, так и условного освобождения могут быть опротестованы прокуратурой.

Закон КНР о тюрьмах изменил прежнее регулирование освобождения преступников. Сам раздел определяющий эту процедуру, именуется теперь "Освобождение и обустройство". В отличие от нормативных положений 1954 г., каждый преступник, отбывший срок наказания, подлежит безусловному освобождению и на основании свидетельства об освобождении органы общественной безопасности обязаны оформить ему прописку по месту его прежнего постоянного жительства (раньше предусматривалась возможность "добровольного" трудоустройства освобожденных заключенных в исправительно-трудовых лагерях или малонаселенных местностях⁵.)

Согласно Закону 1994 г. лицам, освобожденным после окончания срока наказания, местные народные правительства оказывают помощь в бытовом обустройстве. Те из них, кто утратил трудоспособность и не имеет лиц, могущих, согласно закону, их содержать, или иных источников существования, получают материальное воспитательное содержание от местных народных правительств. Специальная статья Закона о тюрьмах предусматривает полное правовое равенство отбывших уголовное наказание со всеми остальными гражданами страны (ст. 38).

Специальный раздел 4-ой главы Закона предусматривает случаи применения охраной кандалов (наручников) и оружия. В Положении 1954 г. так-

же предусматривалась возможность применения кандалов при угрозе побега, бунта или других опасных действий со стороны заключенных. Сейчас эти случаи формулируются Законом более конкретно, а именно: 1) при попытке побега; 2) при применении преступником насилия; 3) при конвоировании в пути; 4) в случае, когда преступник предпринимает другие опасные действия, требующие применения мер предосторожности. Регулирование применения кандалов в Положении о домах предварительного заключения звучит несколько по иному: "В отношении преступников, которые, как свидетельствуют факты, способны совершить убийство, устроить бунт, совершить побег, пойти на самоубийство, можно с санкции начальника дома предварительного заключения применять кандалы. в чрезвычайной обстановке можно сначала применить кандалы, а потом доложить об этом" (ст. 17). В домах предварительного заключения кандалы могут быть применены к лицам, осужденным к смертной казни.

Случаи применения оружия регулируются примерно одинаково в Законе о тюрьмах и Положении о домах предварительного заключения и без больших отличий от Положения 1954 г., а именно в случаях: 1) массового волнения, бунта; 2) побега и сопротивления при задержании; 3) когда преступники, имея в руках режущие или другие опасные предметы, намерены совершить убийство или разрушительные действия; 4) при похищении преступника; 5) при захвате преступником оружия.

Разница в регулировании применения оружия в домах предварительного заключения и в тюрьмах в том, что в Положении о домах предварительного заключения содержится правило о предупредительном выстреле (за исключением особо критических случаев). В Законе о тюрьмах такого установления нет. Говорится лишь, что лица, применившие оружие, "должны в соответствии с имеющимися государственными установлениями " доложить об обстоятельствах дела".

Как в новом законодательстве, так и в нормативных актах 50-х гг. есть разделы о поощрениях и наказаниях заключенных. В целом основания для поощрения изложены примерно одинаково, однако в Законе о тюрьмах 1994 г. в качестве возможной заслуги заключенного уже не упоминается "разоблачение внутри или вне места заключения контрреволюционных организаций и контрреволюционной деятельности". Другие пункты аналогичны, например, соблюдение дисциплины, старательная учеба, активный труд, перевыполнение заданий, достижения в деле экономии сырья, пресечение нарушений закона и т.п. Поощрение может быть материальным (премия) и в форме благодарности за заслуги. Для лиц, отбывших половину срока, возможно в этом случае и временное освобождение для посещения родственников. Побывка у родственников возможна для лиц, осужденных к срочному тюремному заключению и не представляющих при выходе из тюрьмы опасности для общества.

В ст. 58 Закона о тюрьмах перечислены основания, по которым заключенный может быть подвергнут взысканию (предупреждению, выговору или помещению в карцер на 7-15 суток), а при наличии состава преступления на него может быть заведено и уголовное дело: 1) участие в массовых беспорядках; 2) нанесение оскорблений или побоев работникам народной полиции; 3) притеснение других заключенных; 4) хищения, азартные игры, драки, провоцирование инцидентов; 5) отказ от участия в труде, саботаж; 6) уклонение от работы путем нанесения себе ран и увечий; 7) преднамеренное нарушение технологических правил, преднамеренная порча орудий производства; 8) другие нарушения тюремных порядков.

В Закон 1994 г. внесена отсутствовавшая в его предшественнике глава об обучении и перевоспитании преступников. На тюрьмы возложена обязанность обучать преступников грамоте, давать им образование на уровне начальной школы и средней школы первой (начальной) ступени. Исходя из потребностей производства в рамках мест заключения и с перспективой трудоустройства после освобождения, заключенных обучают профессионально-техническим специальностям. Закон предписывает тюрьмам оборудовать классы, читальные залы и другие учебные помещения. Предписывается также организовывать для заключенных физкультурные и культурно-развлекательные мероприятия. Обязанность содействия местам заключения в обучении и перевоспитании преступников возлагается на государственные органы, общественные организации, воинские подразделения, предприятия и учреждения, различные слои общества, а также на родственников преступников.

Глава об обучении и перевоспитании несовершеннолетних преступников (VI) содержит всего четыре статьи. В этих статьях содержатся общие установки по работе с несовершеннолетними преступниками. Конкретная норма, но очень важная, содержится лишь в одной из статей (78) - там устанавливается, что если несовершеннолетнему преступнику исполняется 18 лет, а оставшийся срок наказания не превышает 2 лет, то он может быть оставлен отбывать оставшийся срок наказания в воспитательном учреждении для несовершеннолетних преступников.

Обновление законодательства о местах заключения в КНР нельзя оценить однозначно. С одной стороны, это, как уже отмечалось, заметный шаг вперед в отношении гуманизации содержания в этих учреждениях, в пенитенциарной политике государства в целом. Но с другой стороны, и новое законодательство КНР в этой области не представляется в достаточной степени подробным и неизбежно должно вызвать целый ряд подзаконных актов по его применению. По всей вероятности, акты, которые мы рассмотрели выше, не будут последними в этой области.

Новый закон КНР о народной полиции

28 февраля 1995 г. на 11-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) седьмого созыва был принят Закон КНР о народной полиции.

В отличие от Закона о тюрьмах Закон о народной полиции гораздо подробней своего предшественника - Положение КНР о народной полиции, принятого ПК ВСНП 25 июня 1957 г. и в тот же день подписанного к опубликованию Председателем КНР⁷. В положении было всего 11 статей, тогда как в законе их число возросло до 52 и они сведены в 8 глав⁸. Тем не менее закон не ставит целью регулирование функций всех видов полицейской службы отсылая к другим нормативным актам. Закон перечисляет существующие в Китае виды народной полиции, но регулирует лишь деятельность полиции общественной безопасности не охваченными им в отношении исполняемых функций видами народной полиции остаются полиция органов государственной безопасности, тюремная полиция и полиция органов трудового перевоспитания и надзора⁹. Кроме народной полиции в Законе упоминается полиция органов юстиции, осуществляющая охрану и другие функции при судах и прокуратурах. Вместе с тем из текста Закона следует, что большинство его положений относится ко всем полицейским службам. В предпоследней статье Закона упоминается так же Китайская народная вооруженная полиция, выполняющая свои функции, но так же и некоторые функции Народной полицией, например охрану иностранных посольств и миссий. В главе

первой Закона, называемой "Общие положения" в основном воспроизведены в новой редакции первые статьи Положения о народной полиции 1957 г. с некоторыми существенными изменениями в формулировках знакомыми нам из приведенного выше сравнительного анализа законодательства о местах заключения 50-х гг. и современного: в Законе уже не фигурирует определение народной полиции в качестве "орудия демократической диктатуры народа," и контрреволюционные преступления не названы в качестве первостепенного объекта борьба народной полиции. В целом число определенных Законом функций народной полиции сокращено, частично за счет переданных от полиции органов общественной безопасности другим полицейским службам (тюремной полиции, полиции органов юстиции и т.п.). Среди нынешних функций народной полиции общественной безопасности на первом месте предупреждение, пресечение и расследование правонарушений и преступлений; охрана общественного порядка и пресечение его нарушений; охрана порядка и безопасности на транспорте и регулирование его движения; контроль за оружием, в том числе холодным, и боеприпасами и опасными веществами (из этого пункта исключен осуществлявшийся ранее народной полицией контроль за средствами радиосвязи, печатным и граверным делом); организация работы по тушению и предупреждению пожаров. Более подробно сформулированы впервые функции полиции. Изменена формулировка в отношении массовых собраний - вместо поддержания порядка на такого рода мероприятиях говорится о регламентации (контроле) митингов, шествий и демонстраций. Осуществление надзора за "контрреволюционными и другими преступными элементами" заменено в Законе развернутым пунктом об исполнении уголовного наказания в отношении преступников, приговоренных к надзору, поражению в политических правах, а также к исполнению уголовного наказания вне мест заключения; народная полиция осуществляет надзор и наблюдение за условно осужденными и условно освобожденными преступниками. Новым пунктом является отнесение к полномочиям народной полиции обеспечения безопасности и охраны компьютерных информационных систем. Теперь специальным пунктом в полномочиях народной полиции не выделяется направление работы комиссий по охране общественного порядка и "руководство массами в деле борьбы против шпионажа, бандитизма, хищений, пожаров". О направлении (курировании) работы комиссий по охране общественного порядка говорится в связи с профилактическими мерами в сфере общественного порядка. Из числа полномочий народной полиции исключен пункт о проведении "среди масс пропагандистской работы, направленной на повышение революционной бдительности, охрану общественной собственности, поддержание общественного порядка и уважение общественной морали". Из полномочий полиции исключен также контроль за общественной санитарией и поддержанием чистоты в городах.

В законе 1995 г. значительно расширена регламентация применения народной полицией принудительных мер, ранее изложенная в шести пунктах шестой статьи Положения 1957 г. В нынешнюю регламентацию инкорпорировано уже принятое после 1978 г. новое законодательство КНР, в том числе положения Уголовно-процессуального кодекса 1979 г., регулирующие задержание и арест. Всего применению принудительных мер посвящено 10 статей Закона.

В текст Закона введена и специальная глава (III), в которой регулируются обязанности работников народной полиции и требования относительно соблюдения ими законности и дисциплины. Им вменяется в обязанность справедливое претворение в жизнь законов, честность, образцовое выполнение общественного и гражданского долга, вежливое и культурное обращение с людьми, уважительное отношение к народным нравам и обычаям (ст. 20). Работник народной полиции, столкнувшись с фактами посягательства на безопасность личности или имуществ-

ва граждан или другими опасными для них действиями, должен немедленно прийти к ним на помощь. Он должен также оказывать помощь гражданам, ходатайствующим о разрешении конфликтов, и своевременно принимать меры по фактам, сообщенным гражданами полиции. В Законе особо оговорено, что работники народной полиции, столкнувшись во внерабочее время с чрезвычайными происшествиями, входящими в сферу их компетенции, должны выполнить свой служебный долг (ст. 19). В ст. 21 Закона содержится большой (14 пунктов) перечень недопустимых для работника народной полиции действий, в том числе запрещение выступать с речами, наносящими ущерб авторитету государства, а также состоять в незаконных организациях, принимать участие в антигосударственных митингах, шествиях, демонстрациях и тому подобных мероприятиях, участвовать в забастовках. Запрещено допускать утечку государственных секретов и служебных секретов полиции, покрывать преступную деятельность и нарушения закона; применять при допросах пытки и телесные наказания, вынуждать к признаниям жестоким обращением; налагать незаконные взыскания и штрафы; вымогать и принимать взятки, а также принимать приглашения в гости и подарки от причастных к соответствующим делам лиц или их представителей; заниматься хозяйственной деятельностью, направленной на извлечение прибыли, или работать по найму у частных лиц или организаций и т.д. Работникам народной полиции предписывается носить присвоенную им форму либо иметь при себе жетон или удостоверение народного полицейского.

Законом усилены требования к работникам народной полиции по сравнению с прежним Положением 1957 г. Теперь требуется не только физическое здоровье, определенные культурный уровень и желание вступить в народную полицию (при отсутствии поражения в политических правах), но и образование на уровне средней школы высшей ступени, отличные политические и профессиональные качества. Кроме того, сейчас установлен минимальный возраст для вступления в ряды народной полиции - 18 лет. Введено и требование знания Конституции КНР. В народную полицию не могут быть приняты лица, подвергавшиеся уголовному наказанию и уволенные с государственной службы. Набор в народную полицию осуществляется теперь "путем открытых экзаменов, строгой проверки, отбора лучших" (ст. 27).

Более высокие критерии отбора на службу установлены для руководящих работников народной полиции. От них требуются профессиональные юридические знания на уровне университета, опыт политико-юридической работы и определенные способности к руководящей организационно-управленческой работе. Кроме того, назначению на руководящую работу должна предшествовать специальная подготовка и сдача экзаменов в институтах (академиях) народной полиции.

Для народной полиции установлена отличная от армейских чинов система званий. Установление ее опередило Закон о народной полиции почти на три года. Положение КНР о званиях в народной полиции было принято ПК ВСНП 1 июля 1992 г.¹⁰ Всего было установлено 13 званий, разделенных на 5 категорий. В первую категорию вошли Генеральный комиссар полиции и его заместители. Эти звания присваиваются министру общественной безопасности и его заместителям. Далее следуют комиссары полиции первого, второго и третьего рангов, занимающие руководящие должности на уровне начальников управлений центрального аппарата министерства и глав управлений (департаментов) общественной безопасности провинциального уровня. За ними следуют инспекторы полиции первого, второго и третьего классов. Они занимают должности на уровне начальников отделов и отделений. Руководящие должности на низовом уровне могут занимать и субинспекторы полиции пер-

вого и второго разрядов. Субинспекторы третьего разряда обычно рядовые сотрудники соответствующих подразделений. В самом низу полицейской иерархии - народные полицейские первого и второго разрядов. Соответствующие звания, в том числе и комиссарские, могут быть присвоены специалистам, не занимающим руководящих постов. Предусматривается возможность досрочно-го присвоения звания в качестве поощрения. Предусматриваются и другие формы поощрения, в том числе и материальные.

В главе об обеспечении выполнения народной полицией своих функций (V) на первом месте безусловное исполнение работниками народной полиции приказов вышестоящих начальников. Если даже работник считает такие приказы ошибочными, он не может приостановить исполнение приказа и должен ему подчиниться, однако вправе сделать замечания. Вместе с тем, согласно установлению статьи 33 Закона, работник народной полиции вправе отказаться от выполнения функций, выходящих за рамки полномочий народной полиции. Однако в этом случае он должен "доложить в вышестоящие органы".

Работники народной полиции находятся под защитой закона. Такая защита распространяется и на граждан и организации¹¹, оказывающих им помощь и поддержку. Одновременно предусматривается административная или уголовная ответственность лиц, препятствующих народной полиции в осуществлении своих функций. Наказанию подлежат, в частности, действия, выразившиеся: в оскорблениях работников народной полиции при исполнении ими служебных обязанностей, в препятствовании им производить расследования или препятствующие им при проходе в соответствующее помещение для выполнения задач преследования и задержания, обыска, оказания помощи и т.д. Ответственность установлена также за намеренное препятствование проезду полицейских транспортных средств и иные виды препятствования работникам народной полиции, а также за отказ им в содействии при исполнении служебных обязанностей.

Согласно Закону, полицейские знаки, униформа и оружие народной полиции централизованно контролируются Министерством общественной безопасности Госсовета КНР и никакие иные организации или лица не могут их изготавливать, сбывать или использовать.

Законом установлен и строгий контроль за деятельностью народной полиции, осуществляемый органами прокуратуры и административного контроля. Вместе с тем в Законе говорится и о том, что народная полиция "должна сознательно принимать контроль со стороны общества и граждан" (ст. 44). Гражданам и организациям предоставлено право выступать с обвинениями и жалобами в отношении работников полиции, нарушивших закон или дисциплину. Такие обвинения и жалобы могут направляться как в органы народной полиции, так и в органы прокуратуры и административного контроля. Законом предусмотрены случаи самоотвода и отвода от ведения дела работника народной полиции, если он или его близкие родственники оказываются причастными к делу или заинтересованными в нем, либо если имеются какие-то иные связи с лицами, причастными к делу, которые могут повлиять на справедливое его ведение. В главе "Правовая ответственность" (VII) перечислены административные взыскания, которым может быть подвержен работник народной полиции за противоправные действия и нарушения дисциплины, начиная от предупреждения до увольнения из рядов народной полиции. Кроме того, предусматривается уголовная ответственность (а при отсутствии состава преступления - дисциплинарная) за неправильное применение оружия и специальных полицейских средств¹². В случае нанесения ущерба гражд-

данам или организациям в результате действий народной полиции им в соответствии с Законом выплачивается компенсация.

Положения Закона о народной полиции относятся ко всем полицейским службам, за исключением, как уже отмечалось выше, сформулированных там функций полиции общественной безопасности. В отношении других служб имеется отсылочная норма (ст. 18), согласно которой другие полицейские службы осуществляют свои функции на основании соответствующих законов и административных актов (частично мы уже знакомы с определением таких функций на примере тюремной полиции).

Новый Закон КНР о народной полиции пришел на смену уже давнему краткому нормативному акту, регулировавшему организацию и функции этой важной силовой структуры страны лишь в самых общих чертах. Сейчас принят более совершенный правовой документ, свидетельствующий о росте юридической культуры государства и общества КНР. Он соответствует более развитому обществу и отражает его интересы. Возможно он будет регулировать соответствующий государственный институт достаточно длительное время, но и он в дальнейшем должен быть, по логике общественного развития, заменен еще более совершенным актом, который впитает в себя как опыт его применения в КНР, так, вероятно, и зарубежные юридико-технические достижения.

Так или иначе этот закон, как и ранее рассмотренный нами закон о местах заключения, являет собой пример серьезного отношения китайского законодателя к регулированию деятельности непопулярных, но необходимых каждому обществу, государственных структур.

1. Жэньминь жибао. - 1990. - 26 марта. Русский текст "Положения" в переводе В.И. Антонова см. в Экспресс-информации ИДВ РАН "Новое законодательство КНР". - М., 1994. - Вып. № 5. - С. 63-73.
2. Жэньминь жибао. - 1990. - 30 декабря.
3. См. "Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики". - М., 1955. - С. 634-652.
4. Имеется в виду обжалование вступивших в законную силу приговоров судов.
5. См. "Временные правила о порядке освобождения заключенных исправительно-трудовых учреждений после отбытия ими срока наказания и об их трудоустройстве". - Там же. - С. 653-655.
6. Очевидно, имеется в виду "Постановление о применении народной полицией оружия и предупредительных средств", утвержденное Государственным советом КНР 5 июля 1980 г. Его русский текст см. "Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты". - М., 1984. - С. 437-439.
7. На русском языке "Положение КНР о народной полиции" было опубликовано в сборнике "Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954-1958)". - М., 1959. - С. 687-690.
8. Закон КНР о народной полиции опубликован в "Жэньминь жибао". - 1995. - 3 марта.
9. Здесь, по-видимому, имеются в виду воспитательно-трудовые учреждения, создаваемые в соответствии с "Постановлением Государственного Совета по вопросам трудового воспитания" от 1 августа 1957 г. и "Дополнительными установлениями к Постановлению Государственного Совета по вопросам трудового воспитания" от 29 ноября 1979 г. Эти документы см. "Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты". - М., 1984. - С. 433-436.
10. См. "Чжунго фалюй няньцзин" (Китайский юридический ежегодник) 1993. - С. 223-224.
11. Это, например, комиссии по охране общественного порядка при комитетах сельского и городского населения.
12. Это, например, дубинки, наручники и т.п.

Перспективы социально-экономического развития Китая до 2010 г.

22 ноября 1995 г. на заседании Ученого совета ИДВ РАН состоялось обсуждение "Предложений ЦК КПК о девятом пятилетнем плане экономического и социального развития КНР на 1996-2000 годы и целях долгосрочного развития до 2010 года", принятых на пятом пленуме ЦК КПК 14-го созыва (проходил с 25 по 28 сентября 1995 г.).

Открывая обсуждение, председатель Ученого совета, директор ИДВ РАН профессор М.Л.Титаренко отметил, что в последние годы мировое сообщество уделяет повышенное внимание оценке возможных вариантов развития Китая на среднесрочную перспективу. Это связано с высокой динамикой экономического роста в КНР в первой половине 90-х годов, с заметным повышением позиций Китая в мировой "табели о рангах" по абсолютным показателям ВВП, пересчитанным по паритету покупательной способности валют, наконец, с ожидаемым переходом страны к "последэнсяпиновскому" этапу развития. Известно, что наряду с относительно благоприятными прогнозами развития Китая можно встретить и весьма пессимистические оценки способности страны справиться с действительно непростой ситуацией нарастающего демографического давления, ухудшением ресурсообеспеченности, осложнением экологических проблем и т.п. Вполне естественно, что данный круг проблем постоянно находится в центре внимания ученых Института Дальнего Востока. Цель данного обсуждения, как и дальнейшей исследовательской работы, - объективно проанализировать ситуацию, выявить доминирующие тенденции и возможные варианты эволюции китайского общества, в том числе и в плане их возможного влияния на российско-китайские отношения.

С основным докладом "Некоторые итоги и перспективы развития Китая в свете предложений ЦК КПК о задачах экономики страны на период до 2010 г." выступила д.э.н., профессор Э.П.Пивоварова. Изучение материалов пленума, отметила докладчик, свидетельствует, что текущий период рассматривается в КНР как важный рубеж, требующий подведения итогов 17 лет реформы и определения главных задач социально-экономического развития страны на последующие 15 лет.

Э.П.Пивоварова предложила аудитории свои оценки главных итогов предшествующего опыта хозяйственной реформы в КНР и ее наиболее сложных проблем, а также сформулированной на пленуме программы дальнейшего развития страны.

Главным итогом социально-экономического развития КНР в предшествующие годы реформы явилось досрочное осуществление в 1995 г. стратегической задачи - учетверения валового национального продукта страны к 2000 г. по сравнению с 1980 г. и достижения уровня "скромного достатка" жизни населения. Это позволило выдвинуть на пленуме очередную задачу на перспективу - новое удвоение ВВП к 2010 г. и внести дополнительные качественные элементы в понятие "скромного достатка" жизни населения (последнее частично связано с расчетами на увеличение среднедушевого производства ВВП в 2000 г. в 4 раза по сравнению с 1980 г.). Для выполнения этой задачи предполагается, во-первых, преобразовать традиционную плановую экономическую систему в социалистическую рыночную экономическую систему; во-вторых, осуществить переход от экстенсивных методов экономического роста к интенсивным. Очевидно, что эти задачи на порядок сложнее тех, которые Китай решал на предыдущих этапах реформы.

В какой мере сформулированные на пленуме задачи актуальны сегодня, а главное - имеют ли они под собой реальные обоснования или просто "перекочевывают" в очередную программу из предыдущих документов, где они выступали (как это часто бывало в международной практике планирования) лишь в роли общих ориентиров и мобилизационных лозунгов? По мнению Э.П.Пивоваровой, характер документов пленума свидетельствует о реальном осознании в КНР насущности поставленных задач, без отлагательного решения которых невозможно обеспечить дальнейшее поступательное развитие китайской экономики.

Уже состоявшимися безусловными достижениями китайской экономической реформы, в которой преобладали созидательные, а не разрушительные функции, стали, во-первых, устойчивые темпы экономического роста на протяжении всех лет реформы; во-вторых, существенное повышение жизненного уровня населения; в-третьих, поддержание социально-политической стабильности в стране. Немаловажным производным всего этого стало увеличение экономической роли и повышение авторитета КНР на международной арене.

Несомненно, что экономическому прогрессу в стране на протяжении прошлых лет реформы способствовала избранная китайским руководством тактика "переходить реку, нащупывая камни", заключающаяся в поэтапном апробированном эксперименте продвижении к рынку, постепенном переходе от малого к большому, от частного к общему.

Выдвижение в 1992 г. курса на углубление реформы и строительство "социалистической рыночной экономики" как раз и знаменовало необходимость перехода в рыночных преобразованиях от "малого" к "большому" и, в первую очередь, - это переход от создания мелких товаропроизводителей к превращению в субъектов рынка крупных и средних государственных предприятий.

Решения пленума отражают весь комплекс сложнейших проблем, рельефно обозначившихся за прошедшие 3 года углубления рыночных преобразований.

Существо корректировок стратегии социально-экономического развития КНР, сделанных на 5 пленуме ЦК КПК 14-го созыва, состоит в перенесении акцента с ускорения развития на разрешение не всех, но главных противоречий, недоучет серьезности которых может обернуться крупными потерями для всех завоеваний реформы. Каждое из этих противоречий связано с нарушением равновесности различных сторон преобразуемой действительности. Потому при определении перспективы на первое место сегодня поставле-

ны задачи повышения качества и эффективности управления; достижение баланса региональных, отраслевых и личных интересов; обеспечение социально-политической стабильности в стране. Определены важнейшие установки социально-экономического развития КНР на последующие 15 лет: сделать эффективность ядром экономической работы, отвести первоочередное место в экономическом развитии науке, технике, образованию, подготовке квалифицированных кадров; обратить особое внимание на усиление макроконтроля за рыночными процессами, на сокращение региональной, отраслевой, имущественной дифференциации, а также на улучшение нравственной атмосферы в обществе.

Среди материалов пленума особое, ключевое место занимает доклад Цзян Цзэминя "О правильном разрешении некоторых важнейших отношений в ходе социалистической модернизации". Можно сказать, что и по форме, и по содержанию этот доклад напоминает программную речь Мао Цзэдуна "О десяти важнейших взаимоотношениях" на Расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в апреле 1956 г., в котором на основе обобщения отрицательного опыта СССР и Китая говорилось об опасности допущения крена в ту или иную сторону в важнейших вопросах экономического строительства.

Из 12 взаимоотношений, о которых говорит сегодня Цзян Цзэминь, половина - те же, что и у Мао Цзэдуна, они касаются экономического строительства; вторая половина (у Мао она была посвящена революционной тематике) отражает качественно новый виток социально-экономического развития Китая, а именно: проблемы, рожденные в процессе движения экономики к рынку, породившего закономерное обострение неравновесия по всем параметрам.

В качестве взаимоотношений, от правильного регулирования которых зависят перспективы развития Китая, сегодня названы отношения между:

- 1) реформой, развитием и стабильностью;
- 2) темпами и эффективностью;
- 3) народонаселением, ресурсами и окружающей средой;
- 4) первым, вторым и третьим подразделениями общественного производства (сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг, по принятой в КНР классификации);
- 5) прибрежными и внутренними регионами страны;
- 6) развитием рыночной системы и макрорегулированием;
- 7) секторами общественной и других форм собственности;
- 8) интересами государства, предприятий и личности;
- 9) расширением открытости внешнему миру и опорой на собственные силы;
- 10) центром и местами;
- 11) экономическим и оборонным строительством;
- 12) материальной и духовной культурой.

Безусловно, центральной проблемой дальнейших преобразований, и это подчеркивается в решениях ЦК КПК, является отыскание способа повышения эффективности работы государственных предприятий, особенно тех, которые образуют костяк экономики, т.е. крупных и средних предприятий государственной собственности. Однако незначительность и зыбкость результатов рыночных преобразований в государственном секторе на фоне явного динамизма и эффективной деятельности индивидуальных, частных и совместных предприятий вынудила выдвинуть в 1992 г. прежде всего задачи повышения рентабельности этих предприятий, акционирование как важнейшее средство создания "системы современных предприятий".

В течение всех лет реформы наибольшую тревогу вызывал тот факт, что более трети крупных и средних государственных предприятий, несмотря на все усилия по их преобразованию, остаются убыточными. Особую тревогу у экспертов вызывало то обстоятельство, что после взятия в 1992 г. курса на ускорение развития и углубление реформы, доля убыточных предприятий в государственном секторе не только не сокращалась, но резко выростала и колебалась в 1994-1995 гг. в диапазоне 40-50%. В качестве аргумента о явной неэффективности и кризисе государственного сектора стал приводиться и тот факт, что в настоящее время 84% прироста промышленного производства обеспечивается негосударственными укладами.

Очевидно, что, пытаясь понять возникшую ситуацию, следует учитывать следующие обстоятельства:

- главной сферой деятельности крупных и средних государственных предприятий являются отрасли тяжелой, и в первую очередь добывающей промышленности, требующие самых крупных и самых долгосрочных вложений капитала;

- основные источники топлива, сырья, энергии, являющиеся исторически сложившимся объектом деятельности государственных предприятий, расположены в наименее развитых и наименее затронутых реформой внутренних районах Китая;

- подавляющее большинство крупных и средних государственных предприятий созданы давно и требуют технического переоснащения;

- индивидуальный, частный и иностранный капитал и по объективным, и по субъективным причинам меньше всего идет в отрасли, связанные с начальной стадией производства, концентрируясь в наиболее прибыльных перерабатывающих отраслях, в производствах, в значительной степени ориентированных на экспорт, в сфере услуг, коммерческой деятельности и т.п.;

- именно государственные предприятия несут основное бремя расходов на социальные нужды трудящихся;

- не в пользу государственного сектора действует и существующая политика ценообразования и целый ряд сопутствующих ей моментов.

Наконец, характеризуя в целом место и роль государственных предприятий в социально-экономическом развитии КНР и постоянно отмечаемую безуспешность попыток преодолеть неэффективность их деятельности, не следует забывать главное обстоятельство, а именно: и сегодня, несмотря на падение показателей рентабельности государственных предприятий, они обеспечивают более половины валового промышленного продукта и две трети доходов государственного бюджета страны.

Большинство из перечисленных обстоятельств, характеризующих невыгодность положения секторов начальной стадии производства в преобразуемой на рыночных началах экономике КНР, касается и причин "неэффективности" аграрного сектора.

Как бы то ни было, но сегодня задача превращения государственных предприятий в субъекты социалистической рыночной экономики не снимается. Идет поиск улучшения условий их деятельности. На протяжении всего 1995 г. проходили дискуссии, совещания, инспекционные проверки, поездки руководителей КПК (в частности Цзян Цзэминя) по стране с целью выяснения положения дел в государственном секторе.

В целом заметно смещение акцента с установок о необходимости углубления рыночного реформирования предприятий на достижение результатов за счет улучшения управления. Здесь также предлагается искать "золотую середину", избегая таких крайностей, когда или "реформой пытаются

ся подменить управление” или же “управлением заменить реформу”. В качестве объекта прямой опеки государства выделяется 1 тыс. крупных объектов стратегического значения, для остальных государственных предприятий предлагается вести дальнейший самостоятельный поиск. Причем при всем разбросе мнений относительно причин трудностей в преобразовании государственных предприятий ведущие ученые страны сходятся в том, что главное - необходимость реформы системы имущественных прав, их четкое разграничение, создание системы юридических лиц и охраны интересов государства, предприятия и личности.

В нынешних условиях, когда размеры кредитов государственным предприятиям составляют до 80% от стоимости их основных фондов, реализация на деле закона о банкротстве предприятий (если даже абстрагироваться от проблемы безработицы) нецелесообразна, так как ее результаты лишь дополнительным тяжким бременем лягут на кредиторов, на те же государственные банки. Надежды на очень медленное, но все же повышение жизнеспособности государственных предприятий, могут связываться лишь с реальной перестройкой инвестиционной и налоговой политики государства, с решительной ориентацией внутренних и иностранных капиталовложений в пользу секторов начальной стадии производства, а также предоставлением им дополнительных преференций в налоговой политике. То есть, получив огределенный “запас прочности” на основе достаточно гибкой смены приоритетов в пользу “облегчения” производственной структуры в предшествующие годы реформы, КНР объективно должна вернуться к исходной проблеме, являющейся постоянным источником дефицитности ее экономики, - к необходимости для огромной страны обеспечить самостоятельное и бесперебойное обеспечение народного хозяйства ресурсами.

Непременным условием проведения такой протекционистской политики, как и смягчения остроты таких наиболее болезненных противоречий, как растущая межрегиональная и имущественная дифференциация, противостояние центральных и местных властей, коррупционность аппарата является усиление (можно сказать, новое ужесточение) государственного макрорегулирования и макроконтроля за рыночными процессами.

Мнения о полном разрушении в современном Китае системы централизованного контроля за экономикой явно неадекватны существующему положению вещей. В приводимых в пользу этого аргументах, например, что в системе директивно устанавливаемых заданий осталось не более 7% показателей промышленного ассортимента, не учитывается их прежняя многочисленность, в результате чего даже оставшиеся 5-7% в состоянии включить весь набор наиболее значимой для развития страны продукции. То же можно сказать и о заметно сократившихся долях контролируемых государством инвестиций, цен и т.п., имея в виду сохранившуюся возможность для маневра в условиях сложного, но, если судить по результатам реформы, то пока и необходимого сосуществования прежнего и нового хозяйственного механизмов, существования, неизбежного для стратегии постепенных рыночных преобразований.

Главными объектами возможного ужесточения государственного контроля за социально-экономическими процессами в стране объективно, учитывая сложившуюся сегодня ситуацию, должны стать охрана государственного имущества и обуздание инвестиционного и налогового произвола местных властей. Однако это не будет “зажимом” реформы. Скорее это можно назвать продолжением реформы по уже испытанному за 17 лет китайским руководством сценарию - медленный и постепенный процесс рыночных преобразо-

ваний "с китайской спецификой", существо которых - создание регулируемой государством социально ориентированной рыночной экономики. Однако поскольку проблемы, к которым сегодня уже вплотную подошли в КНР, намного сложнее прежних, и, как говорят китайские ученые, уже не знаешь, где наступать те "камни", по которым можно переходить возникший поток рыночных преобразований, в ближайшей перспективе возможно замедление процесса "рыночнизации" при сохранении устойчивых темпов роста, ибо, как показала китайская практика, именно постепенность (а не обвальный характер) преобразований способствовали социально-экономическому прогрессу в стране.

Сегодня КНР стоит на пороге постдэнзовского развития. Китайское руководство умудрено и собственным, и международным (в первую очередь российским) опытом преобразований. Опыт прошедших 17 лет реформы в КНР вселяет веру в возможность разрешения Китаем предстоящих самых трудных преобразовательных задач.

По существу сегодня в КНР разработана серьезная программа социально-экономического развития страны в XXI веке, свидетельствующая о достаточно ясном видении китайским руководством фундаментальных проблем на ближайшее будущее. С направлением усилий на разрешение этих проблем, на недопущение хаоса как следствия быстрых преобразований связывается и сохранение социально-политической стабильности в обществе, и само существование и нынешних, и грядущих лидеров страны. Сегодня заявку на такое лидерство в коллективном руководстве, судя по материалам 5 пленума ЦК КПК 14-го созыва, сделал, на мой взгляд, Цзян Цзэминь.

В качестве содокладчика с сообщением "Китай устремляется в XXI век" выступил к.э.н. Г.А.Ганшин.

Главное значение пятого пленума ЦК КПК 14 созыва, по его оценке, состоит в том, что курс на создание "системы социалистической рыночной экономики", в своих основных положениях, остается неизменным и получит развитие в дальнейшем.

В опубликованных документах пленума с полным основанием делается вывод о том, что 8-й пятилетний план выполнен вполне успешно. Главный теоретический орган ЦК КПК журнал "Цюши" (№ 19) выразил это положение в несколько высокопарной форме - "Пять лет блистательного развития".

Действительно, для такого заключения есть немало оснований. Хотя материалы пленума крайне скудно снабжены статистическими данными, однако публикуемые в китайской прессе предварительные сведения об успехах хозяйственного развития в 1995 г. и в целом в 8-й пятилетке, достаточно красноречивы: в завершающемся пятилетии был достигнут рекордный за период реформ среднегодовой темп роста валового внутреннего продукта - 11,7%. Совокупный объем ВВП за 1991-1995 гг. достигнет примерно 18 трлн. юаней, что почти вдвое больше, чем в 7-й пятилетке.

Рост производства, намеченный 8-м пятилетним планом, выполнен практически по всем отраслям и видам производства. Инвестиции в основные фонды госсектора составили около 4 трлн. юаней при среднегодовом росте 17,9%. И хотя в Китае справедливо критикуется чрезмерное увлечение темпами капитального строительства, последнее позволило намного увеличить производственный потенциал страны: было сооружено около 700 крупных и средних объектов в промышленности, в отраслях инфраструктуры и т.д.

Успехи в росте общественного производства обусловили заметное улучшение в обеспечении населения страны продуктами питания, одеждой, жильем, предметами культурного обихода.

Обращает на себя внимание подлинный "прорыв" в дальнейшем расширении внешних экономических связей КНР. Внешнеторговый товарооборот превысил за пятилетку 1 трлн.долл., что в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке. При этом валютные резервы за этот период возросли в 6 раз, достигнув к концу 1995 г. 67 млрд.долл. В стране функционируют свыше 100 тыс. предприятий с участием иностранного капитала. Последний все глубже проникает в экономику КНР, реально содействуя росту его производственно-технического потенциала.

Далеко продвинулся Китай в годы 8-й пятилетки в осуществлении экономической реформы. Дальнейшие изменения произошли в системе отношений собственности: если еще в 1990 г. на долю государственного сектора приходилось около 55% промышленного производства, то сейчас - немногим более 40%. С 36 до 38% вырос удельный вес коллективных предприятий. Доля частнопредпринимательского сектора увеличилась с 4 до 10% валовой промышленной продукции. В еще большей степени разгосударствление экономики коснулось торговли, бытового обслуживания, общественного питания.

Вместе с тем в Китае считают, что система "рыночной экономики" находится еще в начальной стадии. Большую работу предстоит проделать по формированию полноценной нормативно-правовой базы (хотя уже приняты десятки законов "рыночного типа"). Далеко не завершена перестройка правительственного аппарата управления; недостаточно развернута кредитно-банковская система рыночной ориентации; по существу, только зарождается современная система рынка ценных бумаг. С большими опасениями приступили в КНР к акционированию государственных предприятий (может быть, они учитывают наш, российский опыт?).

Нелишне будет упомянуть еще об одной тенденции, связанной с формированием рынка. Примерно с 1994 г. в Китае усилилось внимание к вопросам социальной политики: более четкие формы стала приобретать система пенсионного обеспечения, совершенствуется трудовое законодательство. Наряду с этим появились симптомы того, что в процессе рыночных преобразований элементы коммерциализации все острее вторгаются в такие сферы общественного бытия, как жилищные условия, здравоохранение, образование, искусство. В общем, такие явления при переходе к рынку можно считать нормальным. Важно, однако, чтобы они не переходили рубеж, который позволяет сохранять на приемлемом уровне основные социальные завоевания.

Экономика КНР вступает в период 9-й пятилетки и последующего развития, имея в целом хорошие "заделы". Если не произойдет чего-либо экстраординарного, темпы роста в 8-9%, предлагаемые правительством, позволят Китаю совершить новый значительный шаг в развитии народного хозяйства, его модернизации. Реальным в этом случае окажется, как об этом говорилось на пленуме, и доведение душевого размера ВВП, вчетверо превышающего показатель 1980 г.

В то же время в экономике страны сохраняется целый "шлейф" трудностей, проблем, некоторые из которых переходят из пятилетки в пятилетку. Как же мыслится их разрешение, если судить по документам пленума? Знакомство с этим разделом вызывает, говоря откровенно, определенную неудовлетворенность. Все вроде бы правильно, все "на месте". Но почти все положения прописаны в слишком общей, "лозунговой" манере. Лишь в некоторых пунктах содержатся новые нотки. Так, в ряде мест подчеркивается необходимость "осуществления модернизации, опираясь на научно-технический прогресс", призывается уделять больше внимания профессиональному и общему

образованию. Здесь сказывается, очевидно, влияние важного всекитайского совещания по вопросам науки и техники, проведенного в Китае летом 1995 г.

Новые нюансы можно заметить в разделе о работе с иностранными инвестициями: делается больший акцент на качественном наполнении таких инвестиций, на необходимости более строгого их соответствия национальным интересам Китая и т.д.

Большая же часть положений повторяет то, что декларировалось многие годы назад (например о важности перехода от экстенсивного к интенсивному типу производства говорилось еще при принятии 7-го пятилетнего плана, однако сдвигов в этой части, насколько известно, практически нет). Такую же картину представляют многие другие тезисы: о необходимости повышения эффективности государственных предприятий, о создании фондового рынка, о структурной, региональной политике. Почти ничего нового не содержится в перечне мер по снижению уровня инфляции - одной из наиболее злободневных проблем КНР в последние годы. Словом, большинство из этих пунктов выглядят скорее как "заявления о намерениях" нежели как конкретная программа.

Между тем проблемы остаются, весьма серьезные, жизненно важные для Китая. Особого внимания заслуживает комплекс вопросов, связанных с сельским хозяйством, которое для Китая, страны с преобладающим сельским населением, являются, несомненно, ключевыми. Нельзя не отметить, что в течение последних 4-5 лет в развитии главной отрасли - зернового производства - практически нет продвижения вперед (размеры сбора держатся на уровне 440-450 млн.т); в то же время население страны ежегодно "прирастает" на 14-15 млн. человек.

Объективно первопричиной трудностей, переживаемых сельским хозяйством, является то, что Китай, имея гигантское население, обладает относительно ограниченными природными ресурсами. И среди естественных "дефицитов" на первом месте стоит пригодная для сельскохозяйственного использования земля. Именно с нехваткой пахотных угодий связаны прежде всего перманентные трудности, испытываемые страной в удовлетворении населения питанием.

Нужно заметить, что есть немало специалистов за рубежом, да и у нас в стране, считающих, что продовольственная проблема для Китая неразрешима, что она носит "тупиковый" характер. Остроту в эту тему совсем недавно привнесла дискуссия, возникшая "с легкой руки" американского профессора Л.Брауна, поставившего в своих публикациях вопрос так: к 2030 г. Китай не только не сможет обеспечивать зерном свое население (а оно, по расчетам профессора, к этому времени достигнет 1,6 млрд.человек), но и вынудит весь мир ломать голову над тем, как "накормить китайцев".

Большинство участников этой дискуссии, в которой свое мнение высказывали и китайские, и зарубежные специалисты, пришли к заключению, что опасения Л.Брауна безосновательны, что они построены на неверных расчетах. Как полагают, в частности, китайские ученые, есть реальные возможности для наращивания объемов сельскохозяйственного производства, улучшения его структуры, качества, продуктивности. Прежде всего это связывают с более активным использованием в Китае современных достижений агротехнической науки, с более широким и умелым применением химических удобрений, выведением элитных сортов семян и т.п. В последние годы появились надежды и на возможности в перспективе расширять пахотные угодия: согласно данным, полученным с помощью спутниковых фотосъемок, в Китае имеется примерно 30 млн. га земель, которые при условии вложения в их ос-

воение крупных средств могли бы дать серьезную прибавку к нынешнему пахотному клину. Все эти меры в комплексе позволили бы, по мнению некоторых китайских специалистов, получать к 2030 г. до 640 млн.т зерна. Пока же в материалах пленума подтверждается более скромная цель: довести к концу столетия сбор зерновых до 490-500 млн.т.

Нарастающая производство зерна, в Китае не отказываются и от его импорта в небольших (для этой страны) количествах, порядка 10-30 млн. т. По расчетам, вывозя 1 тонну риса, Китай может за вырученную валюту приобрести вдвое больше пшеницы, кукурузы (что, кстати, уже и делается). Все чаще в Пекине высказывается мнение, что проблему "накормить народ" не следует ограничивать количеством собранного зерна. Указывается, что сельское хозяйство должно иметь более диверсифицированный характер (хотя "зерновой мешок" остается заботой "номер один"). Предлагается уделять еще больше внимания росту производства мяса, продуктов водного промысла, овощей. Именно более широкое потребление таких продуктов питания рекомендуется на официальном уровне как оптимальный рацион для жителей Китая.

Для успешного решения продовольственной проблемы Китаю, однако, предстоит справиться еще с одной трудностью - водным дефицитом. Страна, регулярно несущая большие потери от избытка влаги (наводнения), испытывает в то же время хроническую нехватку пресной воды. Более 300 городов ощущают это постоянно; воды не хватает многим предприятиям. Но больше всего страдает сельское хозяйство. Гигантская ирригационная система, во многом устаревшая, испытывает трудности от неумелой, подчас, ее эксплуатации. В определенные периоды в водоемах, каналах, колодцах уровень воды резко падает, а некоторые из них вовсе пересыхают.

О "водном голоде", который может наступить в Китае в ближайшем будущем, ученые говорят почти как о неизбежном бедствии. Целые научные коллективы, большие партии гидрогеологов работают над решением проблемы воды. Всерьез рассматриваются варианты "переброски" части водных ресурсов с юга на север и северо-запад, в наибольшей степени страдающих от их недостатка. Вероятно, будут найдены пути сокращения расхода воды в действующей ирригационной системе (где пока немалая часть воды "уходит в песок"). Будут совершенствоваться методы учета и экономии расходования воды в промышленности и в коммунальном хозяйстве. Но пока все это в проектах, реализация которых потребует огромных расходов.

В последние 2-3 года в связи с фактической легализацией миграции части сельского населения в городах особенно актуальной стала проблема занятости; этот процесс имеет тенденцию к нарастанию, поскольку возможности использования "лишней" рабочей силы на селе, включая работу на сельских предприятиях, практически исчерпаны.

Идет активный поиск новых объектов применения свободных рабочих рук. Определенные возможности могут представлять крупномасштабные строительные проекты типа Санься, Пудун, освоение транскитайской железнодорожной магистрали, более широкое привлечение иностранных инвестиций в так называемые "слаборазвитые районы" страны.

Другое направление - дальнейшее расширение "третьей сферы" - торговли, службы быта и др. Уже сейчас достигнуты немалые успехи в увеличении доли этого сектора в народном хозяйстве - на них приходится более 33% валового продукта. При этом все разновидности "малого бизнеса", включая кустарное производство, строительные, ремонтные работы, имеют то пре-

имущество, что создание каждого рабочего места здесь примерно в 10 раз дешевле чем на крупных предприятиях.

Резервом решения проблемы занятости служит и направление на работу за границу. В страны Азии, Среднего Востока были направлены более 200 тыс. китайских рабочих. И это, вероятно, не предел. Возможно, приемлемым для России может стать достаточно широкое привлечение китайских рабочих на строительные и иные работы (в основном на контрактных условиях) на Дальнем Востоке и в Сибири. Потенциальные возможности имеются в совместном использовании водных ресурсов реки Амур. Непременным условием, разумеется, должна стать продуманная программа взаимовыгодного сотрудничества с китайскими организациями, строгий контроль за иммиграционными процессами.

Дальнейшее развитие экономики КНР во многом, говоря в целом, будет зависеть от внешних факторов. Имеется в виду и общеполитическая обстановка в мире, и ситуация в мировом хозяйстве, и отношения с отдельными странами. Решение многих проблем китайской экономики (ресурсных, демографических, производственно-технических, финансовых) все больше, прямо или косвенно, выходит за национальные границы. Процесс "интернационализации" экономики КНР станет, по всей вероятности, оказывать растущее влияние на развитие обстановки в самом Китае. Не случайно, конечно, на пленуме было подчеркнuto, что ускорение экономического развития и модернизация необходимы Китаю для того, чтобы противостоять "экономическому и научно-техническому нажиму со стороны развитых стран, ...политике гегемонизма и диктата" в международных отношениях.

В самой ближайшей перспективе (в 1997 г.) важное значение приобретет воссоединение с КНР Гонконга. Если политические, административно-правовые аспекты этой проблемы во многом будут решаться в соответствии с подписанными с Англией соглашениями, то будущее экономического слияния далеко не просто предсказать.

Этот крупнейший промышленно-торгово-финансовый анклав, войдя в состав Китая, может стать модным допинговым фактором для его народного хозяйства. Но нельзя исключать и того, что "сращивание" Гонконга с соседней провинцией Гуандун, представляющей собой один из наиболее "рыночных" хозяйственных комплексов страны, может не только привести к форсированному развитию этой провинции, но и к постепенному обособлению, выходу ее из общенационального экономического (а может быть, и политического?) пространства.

Вообще говоря, тема регионального сепаратизма пока не выглядит в Китае "проблемой дня". Тем не менее она не выходит, судя по всему, из поля зрения пекинского руководства. Об этом говорит, в частности, значительное место, отводимое в документах пленума вопросам выравнивания уровней экономического развития между вырвавшимися вперед восточными, приморскими районами и заметно отставшими от них провинциями в центре и на западе страны, населенных во многих случаях национальными меньшинствами (Тибет, Синьцзян, Внутренняя Монголия).

В материалах 5-го пленума немногословно, но четко подчеркнuto намерение придерживаться линии на усиление роли КПК, партийного руководства в экономическом строительстве. В то же время вопросы демократизации общества, серьезных перемен в государственном устройстве в этих материалах не затрагиваются. Зато в Китае повсюду рефреном звучат слова установки: "реформа - движущая сила, развитие - цель, а стабильность - гарантия". Очевидно, к такому выводу пришли в Пекине и на основе собственного

опыта и с учетом уроков, почерпнутых из практики социально-экономических преобразований в России. Новая, 9-я пятилетка должна будет показать, насколько в Китае будут способны преодолеть трудности в экономике и создать условия для реализации целей, выходящих за пределы нынешнего столетия.

Возвращаясь к вопросу о значении 5-го пленума ЦК КПК, представляется уместным отметить следующее. В последние годы повсюду идут дискуссии о проблемах мировой цивилизации, о судьбах социализма, о переносе центра мировой экономики с берегов Атлантики в район Тихого океана. Не исключено, что документы пленума ЦК, помимо всего прочего, должны были показать твердую решимость КНР закрепить за собой место одной из ведущих мировых держав, при этом, - как государства, исповедующего (хотя и со всей спецификой) социалистические принципы.

Аграрным проблемам были посвящены выступления к.э.н. Л.А.Волковой и к.э.н. И.Н.Коркунова* .

Зам.директора института, к.и.н. В.Я.Портяков отметил, что, судя по публикациям китайской печати после пленума, существенным аспектом его решений стал фактический пересмотр предварительных наметок развития Китая в девятой пятилетке в сторону их снижения, по крайней мере частично. Так, значительно снижены ориентиры на 2000 г. по производству стали на Уханьском металлургическом комбинате.

Смысл этой меры в том, чтобы уберечь экономику страны от очередной погони за темпами роста, создать условия для реального поворота к интенсивному типу расширенного воспроизводства. Ситуация с ресурсным обеспечением и потребностям облагораживания структуры экономики делают осуществление этого поворота абсолютно безотлагательным. Дальнейшее сохранение экстенсивно-экспансионистской модели развития с бесконечной инвестиционной и кредитной накачкой Китаю более не по силам.

В обсуждении также приняли участие заместитель академика-секретаря Отделения экономики РАН профессор В.Н.Кашин, д.э.н. И.Н.Наумов, к.э.н. Л.М.Гирич.

Подводя итоги обсуждения, М.Л.Титаренко отметил, что российским китаеоведам предстоит дать ответ на целый ряд вопросов, возникающих в связи с избранной Китаем стратегией развития. В частности, является ли стратегия развития Китая в общем и целом разновидностью догоняющей стратегии, в какой мере углубляющаяся "маркетизация" экономической жизни страны затрагивает духовную сферу, окажется ли Китай способным действительно противостоять сопутствующей развитию рынка "вестернизации", неизбежность которой ему подчас предрекают, наконец, какие уроки из китайской действительности могла бы извлечь Россия. В целом ученые Института должны сделать прогнозирование социально-экономического развития Китая и внешнеполитических последствий того или иного варианта эволюции китайского общества одной из центральных тем своей исследовательской работы.

* См. статью И.Н.Коркунова и Л.А.Волковой "Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку" в этом номере журнала.

Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку

© 1996

И. Коркунов, Л. Волкова

На пороге нового тысячелетия в Китае все большее беспокойство вызывает обострение продовольственной проблемы, состояние которой во многом определяет успех реформы, развитие народного хозяйства, стабильность общества, экономическую безопасность страны. Реформа в КНР началась с сельского хозяйства - самого массового сектора экономики, где кризис был особенно глубок и, вместе с тем, провести преобразования было легче. В начальный период реформы в деревне (1979-1984) производство продовольствия быстро возросло - с 305 до 407 млн.т, при этом урожайность с единицы площади увеличилась с 28 ц/га до 36 ц/га. Улучшение продовольственной ситуации явилось мощным генератором реформы, оказало огромное влияние на повышение темпов экономического развития.

Однако в последующие пять лет (1985-1989) производство основных продовольственных культур повышалось крайне медленно, а в 90-е годы оно даже несколько снизилось - с 446 млн.т в 1990 г. до 444 млн.т в 1994 г. Сократилось также производство и потребление продовольствия в расчете на душу населения, выявились трудности с заготовками зерна (к 1995 г. было заготовлено лишь 65 млн. т зерна - 72% от намеченной государством квоты). ухудшилось положение с кормами для животноводства. В дополнение к обострению продовольственной проблемы осложнилась ситуация со снабжением промышленности хлопком-волокном, сбор которого в 90-е годы упал с 4,5 млн.т в 1990 г. до 4,25 млн.т в 1994 г.

Отставание аграрного сектора происходит на фоне напряженной демографической ситуации. Население ежегодно увеличивается на 15 млн. человек и если в 1995 г. оно составляло 1,2 млрд., то к концу века возрастет до 1,3 млрд. человек. В результате обострения диспропорции между людскими и земельными ресурсами ("людей много, земли мало") потребовалось повышенное внимание к эффективности сельскохозяйственного производства, тем более, что руководители КНР указывают, что нехватка продовольствия сохранится до 2050 года.

Следствием стагнации производства продовольствия и быстрого роста населения явилось резкое повышение розничных цен. Так, только за один 1994 г. индекс рыночных цен на продовольствие повысился на 35%, возросли цены на рис - на 50, на овощи - на 35, на свинину - на 34, на муку - на 35%. В

Коркунов Игорь Николаевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Волкова Людмила Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН

1995 г. пришлось вернуться к карточной системе распределения продовольствия в крупных городах и ряде районов страны.

Обострение продовольственной ситуации вызвало серьезную обеспокоенность руководства КНР. В последнее время проведен ряд всекитайских совещаний по работе в деревне, на которых подчеркивалась крайне низкая рентабельность и даже убыточность зернового хозяйства, являющаяся результатом "ножниц цен", износа основных фондов, оборудования ирригационных систем, неразвитой инфраструктуры села, дефицита финансовых ресурсов, "тяжелого бремени" крестьян, когда дополнительные местные поборы, налоги и отчисления забирают свыше 8% их чистого дохода, не считая многих трудовых повинностей.

В качестве мер по повышению эффективности сельского хозяйства подчеркивалась необходимость увеличения инвестиций и усиление контроля за их размещением, разработки законов по ценообразованию и контроля за уровнем цен, создания резервных и страховых продовольственных фондов на случаи неурожая и стихийных бедствий. Эти фонды имеют трехступенчатую структуру: центральные, местные и создаваемые самими крестьянами. Они призваны оказывать стабилизирующее влияние на рынок зерна и смягчить негативные последствия от неурожая в тех или иных регионах. Считается, что фонд по стабилизации рынка зерна должен приближаться к 68 млн. т, т.е. к 15% валового сбора зерна, в этом случае он на 98% гарантирует стабильность розничных цен. С целью улучшения продовольственного обеспечения городского населения разработана и осуществляется программа, получившая название "овощная корзина".

Недооценка роли аграрного сектора в экономической стратегии находит свое отражение в широких масштабах отторжения пашни на несельскохозяйственные цели. С конца 80-х годов площадь обрабатываемых земель сократилась на 4,5 млн.га (до 95 млн.га). К 2000 г. общая площадь пахотных земель, по подсчетам китайских экономистов, сократится еще на 2 млн.га и составит 93 млн.га. Участились массовые явления ухода крестьян в город в поисках работы. По официальным данным, ныне таких кочующих по стране крестьян насчитывается около 100 млн.человек. По оценке, до 95% строительных рабочих в Шанхае - мигранты из деревни.

Проблемой, требующей своего решения, является также исчерпание возможностей семейного крестьянского подряда. Совокупность мелких, разбросанных, парцеллярных хозяйств, возникших на базе крупных производственных структур в ходе аграрной реформы мало восприимчива к внедрению достижений науки и техники, не имеет возможности увеличивать инвестиции, повышать эффективность производства, противостоять стихийным бедствиям. Поэтому "ключ" к повышению производительности труда в Китае видят в укрупнении крестьянских ("фермерских") хозяйств за счет сокращения излишней рабочей силы, численность которой оценивается в 130 млн.человек, ее перемещения в мелкую промышленность, строительство, транспорт, торговлю, сферу услуг. В стране все более приходят к выводу о том, что убыточность земледелия можно компенсировать путем перелива в эту отрасль капиталов из других сфер сельской экономики. В ходе комплексной реформы намечается быстрое развитие сельских предприятий, уже дающих 60% валового продукта деревни, создание агрогородков и агропромышленных корпораций с развитой инфраструктурой, занятых переработкой сельскохозяйственного сырья и производством промышленных товаров, в том числе и для мирового рынка. Определенные надежды на укрупнение крестьянских хозяйств связа-

ны с созданием в стране земельных рынков, на которых по аукционной системе происходит продажа права пользования мелкими крестьянскими наделами.

Основной движущей силой решения продовольственной проблемы в Китае считается переход к рыночным отношениям, либерализация сельской экономики. На всекитайских совещаниях, прошедших после пленума, особо подчеркивалась необходимость признания крестьянского хозяйства "самостоятельным объектом экономических интересов, которому государство не вправе диктовать объемы производства, цены, условия рынка".

В настоящее время деревня в основном уже перешла к рыночным закупкам сельскохозяйственной продукции, государство определяет цены только на 5,6% товаров по номенклатуре - на хлопок и некоторые другие культуры. В закупках продовольствия все активнее участвуют коммерческие фирмы, предлагающие крестьянам свои условия.

Однако уход государства в сторону от регулирования сельской экономики и предоставление большей свободы стихийному рынку выявил немало слабых мест в аграрной политике, в ее "чисто" рыночной ориентации. Одним из таких недостатков в Китае признают потерю управляемости общественным производством из-за ослабления роли центра, государства, приведшее к дезинтеграции, к резкому усилению местнических интересов. В Китае признают также психологическую неподготовленность крестьянства к включению в рыночные отношения.

В общем плане причину замедления темпов производства продовольствия китайские экономисты усматривают в исчерпании первоначального эффекта реформы, связанного с активизацией живого труда - фактора, который имеет свои пределы. В дальнейшем необходимо было поддержать этот фактор другими - инвестициями, внедрением достижений науки и техники, техническим перевооружением сельского хозяйства, созданием материальных и финансовых условий роста производства. Однако под влиянием эйфории от успехов реформы правительство сделало ставку на "саморазвитие" деревни. Поэтому даже в 90-е годы государственные капиталовложения направлялись главным образом на развитие энергетики, базовых отраслей промышленности, транспорта. В результате потребности поддержания и развития аграрной инфраструктуры в целом были проигнорированы¹.

Характерно, что, как считают в Китае, за последние десять лет 37% прироста потенциала сельского хозяйства получено за счет фактора капитала, 31% - за счет внедрения достижений научно-технического прогресса и только 32% - за счет фактора труда (рабочей силы). Очевидно, что именно недоиспользование первых двух факторов прежде всего находится в основе низкой эффективности аграрного сектора. Несмотря на официальное признание сельского хозяйства "основной экономики" доля бюджетных капиталовложений в деревне за последнее десятилетие продолжала снижаться: так, если в первой половине 80-х годов она составляла 6, во второй половине - 3%, то в 1993 г. - 2, а в 1994 г. - 1,9%. Капиталовложения в сельское хозяйство местных правительств сокращались еще более быстрыми темпами, чем государственные. В местных бюджетах эта доля снизилась с 30 в 80-е годы до 20% в начале 90-х годов. Вложения самих крестьян в основные средства производства, используемые в сельском хозяйстве, сократились с 30 в 1981-1984 гг. до 16% в 1993 г. Это намного меньше потребностей сельского хозяйства. Многие китайские экономисты считают, что на развитие аграрного сектора должно выделяться не менее 10% всех государственных инвестиций, как это было с 1953 по 1980 гг.

В планах девятой пятилетки (1996-2000) говорится о том, что государство по-прежнему будет выделять средства на реализацию наиболее крупных

проектов, главным образом ирригационного строительства, в том числе на реках Янцзы и Хуанхэ, а основной рост инвестиций придется на долю крестьянских, коллективных и местных правительственных вложений. Вместе с тем в Китае многие экономисты считают неоправданной ставку на коллективные и индивидуальные инвестиции в деревне вследствие низкого уровня доходов крестьян. В 1994 г. все накопления 900 млн. крестьян составили лишь 280 млрд. юаней (35 млрд. долларов). Из-за дороговизны химических удобрений и техники в ряде районов крестьяне отказывались от их применения, переходили на использование тяглового скота. С большой тревогой в Китае отмечают увеличивающееся неравенство в доходах сельского и городского населения, достигшее 2,5 раз. Низкий уровень доходов вызывает у крестьян недовольство политикой в деревне, отбивает у них охоту заниматься земледелием, увеличивать производство продовольствия.

Воздействие внешних факторов на продовольственную ситуацию в Китае относительно невелико. Импорт зерна (16 млн. т) составляет лишь 3,5% его производства в стране и направляется главным образом на снабжение населения крупных приморских городов. Следует учитывать также, что в 1994 г. производство продовольствия во всем мире сократилось на 1%, что сказалось на ценах мирового рынка. Предстоящее вступление Китая в ГАТТ в 1995 г., оценивается многими китайскими специалистами скорее негативно, чем позитивно. Отмечается, в частности, что более низкий уровень мировых цен на ряд товаров и возможный рост импорта сельхозпродукции "ударит" по производству продовольствия в КНР и приведет к дальнейшему снижению и без того низких доходов крестьян. Усиление децентрализации и стихийности внешней торговли может привести к противоречиям между регионами - экспортёрами сельхозпродукции, к возникновению больших колебаний между закупками продовольствия на мировой рынок и собственным производством. Возможно также усиление трудностей с экспортом продукции. Так, уже в 1991-1992 гг. экспорт соевых бобов упал с 1,1 млн. т до 660 тыс. т, свежемороженой свинины - со 120 тыс. т до 50 тыс. т, хлопка - с 200 тыс. т до 145 тыс. т.

Экология На продовольственную безопасность страны значительное влияние оказывает ухудшение экологической ситуации, в результате чего уже в ближайшее десятилетие сельское хозяйство ожидают новые серьезные трудности. Хроническое перенаселение, которое издавна являлось одной причиной экологического кризиса в Китае увеличивает антропогенную нагрузку на территорию и обостряет социальную напряженность. Экологическая среда и сельское хозяйство тесно взаимосвязаны. В последние годы во многих районах Китая усилились процессы заболачивания, засоления пахотных земель, нехватка водных ресурсов, загрязнение рек и озер, воздуха, все более частыми стали засухи и пыльные бури. Одной из наиболее тяжелых и болезненных проблем является засоление почв, являющееся результатом неправильных методов орошения и затопления земель во время стихийных бедствий. Если к концу 60-х годов в КНР было в разной степени засолено 6 млн. га обрабатываемых земель, то сегодня уже свыше 27 млн. га. Особенно сильно засолены Юго-Запад и Северо-Запад КНР.

Другой острой проблемой является кризис водных ресурсов. Каждый год нехватка влаги составляет до 100 млрд. куб. м и со временем она увеличивается. недостаток воды является причиной ежегодного недобора 50 млн. т зерна, затрудняет развитие животноводства. Обеспеченность Китая водой в расчете на одного человека составляет лишь четверть мировой. Использование для орошения всех сточных вод в весенне-летний период ведет не только к загрязнению почвы, но и сельхозпродуктов. Быстрое развитие мелкой про-

мышленности в годы реформы стало одной из главных причин экологического кризиса в сельских районах.

Улучшение производственных условий сельского хозяйства требует больших расходов со стороны государства. Только в годы седьмой пятилетки (1986-1990) они составили 50 млрд.юаней. В начале 90-х годов на реализацию программы улучшения экологической среды вокруг Пекина правительством было направлено 125 млн.долларов и столько же кредитов было выделено Всемирным банком на эти цели.

Китайское руководство, осознавая важность решения продовольственной проблемы для судеб страны, разработало комплекс мер, охватывающих области совершенствования организационно-хозяйственной и производственной структуры в деревне, комплексного освоения природных ресурсов, внедрения достижений научно-технического прогресса, решения социальных проблем. В "Программе развития сельского хозяйства Китая в 90-е годы" намечено к концу века довести сбор зерновых до 500 млн.т², хлопка - 5,25 млн., производство мяса и продуктов водного промысла - до 10 млн.т. Однако даже такое увеличение производства зерна на 50 млн.т по сравнению с началом 90-х годов обеспечит всего лишь сохранение его душевого производства на том же уровне (380 кг), т.е. удержание общества на имеющихся жизненных стандартах.

Из намеченного валового сбора зерна в 2000 г. на прямое продовольственное потребление пойдет 55%, что обеспечит душевое потребление лишь на уровне 213 кг (в 1986 г. - 253 кг, в 1993 г. - 232 кг), остальное - в основном фураж. В структуре расходования зерна доля фуражного зерна с 27% (1993) возрастет до 33%, что позволит добиться положительных сдвигов в структуре питания населения в сторону увеличения потребления мясных и молочных продуктов. Это в какой-то степени позволит компенсировать снижение прямого душевого потребления зерна.

По мнению китайских специалистов, добиться прироста урожая зерновых в 50 млн.т - задача нелегкая, но достижимая. Главным резервом увеличения производства зерновых является повышение урожайности. В течение 40 с лишним лет (1952-1994) благодаря комплексу агротехнических мер, в том числе повышению коэффициента повторности посевов, урожайность зерновых с 13 ц/га поднялась до 41 ц/га. В дальнейшем только за счет повышения коэффициента повторности посевов во второй половине 90-х годов со 155 до 160% можно обеспечить увеличение сбора зерновых примерно на 10 млн.т. Повышение продуктивности низко- и среднеурожайных земель, к которым по оценкам относится 65% пахотного клина страны, также таит немалые возможности увеличения объема производства зерна. Проведение таких капиталоёмких работ, как террасирование полей, их выравнивание, улучшение почвы и ирригационных систем, а также увеличение количества вносимых удобрений позволит обеспечить повышение урожайности примерно на 10 ц/га. К концу века намечено улучшить 20 млн.га земель, учитывая, что 80% из них будут заняты зерновыми, можно обеспечить прибавку урожая в 24 млн.т.

Внедрение достижений науки и техники в сельское хозяйство также придает большое значение. В настоящее время коэффициент отдачи от использования передовой агротехники составляет 30-40%, что существенно ниже передового мирового уровня, который составляет 60-80%. Более широкое использование улучшенных и элитных семян, комплексное внесение удобрений, использование парниковой пленки, борьба с болезнями и вредителями сельскохозяйственных культур также призваны повысить урожайность зерновых.

Сокращение потерь зерновых при уборке, транспортировке и хранении равносильно увеличению его производства. По оценкам, общие потери зерновых составляют 18% валового сбора, в том числе риса - 17,8, кукурузы - 16,4%. Снижение потерь только на пять процентных пунктов может сохранить 23 млн.т зерна.

Важным условием достижения цели роста производства продовольствия считается стабилизация и расширение посевных площадей под зерновыми. С этой целью принимаются меры главным образом экономического характера. Помимо регулярного повышения закупочных цен предусматривается в течение пяти лет освободить от уплаты налогов крестьян, осваивающих целинные земли. В настоящее время страна располагает 33,3 млн.га целинных земель, из которых 2 млн. га сравнительно легко могут быть освоены и использованы под пашню в течение ближайших пяти лет. Предположив, что примерно 75% этих земель будет использовано под зерновые (за вычетом потерь земли под строительство и проч.), можно рассчитывать на увеличение сбора зерна к концу века примерно на 1,25 млн.т.

“Программой развития сельского хозяйства Китая в 90-е годы” намечается, что большая часть провинций должна удовлетворять потребности в зерне за счет собственного производства. Провинциям, испытывающим недостаток зерна, следует самостоятельно закупать его в провинциях, имеющих его излишек. Продолжится курс на создание баз по производству товарного зерна в уездах, имеющих благоприятные для этого условия, при этом число уездов, располагающих такими базами, предполагается довести до 500, с тем чтобы они обеспечивали поступление половины общего объема товарного зерна в стране.

Предусмотрено также укрепление материальной базы для ускоренного развития зернового производства и сельского хозяйства в целом. Предполагается увеличить эффективно орошаемую площадь до 53,3 млн.га по сравнению с 47,4 млн.га в 1990 г., довести мощности по производству минеральных удобрений до 150 млн.т (в перерасчете на питательное вещество), производить 240-250 тыс.т инсектицидов, 80 тыс.т парниковой пленки, 200 тыс. крупных и средних тракторов, и 500 тыс. мелких и ручных, 10 тыс.комбайнов. К концу нынешнего века намечается осуществить лесопосадки на площади 7,18 млн.га в северных районах страны, 6,67 млн.га в среднем и нижней течиении р.Янцзы и 2,44 млн.га в приморских провинциях.

С целью упорядочения и стимулирования работы в области использования в сельском хозяйстве передовой агротехники в 1993 г. был принят “Закон КНР о внедрении агротехнических достижений”. Законом предусматривается механизм внедрения результатов научных исследований, указывается, что перечень работ по внедрению агротехнических достижений должен включаться в государственный и местные планы развития науки и техники. Государство берет на себя обязанность увеличивать капиталовложения на эти цели, а правительства всех ступеней в бюджетах должны выделять отдельной строкой средства на внедрение агротехнических достижений и обеспечивать их ежегодное увеличение.

Важнейшим условием осуществления всех вышеназванных мер по повышению уровня производства зерна до 500 млн.т к 2000 г. следует считать увеличение инвестиций в отрасль и превращение зернового производства в рентабельное, экономически выгодное для крестьян. Однако за последнее десятилетие прослеживается четкая тенденция снижения капиталовложений в сельское хозяйство как государственных и коллективных, так и вложений самих крестьян. Возможно положение с инвестициями в сельское хозяйство из-

менится в ближайшие годы. Уже на 1995 г. объем бюджетных ассигнований на нужды сельского хозяйства на всех уровнях намечен в размере 69 млрд. ю., (на 11% выше 1994 г.). Решено также выпустить государственный заем на цели развития сельского хозяйства на сумму 71 млрд. ю.

Для повышения заинтересованности крестьян в развитии производства зерна принимаются и другие меры экономического характера. В частности, практикуется установление гарантированных протекционистских цен при фьючерсных закупках зерновых и другой сельхозпродукции. Оживляется деятельность снабженческо-сбытовой кооперации в деревне, на которую в соответствии с "Решением ЦК КПК и Госсовета КНР об углублении реформы снабженческо-сбытовой кооперации" возлагается задача создания и совершенствования системы социального обслуживания крестьян - по удовлетворению их производственных потребностей и потребительских нужд, а также расширения связей крестьян с крупным рынком. В работе по закупке сельскохозяйственной продукции снабженческо-сбытовая кооперация намерена широко использовать систему договоров, практику совместного ведения дел и поручительскую систему. Совершенствование подрядной системы ведения хозяйства, в частности продление срока земельного подряда до 30 лет, также должно повысить заинтересованность крестьян в увеличении капиталовложений в зерновое хозяйство.

По оценкам китайских экономистов, доведение производства зерна к концу века до 500 млн. т при среднедушевом его производстве в 400 кг в год позволит говорить о достижении показателей "малого благосостояния", предусматривающих, в частности, повышение доходов крестьян до 1100 юаней в ценах 1990 г. (в 1993 г. этот уровень составил 765 юаней). Однако в случае недобора зерна порядка 10-20 млн. т при росте численности населения до 1,3 млрд. человек произойдет снижение душевого производства ниже уровня 80-90-х годов, что поставит под угрозу выполнение поставленных целей. Это, несомненно, может усилить социальную напряженность, хотя вряд ли приведет к социальному взрыву, поскольку снижение уровня потребления при этом не будет слишком ощутимым и всеохватывающим. Однако не следует и преуменьшать негативные социальные последствия возможного замедления роста производства зерновых в течение ближайших пяти лет, особенно учитывая растущие возможности средств массовой информации по пропаганде западного образа жизни и целей массового общества высокого уровня потребления. Для создания такого общества Китай не только в 2000 г., но и в более отдаленном будущем пока что не имеет возможностей, по крайней мере, для сколько-нибудь значительной части населения.

1. Во всех странах мира осуществляется поддержка сельского хозяйства. Так, сегодня в США в его развитие в расчете на единицу продукции вкладывается государственных средств на 30% больше чем в другие отрасли. Во Франции 2/3 бюджетных расходов идут на нужды села, в Англии субсидии селу оцениваются в 27%. В целом в развитых странах размеры государственной поддержки селу составляют 40-60% стоимости товарной продукции сельского хозяйства. Только в России они составляют 3,5% ("Проблемы АПК". - 1994. - № 4).
2. В докладе премьера Госсовета КНР Ли Пэна на V пленуме ЦК КПК 14 созыва о девятом пятилетнем плане социально-экономического развития страны поставлена задача довести сбор зерновых в 2000 г. до 490 млн. т и прилагать всемерные усилия для получения 500 млн. т зерна ("Жэньминь жибао", 06.10.1995)

Документы, архивы

“Новая демократия” и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949-1953 гг.)

© 1996

А. Меликсетов

Бурный экономический рост в КНР в 80-90-е гг. связан прежде всего с развитием рыночных отношений, с отказом от тотального государственного контроля за экономической жизнью общества, с активностью частного предпринимательства. Компартия Китая, провозгласив реализацию идеи “рыночного социализма”, сумела сохранить пока что свою политическую монополию и руководящую роль в китайском обществе. В этой связи закономерно, как мне представляется, возникает вопрос о времени и идейно-политических причинах отказа руководства КПК от естественного, рыночного экономического развития, в русле которого Китай продолжал находиться еще в конце 40-х и в начале 50-х гг.

Как хорошо известно, компартия Китая одержала свою историческую победу над Гоминьданом в 40-е годы во многом благодаря выдвиганию лозунгов “новой демократии”, в социально-экономической сфере подразумевавших развитие рыночных отношений, защиту частной собственности, передачу земли крестьянству в частную собственность, поддержку национального предпринимательства, взаимовыгодное сотрудничество труда и капитала. Под этими лозунгами КПК не только одержала военно-политическую победу, но и, реализуя эти лозунги в повседневной экономической политике, сумела в сравнительно краткие сроки - к 1953 г. - не только восстановить народное хозяйство, но и сделать важный шаг в его развитии. Казалось бы, китайские коммунисты нашли действительно свой, “китайский”, путь модернизации страны. Однако именно в 1953 г. происходит резкий поворот в экономической политике КПК. Достаточно неожиданно руководство КПК отказывается от политики “новой демократии” и переходит к реализации сталинской модели социально-экономического развития страны.

На мой взгляд, этот поворот произошел в результате острой идейно-политической борьбы внутри высшего руководства КПК между умеренными прагматиками и радикальными утопистами. И эта борьба шла прежде всего

вокруг толкования концепции “новой демократии” и ее реализации в повседневной работе КПК. Особое значение, конечно же, имела позиция автора этой концепции - Мао Цзэдуна. В 40-е годы могло показаться, что руководство КПК едино в своем подходе к этой проблеме. Действительно, кампания “исправления стиля работы” (“чжэнфэн”) в первой половине 40-х годов сделала “идеи Мао Цзэдуна” официальной идеологией КПК. На VII съезде КПК летом 1945 г. концепции “новой демократии” (с лозунгом “коалиционного правительства”) фактически было придано программное значение². Однако ко времени полной военно-политической победы, когда вполне естественно встал вопрос о социально-экономической ориентации нового режима, начали постепенно выявляться различия в интерпретации “новой демократии”.

Для Мао Цзэдуна, как это стало ясно через несколько лет, принятие концепции “новой демократии” носило тактический характер, она была лишь средством завоевания власти, а его подлинным социальным идеалом была по сути дела коммунистическая казарменная утопия, которая сложилась еще в долгие годы гражданской войны (“янъаньский синдром” и т.п.) и которую он стремился реализовать как можно быстрее. С другой стороны, многие руководители КПК (Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Цзыхуэй, Дэн Сяопин, Бо Ибо, в какой-то мере Чжоу Эньлай и некоторые другие) всерьез восприняли концепцию “новой демократии” как политическую стратегию, рассчитанную на обновление Китая в течение довольно длительного времени. Поэтому как только вопрос о власти оказался решенным в пользу КПК, проблемы путей и методов социально-экономического преобразования страны стали выходить на передний край идейно-политической борьбы.

Все это делало неизбежным столкновение этих двух подходов. Первая проба сил имела место на 2-м пленуме ЦК КПК седьмого созыва в марте 1949 г., на котором формулировалась политика КПК на новом историческом этапе - после победы над Гоминьданом³.

Архив Президента Российской Федерации сохранил запись интереснейшей беседы накануне пленума, 3 февраля 1949 г., в деревне Сибайпо⁴ между членом Политбюро ЦК КПСС А.И.Микояном и секретарем ЦК КПК, вторым человеком в иерархии КПК Лю Шаоци. Уже в конце беседы Лю Шаоци говорит о стремлении партийного руководства выработать правильную позицию по отношению к капитализму в Китае. Указав на наличие в партии “опасных тенденций”, Лю Шаоци дает следующее разъяснение: “Во-первых, в партии есть люди, которые считают, что надо всемерно развивать капитализм и опираться на него. По существу это означает уступку капиталистическим элементам, капитуляцию перед капитализмом. Эти люди хотят создать в Китае обычное буржуазное капиталистическое государство, т.е. восстановить полуфеодальные и буржуазные порядки. Во-вторых, в партии есть люди, которые склонны по-левацки, авантюристически поспешно строить социализм. Эта тенденция выражается в том, что кое-кто составляет необоснованные планы, не учитывавшие возможностей”⁵.

Накануне пленума такое высказывание было многозначительным. Мы, к сожалению, пока недостаточно знаем о характере дискуссии на 2-м пленуме ЦК КПК. Однако решения, принятые на пленуме, во многом раскрывают характер имевших место там политических споров. В решении пленума следующим образом определяются параметры возможного развития капитализма: “Существование и развитие капитализма в Китае, существование и развитие свободной конкуренции и свободной торговли не является таким же неограниченным и необузданным, как в капиталистических странах, но не является также таким же ограниченным и чрезвычайно сокращенным, как в но-

водемократических странах Восточной Европы, оно носит *китайскую форму*" (подчеркнуто мною. - А.М.)⁸. Очень важный для руководства КПК тезис о "среднем", "китайском пути развития" виден здесь отчетливо и естественно. Рожденный прежде всего усилиями Мао Цзэдуна, этот тезис теперь живет самостоятельной жизнью. Мао Цзэдун уже в это время был склонен отказаться от понятия "новодемократическая революция" применительно к развитию событий после военно-политических побед 1949 г.⁹, чтобы подхлестнуть революционный процесс и вывести его за, как ему кажется, ограниченные рамки "новой демократии". Большинство же его соратников пока склоняется по-прежнему к истолкованию революционного процесса как пока что не социалистического. Формулировка 2-го пленума носит в этом отношении явно компромиссный характер: пленум провозгласил достижение социалистического общества как конечную цель развития Китая, но одновременно очень осторожно сформулировал ближайшие социально-экономические задачи партии. Этот подход был зафиксирован в Общей программе НПКСК и в других документах, определявших развитие Китая в первые годы после образования КНР и базировавшийся на концепции "новой демократии".

Явно в "новодемократическом" духе был принятый правительством 28 июня 1950 г. "Закон о земельной реформе в КНР": земля передавалась в частную собственность крестьянства, сохранялось кулацкое хозяйство. Выступая на второй сессии всекитайского комитета НПКСК в июне 1950 г. при обсуждении проекта закона, Лю Шаоци сказал: "Принятая нами политика сохранения кулацких хозяйств является не временной политикой, а политикой, рассчитанной на длительный срок. Иными словами, хозяйства кулаков будут сохранены в течение всего периода новой демократии"⁸.

Реализованная в течение трех лет земельная реформа, базировавшаяся на этом радикальном законе, фактически означала революционный поворот в аграрных отношениях Китая, важнейший шаг в разрушении традиционной, "азиатской" социально-экономической системы. Земля перешла в частную крестьянскую собственность. Освобождение в этой связи крестьянства от уплаты арендной платы в размере примерно 35 млн. т зерна и умеренное поземельное налогообложение превращали крестьян в реальных частных собственников и товаропроизводителей, создавали предпосылки для существенного расширения внутреннего рынка.

В "новодемократическом" духе формулировалась и проводилась в жизнь и политика по отношению к частному капиталу. В этой связи советник Посольства СССР в Пекине С.Л.Тихвинский в своей аналитической записке, посвященной экономической политике КПК, писал: "В целях поощрения сотрудничества национальной буржуазии с правительством последнее на протяжении 1949 г. неоднократно практически действиями доказывало искренность политики поддержки национальной буржуазии в деле быстрейшего экономического возрождения страны"⁹. Эта "искренность" относилась и к позиции КПК в решении проблем взаимоотношения труда и капитала. "На протяжении 1949 г., - писал С.Л.Тихвинский, - КПК несколько раз выступала с дополнительными разъяснениями по вопросу взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, т.к. в ряде мест имелись попытки захвата рабочими частных предприятий, выдвижение непомерно высоких требований зарплат и т.д., в результате которых частные предприниматели предпочитали на время закрывать свои предприятия. В сентябре 1949 г. правительством были опубликованы "Временные правила взаимоотношений между трудом и капиталом", которые клали в основу этих взаимоотношений коллективные договоры между рабочими и предпринимателями"¹⁰.

Частный капитал на эту “искренность” ответил резким усилением своей предпринимательской деятельности; ростом оптового и розничного товарооборота, ростом производства на промышленных предприятиях, увеличением капиталовложений в народное хозяйство¹¹. В первые три года после образования КНР частный капитал и мелкие товаропроизводители в городе и деревне сыграли очень важную роль в восстановлении и развитии экономики страны, в насыщении рынка товарами, в создании новых рабочих мест.

Однако эта общая констатация, принимаемая почти всеми пишущими об этом периоде, не должна скрывать той острой борьбы, которая шла “под ковром” и которая во многом определяла повседневную линию социально-экономического поведения КПК и правительства по отношению к “частнику”. Успешное “рыночное” развитие Китая не могло не вызывать политического беспокойства у сторонников сталинской модели развития социализма в Китае и за рубежом.

Примечательна реакция “рыночников” в руководстве КПК на эту обеспокоенность. 27 января 1950 г. Лю Шаоци дал интервью корреспонденту московской “Правды” О.И.Чечеткиной, ясно сформулировав свою позицию по этому вопросу. “Чтобы ликвидировать кулачество, нарождающееся в Китае, - обращается Лю Шаоци к наиболее “беспокоящей” проблеме, - нужно не менее 20 лет. Если в Китае не будет нового кулака, то такое положение будет ненормальным и неправильным и если бы мы захотели избежать развития нового кулака, то совершили бы ошибку. Нам выгодно, если развиваются кулацкие хозяйства, вреда от того намного меньше, чем пользы. Кулацкие хозяйства дадут возможность поднять производительность труда и предоставят товары городу... Новое кулачество только еще нарождается и его нельзя ограничивать. Когда оно родится, то, быть может, мы будем его ограничивать налогами и созданием союза батраков. Однако эти две возможности нужно ждать еще несколько лет”¹².

Лю Шаоци четко определяет условия, необходимые для перехода от поддержки частного и рынка к их ограничению: “Когда страна станет индустриальной, нужно будет взяться за разрешение второго вопроса (первый - “борьба с империализмом” - А.М.) - борьбу с капитализмом, для победы над которым условия нам благоприятствуют”¹³.

Причем очень важно отметить, как мне представляется, что при обосновании этой “рыночной” линии Лю Шаоци во многом исходит из понимания крестьянской позиции по этому вопросу. В цитируемой беседе он, в частности, сказал: “Если дать приказ капитализму остановиться, то из этого ничего не выйдет. Наоборот, будет даже вредно, поскольку тогда миллионы крестьян пойдут против нашей власти”¹⁴. Такая “оглядка” на крестьянина была, вероятно, характерна и для некоторых других руководителей КПК. Так, советский посол В.В.Кузнецов в записи своей беседы с заместителем премьера Дун Биу (весной 1953 г.) отметил: “Остановившись на работе в деревне, Дун Биу сказал, что земля в Китае до сих пор не национализирована. Крестьянин ее может продавать, передавать и т.д. Это пока имеет свое положительное значение, ибо крестьянин чувствует, что он хозяин, имеет то, что он ждал все время и не мог добиться при гоминьдане”¹⁵. В целом же для позиции сторонников “новой демократии” была характерна историческая, стадийная оценка текущего момента и политики партии: “Мы ликвидируем феодализм в деревне, но не капитализм”¹⁶.

О значительном влиянии “рыночников” в руководстве КПК в первое время после образования КНР свидетельствуют впечатления видного деятеля Итальянской коммунистической партии Веллио Спано, совершившего длитель-

ную поездку по новому Китаю в конце 1949 г. В декабре 1949 г. В.Спано обратился к советскому поверенному в делах в Пекине П.А.Шибяеву. Причем он обратился с просьбой о конфиденциальной беседе с П.А.Шибяевым не как советским дипломатом, а как "членом ВКП(б)". "Товарищ Спано, - записывает П.А.Шибяев, - пытался указать Бо Ибо на опасность реставрации капитализма в городе и деревне, на недооценку рабочего класса и другие недостатки. Бо Ибо в ответ на это, несмотря на ссылки товарища Спано на установки, данные в свое время Лениным, заявил, что нет никакой опасности в том, что в деревне появился новый тип кулака", что "нельзя допускать никакой классовой борьбы на частных предприятиях в новом Китае, нужно дать свободу действий предпринимателю"¹⁷. С таким же увещанием обращался В.Спано и к министру труда Ли Лисаню. И с тем же "успехом". "Далее в беседе Спано заявил, что непонимание возможности быстрой реставрации капитализма и недооценка рабочего класса наблюдается со стороны большинства руководящих китайских работников, с которыми ему приходилось беседовать"¹⁸.

Судя по записи беседы, наш поверенный в делах не был впечатлен этим откровенным политическим доносом. В заключение П.А.Шибяев записал: "Я высказал свою личную точку зрения о том, что особой опасности в том, что Китай может идти по пути капитализма, я пока не вижу"¹⁹. Однако эта точка зрения не была только "личной". 26 августа 1950 г. советский посол Н.В.Рошин в своей записи беседы с Лю Шаоци отметил: "В заключение тов. Лю Шаоци заявил, что мы очень благодарны товарищу Сталину за то, что он нам своевременно указал на необходимость улучшения взаимоотношений с частным капиталом, как в городе, так и в деревне, по вопросу отношений к кулаку, о национализации частной собственности иностранцев и многим другим вопросам"²⁰. Позже в беседе с советским послом В.В.Кузнецовым "Лю Шаоци заявил, что в конце 1952 года товарищ Сталин в беседе с ним советовал не торопиться с кооперированием и коллективизацией сельского хозяйства, т.к. КНР находится в более благоприятных условиях, чем СССР в период коллективизации"²¹.

Очевидно, что такая политическая поддержка китайских "рыночников" Сталиным имела для них огромное значение, помогая создать прочный идеологический фундамент. Воздействовала сталинская позиция и на "антирыночников", вынужденных считаться с мнением "старшего брата". Отметим также, что на этих - умеренных - позициях стояла и наша пропаганда, разделялся этот подход и большинством советских обществоведов, китаеведов в частности²².

Теоретические и политические споры в руководстве КПК оказывали существенное воздействие на социально-экономическую политику КПК, делая ее не всегда последовательной. В наибольшей мере это сказывалось на политике КПК в деревне и на ее отношении к частному капиталу.

Для меня все еще остается большой загадкой как и почему Мао Цзэдун допустил принятие явно рыночного, буржуазного закона о земельной реформе и тем более его реализацию в начале 50-х гг. Но допустив это, он постоянно стремился направить развитие пореформенной деревни в "социалистическое", а по сути дела в традиционное, "азиатское" (т.е. такое, в котором "хозяином" деревни будет государство) русло, используя для этого как налоговую систему, так и принудительную коллективизацию деревни. Эти процессы весьма основательно описаны в нашей и зарубежной литературе и в рамках нашей темы не требуют дополнительного освещения. Сошлюсь лишь на один пример взаимоотношений двух тенденций в руководстве КПК. Весной 1951 г. некоторые провинциальные руководители выступили с идеей ускоре-

ния процесса кооперирования деревни, ликвидации частной собственности на землю. Лю Шаоци не ограничился критикой этих идей на совещании пропагандистов, но в июле 1951 г. подготовил и разослал от имени ЦК КПК документ, в котором эта провинциальная идея была названа “ошибочной, опасной, утопической идеей аграрного социализма”. Однако Мао Цзэдун взял под свою защиту местных активистов и дезавуировал в сентябре того же года документ, подготовленный Лю Шаоци²³.

Такое же столкновение мнений и противоречивость установок характерны для отношения руководства КПК к китайскому частному капиталу. С одной стороны, руководители КПК с удовлетворением отмечали, что китайская буржуазия приняла концепцию “новой демократии” и активно включилась в экономическую жизнь нового Китая, сыграв важную роль в восстановлении и развитии народного хозяйства. С другой стороны, складывается впечатление, что эти же руководители были обеспокоены возрастающей социально-экономической ролью частных предпринимателей. Так, явно под влиянием Мао Цзэдуна с конца 1951 г. было предпринято экономическое и политическое наступление на китайскую буржуазию в ходе кампаний “саньфань” и “уфань”. Если первая из этих кампаний была направлена прежде всего против попыток буржуазии утвердить свои позиции через подкуп работников госаппарата, то вторая кампания была направлена непосредственно против экономических позиций буржуазии. Победитель в этих кампаниях был известен заранее, но это была пиррова победа, ибо экономическому развитию страны был нанесен болезненный удар²⁴. В этой связи “рыночная” часть руководства КПК выступила в 1952 г. с инициативой поощрения национального капитала и стабилизации взаимоотношений государственного и частного предпринимательства. Реализация этой инициативы означала бы существенные перемены в правительственной политике по отношению к частному капиталу, который делался бы равноправным участником процесса экономического развития нового Китая (и тем самым эта политика стала бы принципиально отличаться и от советского НЭПа, предусматривавшего льготный режим для государственной собственности).

В декабре 1952 г. на заседании правительства под председательством Чжоу Эньлая был рассмотрен и одобрен подготовленный министром финансов Бо Ибо проект новой налоговой системы. Принципиальная новизна закона заключалась в единообразном налогообложении всех форм собственности. Таким образом государственные и кооперативные предприятия теряли свои налоговые льготы, а частнокапиталистический сектор получал благоприятные условия для конкуренции. При этом важно отметить, что этот проект закона, как впоследствии выяснилось, не был согласован с аппаратом ЦК КПК, с ним не был ознакомлен Мао Цзэдун. Вскоре 15 января 1953 г., Мао Цзэдун посылает разгневанное письмо руководителям правительства (Государственного административного совета) Чжоу Эньлаю, Чэнь Юню, Дэн Сяопину и Бо Ибо, не считая обоснованным стремление правительства создать условия для оживления частного предпринимательства²⁵. Ошибочный, с точки зрения Мао Цзэдуна, закон о налогах стал поводом проведения интенсивной идейно-политической кампании против “рыночников”, против всех несогласных с линией Мао Цзэдуна.

А линия эта претерпевала в первой половине 1953 г. значительные перемены, тайное становилось явным. И ускорителем этих перемен стала смерть в марте 1953 г. Сталина. Отношение Мао Цзэдуна к Сталину было двояким. С одной стороны, Мао Цзэдун почитал Сталина, даже, может быть, боялся его, во всяком случае с его мнением считался (а вообще-то он не счи-

тался ни с чьим мнением). С другой стороны, Мао Цзэдун видел в Сталине политического конкурента, ревниво относившегося к "успехам" китайской революции, мешавшего на определенных этапах ему, Мао Цзэдуну, форсировать революционный процесс. Смерть Сталина делала вакантным пост "вождя всего прогрессивного человечества". И Мао Цзэдун, не без оснований, претендовал на этот ставший вакантным пост.

Однако претензия эта, как полагал Мао Цзэдун, должна была быть подкреплена радикальными успехами китайской революции и не какой-то неопределенной "новодемократической", а "настоящей", социалистической. Под "успехами" социалистической революции Мао Цзэдун понимал прежде всего тотальное огосударствление частной собственности. Чтобы навязать руководству партии свое понимание текущих политических задач, Мао Цзэдун в первое половине 1953 г. развернул идеологическое наступление на своих идейных противников, которых по сегодняшним понятиям мы назвали бы "рыночниками".

Апогеем этой кампании стало Всекитайское совещание по вопросам финансово-экономической работы, проходившее с 13 июня по 12 августа. В совещании принимали участие практически все высшие руководители партии и государства, работа совещания носила закрытый характер. Формально совещание было посвящено обсуждению новой налоговой системы, но фактически на этом форуме китайского руководства обсуждалась общая политическая стратегия КПК, ее генеральная линия.

Руководил совещанием член Политбюро ЦК КПК Гао Ган, к тому времени уже перемещенный Мао Цзэдуну в Пекин и занимавший там пост председателя Госплана. При всей глубокой взаимной личной неприязни Гао Гана и Мао Цзэдуна, трагически сказавшейся на судьбе Гао Гана, идеологически они были очень близки. Гао Ган разделял левацкие, авантюристические взгляды Мао Цзэдуна, да к тому же очень не любил Лю Шаоци. В беседе с советским генконсулом в Шэньяне А.М.Ледовским Гао Ган прямо заявлял, что ошибочная, буржуазная линия Бо Ибо не только поддерживается Лю Шаоци, но и фактически от него исходит²⁶. При руководстве совещанием Гао Ган твердо вел линию на полную дискредитацию идейно-политической платформы Лю Шаоци и его сторонников.

Идеологическая тональность совещания была задана выступлением Мао Цзэдуна на заседании Политбюро ЦК КПК 15 июня 1953 г. В этом выступлении он обрушился на тех деятелей КПК, которые стремятся к "прочному установлению новодемократического общественного порядка". "Есть и такие, - говорил Мао Цзэдун о Лю Шаоци и его сторонниках²⁷, - которые после победы демократической революции топчутся на одном месте. Они не понимают, что характер революции изменился, и вместо социалистических преобразований продолжают заниматься своей "новой демократией". А это порождает правоуклонистские ошибки"²⁸. Особое раздражение у Мао Цзэдуна вызывало стремление этих деятелей "прочно охранять частную собственность"²⁹. Впервые Мао Цзэдун так прямо и четко отмежевался от концепции "новой демократии" и высказался за немедленный переход к социалистической революции.

На этом несколько необычном продолжительном совещании³⁰ были заслушаны доклады Гао Гана и Ли Фучуня о планах экономического строительства и доклад Ли Вэйхана о политике по отношению к частному предпринимательству. На совещании выступило также большинство высших руководителей партии и правительства. Лю Шаоци и Дэн Сяопин были вынуждены выступить с "самокритикой", дважды с "самокритикой" выступал Бо Ибо³¹. В

своих “Воспоминаниях” Бо Ибо пишет, что, по его мнению, истинным объектом разгромной критики со стороны Гао Гана был не он, Бо Ибо, а Лю Шаоци³². Особую роль в критике Бо Ибо играл Чжоу Эньлай. Явно склонный к принятию концепции “новой демократии”, он поддержал в 1952 г. политику своего министра финансов. Но, столкнувшись с резкой оппозицией Мао Цзэдуна, он отказался от своих воззрений на эту проблему, “сдал”, как теперь говорят, Бо Ибо, и, как всегда, постарался оказаться на стороне победителей.

Чжоу Эньлай сыграл двусмысленную и очень важную роль в проведении этого совещания. Ему Мао Цзэдун поручил в конце совещания подвести итоги дискуссии. Чжоу Эньлай признал свои “политические” и “организационные” ошибки, признал “отрыв от партийного руководства”³³. Позиция Бо Ибо была подвергнута им суровому и пространному осуждению. Он поставил в вину Бо Ибо то, что “в течение длительного периода времени он по настоящему не признавал своих ошибок, и эта его ошибка является крайне серьезной”³⁴. Возмущало Чжоу Эньлая и то, что Бо Ибо только “после всеобщей критики, подстегиваний и полученной помощи выступил с двумя самокритическими заявлениями”³⁵. Причина правого уклона у Бо Ибо, по Чжоу Эньлаю, “заключается в том, что он исходил не из марксизма-ленинизма, не из политики партии и интересов трудового народа, а из сознательного или несознательного отражения множества воззрений класса капиталистов, их настроений и привычек”³⁶. Чжоу Эньлай солидаризовался с обвинениями Бо Ибо в “буржуазном индивидуализме”, сделанными Гао Ганом и Жао Шуши, и упрекнул Бо Ибо в “неискренности по отношению к партии”³⁷.

На следующий день перед участниками совещания выступил Мао Цзэдун. Он назвал совещание “успешным”, похвалил заключительную речь Чжоу Эньлая, поддержав его критику “буржуазной линии”. Мао Цзэдун в этом и некоторых других выступлениях подчеркивал огромное политическое и идеологическое значение проделанной работы. Из его выступлений видно, что он рассматривал совещание как определенный поворотный пункт в развитии КПК и КНР, что он придавал налоговой проблеме во многом фатальное значение: “Дальнейшее проведение новой налоговой системы, идущей вразрез с марксизмом-ленинизмом, с генеральной линией партии в переходный период, неизбежно ведет к капитализму” (подчеркнуто мною. - А.М.)³⁸. Совещание, как теперь полагал Мао Цзэдун, помогло отвести эту угрозу от Китая, помогло освободиться от “новодемократических” иллюзий, открыло дорогу для социалистического развития страны. Позднее Мао Цзэдун отмечал также, что работа совещания стала важнейшим фактором утверждения новой генеральной линии, во многом формулировавшейся именно в это время³⁹.

Итоги совещания были важной идейно-политической победой Мао Цзэдуна, открывшей дорогу для реализации его “антирыночных” утопий. С кажущейся легкостью его идейные противники, пройдя ритуал “самокритики”, взялись за реализацию планов Мао Цзэдуна по ликвидации рыночных отношений, частной собственности, частного предпринимательства. Развертывалось социалистическое наступление на все несоциалистические формы хозяйства.

Первым объектом антирыночного наступления стало, естественно, сельское хозяйство - основа всей экономической системы страны. К 1953 г. ясно выявилась неспособность пореформенного сельского хозяйства обеспечить страну в достаточной мере продовольствием и сырьем. Основные причины этого были связаны прежде всего с низким уровнем развития производительных сил деревни, с малоземельем, с перенаселенностью, со слабым развитием сельской инфраструктуры, с неразвитостью рыночных отношений.

Социальные последствия аграрной реформы и прежде всего осереднячевание деревни обостряли этот кризис недопроизводства, так как они увеличивали крестьянское потребление и уменьшали товарность хозяйства⁴⁰.

Таким образом, успешное завершение аграрной реформы как бы элимировало социально-экономическую основу взаимоотношений крестьянства и новой власти⁴¹. Российский "нэповский" опыт был давно отвергнут⁴², а советский "новодемократический" был отвергнут только что. По сути дела выбора уже не было. Идеология диктовала политику. Такая политика стала жестко деформировать экономику.

16 октября 1953 г. ЦК КПК принимает решение о введении в стране хлебной монополии с 25 ноября. К этому времени эта новая система уже реализовывалась частично, в опытным порядке⁴³. Частным лицам было запрещено покупать и продавать зерно. В городах вводилась карточная система. На следующий год была введена государственная монополия на торговлю хлопком и хлопчатобумажными тканями, а также государственная монополия на растительное масло⁴⁴. Вскоре карточная система была распространена на все основные предметы потребления.

Осуществление принятых решений столкнулось, естественно, с большими трудностями, которые прогнозировались партийным руководством. "Принятые ЦК меры не означают, - говорил Лю Шаоци советскому послу В.В.Кузнецову 9 ноября 1953 г., - что крестьяне будут продавать государству хлеб добровольно. Необходимо предпринять шаги к обязательным заготовкам хлеба"⁴⁵. Ломая сопротивление крестьянства, мощная государственная машина сумела обеспечить существенно возросшие государственные заготовки зерна. В течение 1953-1955 гг. всего заготавливалось (налог+закупки при соотношении 2:3) соответственно 48, 53 и 50 млн. т зерна (для сравнения: в 1952 г. заготавливалось 33 млн. т⁴⁶), что означало изъятие у крестьянства в 1954 и 1955 гг. 31% валового производства зерновых⁴⁷. По подсчетам Л.А.Волковой, прибавочный продукт крестьянского хозяйства в эти годы едва ли превышал 10-15%, а товарность (по совпадающему мнению многих советских и китайских ученых) составляла 20-25%⁴⁸. Все это означало, что у крестьянства изымался весь прибавочный продукт и вся товарная часть продукции (включая и часть необходимого) и в результате этого, как отмечает Л.Д.Бони, "был, вероятно, нарушен физический уровень потребления китайского крестьянина, о чем свидетельствуют крестьянские волнения во многих районах страны"⁴⁹. Причем зерно закупалось, как правило, ниже себестоимости. Все монопольные закупки велись государством по таким ценам, которые не могли крестьянину позволить возместить стоимость производства, что, по сути дела, было дополнительным косвенным обложением деревни⁵⁰.

Осуществляя централизованные заготовки зерна и других продуктов, государство аккумулировало в своих руках значительную часть производимой китайской деревней продукции, что создавало видимость экономической силы правительства. Но это была именно видимость, ибо реальные возможности государства способствовать развитию производительности сельского хозяйства снижались. Дело, в частности, было и в том, что государство было вынуждено почти две трети⁵¹ заготовленного зерна направлять обратно в деревню - спасти от голодной смерти крестьянство наиболее бедных районов. Однако рост заготовок вел к снижению заинтересованности крестьянства в увеличении производства, а количество нуждавшихся в государственной помощи все время росло. Реализация этой политики загоняла руководство страны в порочный круг.

Политические решения Всекитайского финансово-экономического совещания и экономические мероприятия, обусловленные введением монополий, стали поворотным моментом в социально-экономическом развитии КНР. Китай, развивавшийся до этого в русле естественных, рыночных (хотя и ограниченных) процессов, повернул на путь командно-административного функционирования народного хозяйства и сделал это в исторически кратчайшие сроки. Прежде всего принципиальные перемены произошли в деревне. Если аграрная реформа, которую за ее радикальный характер слома старых аграрных отношений называют иногда подлинной революцией, направленной против традиционного, “азиатского” способа производства и угнетения крестьянства, то мероприятия правительства 1953-1954 гг. по монополизации рынка и резкому усилению обложения можно называть контрреволюцией, вернувшей китайскую деревню к ее дореформенному состоянию, ибо изъятие примерно 50 млн. т зерна у крестьянства означало возвращения прежнего уровня эксплуатации и в основном в тех же формах. Недавно ставшие частными собственниками всей “своей” земли крестьяне теперь превращались в фиктивных собственников, а фактически в бесправных арендаторов казенной земли. Складывалась социальная ситуация, характерная для начала каждого династийного цикла китайской истории.

Все последующие “исторические” свершения - тотальное кооперирование деревни, ликвидация частного предпринимательства, “большой скачок”, всеобщая коммунизация, экономические авантюры периода “культурной революции” - логически и исторически вытекали из политических решений 1953 г. Эта политика завела страну в социально-экономический тупик, поставила китайский народ на грань голода и хозяйственной катастрофы. Потребовалось долгих 25 лет, чтобы осознать гибельность этой антирыночной, антирыночной утопии и найти выход на путях нормального, естественного, рыночного экономического развития.

Опыт рыночного развития Китая в начале 50-х гг., как мне представляется, сыграл важную роль в крутой и весьма быстрой перемене социально-экономического курса руководства КПК на рубеже 70 и 80-х гг. К этому времени к руководству пришли именно те люди, которые достаточно долго были убежденными сторонниками “новой демократии” и рыночного экономического развития. В 1953 г. они подверглись со стороны Мао Цзэдуна суровой критике, а в годы “культурной революции” почти все были репрессированы как “идущие по капиталистическому пути”. Приход к руководству реабилитированных (и “дважды реабилитированного” Дэн Сяопина) на высшем и среднем уровне партийного и государственного аппарата создавал важные субъективные предпосылки для того, чтобы найти выход из тупика на путях рыночного развития. Представляется вполне естественным, что творцами китайского экономического чуда стали именно “каппутисты”.

Отдавая исторически должное “каппутистам”, вряд ли необходимо их идеализировать: они были не только жертвами тиранического маоистского режима, но и его создателями, они были очень близки Мао Цзэдуну духовно. Пытаясь понять причины быстрого политического поражения “рыночников”, в 1953 г. и “каппутистов” в годы “культурной революции”, надо принимать во внимание, как мне кажется, не только харизму Мао Цзэдуна, его политический цинизм, деспотические приемы руководства, но и эту духовную близость. И речь должна идти не только о близости их социально-утопических идеалов. При всей прагматичности “каппутистов”, “рыночников” они оставались этатистами, коллективистами, воспринимали поглощение понятия общество понятием государства как само собой разумеющееся явление. И этот

комплекс идей формировался не только и не столько под влиянием большевицкой политической традиции, а в основном, как мне кажется, под влиянием китайской политической культуры, китайской политической традиции, под влиянием культа китайского государства.

Потребовался жестокий опыт тотального огосударствленного хозяйства с его экономическими авантюрами (вроде "битвы за сталь"), с массовым голодом, с технологическим застоєм и т.п., чтобы реабилитированные "каппутисты" повернули руль китайской экономики в сторону рынка. И здесь опыт 50-х гг. оказался бесценным для выработки нового курса. Способствовал этому повороту и внешний фактор. Если в первой половине 50-х гг. нарастающая внешняя военная угроза, фактическая блокада, некоторые, экономические успехи послесталинского Советского Союза толкали Китай на путь огосударствления хозяйства, то внешние условия 80-х гг. с развитием многосторонних связей с капиталистическими странами, с огромными успехами на путях рыночной экономики "периферийного" Китая (Тайвань, Гонконг, Сингапур) толкали Китай в сторону рынка.

Исторические успехи китайских экономических реформ, казалось бы, должны были стимулировать рост интереса китайской историографии к событиям первой половины 50-х гг., к деятельности и взглядам "рыночников" того времени, к осмыслению связей опыта прошлого и настоящего в экономической перестройке Китая, к самой концепции "новой демократии". Однако этого не произошло. Ни официальная партийная историография ("Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории нашей партии со времени образования КНР" 1981 г.), ни профессиональные историки не пытаются пересмотреть оценку событий 1953 г., не ищут связей и сопоставлений борьбы тогдашних и теперешних "рыночников"⁵². В этом отношении характерна публикация мемуаров Бо Ибо - главной фигуры рассматривавшихся выше событий. Посвятив целый раздел работе финансово-экономического совещания, автор мемуаров стремится сгладить различия взглядов Мао Цзэдуна и Лю Шаоци на экономическое развитие страны, на пути развития Китая. Критический накал совещания автор связывает только со стремлением Гао Гана и Жао Шуши свести личные счеы с Лю Шаоци, а заодно и с Бо Ибо. Такая позиция автора мемуаров и историков связана, на мой взгляд, со стремлением руководства партии не подорвать идею революционной легитимности своей власти. Признание факта ошибочности социально-экономического курса, избранного в 1953 г., может, как это кажется партийному руководству, поставить под сомнение притязания этих социальных экспериментаторов на сохранение власти. Более того, признание исторической правомерности политики "новой демократии" означает и признание исторической правоты "трех народных принципов" Сунь Ятсена, суньятсенизма и, следовательно, исторической неоправданности, неправомочности длительной борьбы компартии Китая против Гоминьдана. Может быть, только будущие поколения китайских политиков и идеологов смогут сделать такое горькое признание.

1. В обстоятельном аналитическом обзоре современной китайской литературы, посвященной Мао Цзэдуну, Томас Шарпинг также отмечает "неожиданный отказ от новой демократии" со стороны Мао Цзэдуна (см.: *The China Quarterly*, № 137, March 1994, p. 179).
2. Я полностью согласен с мнением профессора Л.А.Березного, больше других сделавшего для изучения "новой демократии", что Мао Цзэдун был не единственным автором этой концепции: "Теория новой демократии традиционно связывают с именем Мао Цзэдуна, но это скорее плод коллективной мысли". ("Еще о теории новой

- демократии". - "Общество и государство в Китае", 21-я научная конференция. Тезисы докладов, ч. II, 205). Во всяком случае, отмечает профессор Л.А.Березный, еще до опубликования в конце 1939 - начале 1940 гг. известных статей Мао Цзэдуна, "некоторые идеи "новой демократии" нашли отражение как в документах правительства Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, так и в его практической деятельности". ("К истории разработки понятия "демократическая диктатура народа" применительно к Китаю". - Общество и государство в Китае. 19-я научная конференция. Тезисы докладов, ч. III, 92).
3. Пленум проходил с 5 по 13 марта 1949 г. в деревне Сибайпо (пров. Хэбэй), где после захвата гоминьдановскими войсками Яньани находились руководящие органы КПК. Китайская историография придает эпохальное значение работе этого пленума. Об этом хорошо пишет известный немецкий китаевед Р.Фельбер: "По нынешней трактовке, даваемой в КНР, генеральная линия была в основном выработана Мао Цзэдуном еще в его речи на 2-м пленарном заседании ЦК 7-го созыва, т.е. в марте 1949 г. Эта речь, между прочим, играет, по-видимому, важную роль в идеологической борьбе вокруг наследства Мао... Мао, как сейчас утверждают, доказал, что период перехода к социализму в Китае начался сразу с 1949 г. и что новая демократия мешает дальнейшему развитию страны." (Фельбер Р. О некоторых тенденциях в оценках новейшей китайской истории в КНР (с сентября 1976 г.) // Проблемы Китая: Материалы международной конференции по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г. - М., 1978. - Часть 1. - С. 213). О работе пленума см. подробнее: Меликсетов А.В. Победа китайской революции 1945-1949. - М., 1989 - С. 151-156.
 4. Член Политбюро ЦК КПСС А.И.Микоян встречался с руководителями КПК с 30 января по 7 февраля 1949 г. в Сибайпо. См. подробнее: Ледовский А. Секретная миссия А.И.Микояна в Китай. // Проблемы Дальнего Востока. - 1995. - №№ 2, 3.
 5. Запись беседы А.И.Микояна с Лю Шаоци 3 февраля 1949 г. Цит. по: Ледовский А.М. Секретная миссия А.И.Микояна в Китай. // Проблемы Дальнего Востока. - 1995. - № 3. - С. 103.
 6. Цит. по: Чжоу Эньлай. Выступление 11 августа 1949 г. на всекитайском финансово-экономическом совещании // АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - П. 374. - Д. 121. - Л. 9.
 7. Характерно, что в своем докладе на пленуме Мао Цзэдун почти полностью отказался от употребления понятия "новодемократическая революция", заменяя его понятием "народно-демократическая революция". С этого времени в выступлениях и статьях Мао Цзэдуна понятие "новая демократия" (во всяком случае в публикациях "Избранных произведений", т. 4) почти не встречается. Однако оно продолжает широко употребляться другими деятелями КПК, в частности Чжоу Эньлаем, который говорит о "новодемократическом государстве", "новодемократическом строительстве", "новодемократическом направлении в литературе и искусстве" и т.п. См. Чжоу Эньлай. Избранные произведения. - Пекин, 1981. - Т. 1. - С. 433, 437, 440 и др.
 8. Аграрные преобразования в народном Китае. - М., 1955. - С. 39.
 9. Справка советника посольства СССР в КНР С.Л.Тихвинского "Победа народной демократии в Китае и экономика страны в 1949 г." - АФП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 43. - Д. 132. - П. 313. - Л. 59.
 10. Там же. - Л. 31.
 11. См. подробнее: Ванин В.И. Государственный капитализм в КНР. - М., 1974.
 12. АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 43. - П. 302. - Л. 15-16.
 13. Там же. - Л. 21.
 14. Там же. - Л. 15.
 15. АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - П. 362. - Л. 58.
 16. Запись беседы консула СССР в Кантоне А.М.Малухина со вторым секретарем Южного бюро ЦК КПК т. Фан Фаном. - АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 44. - Порт. 15. - П. 322. - Л. 327.
 17. Запись беседы Поверенного в делах СССР в КНР П.А.Шибяева с членом ИКП Спано Велио 13 декабря 1949 г. - АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 43. - Порт. 10. - П. 302. - Л. 11.
 18. Там же. - Л. 12.
 19. Там же. - Л. 16.
 20. АПВ РФ. - Ф. 0100. - Оп. 43. - Порт. 10. - П. 302. - Л. 178. - Речь идет о встрече Лю Шаоци со Сталиным во время посещения Лю Шаоци Москвы летом 1949 г.

21. Из дневника посла СССР в КНР В.В.Кузнецова. Запись беседы с Лю Шаоци 9 ноября 1953 г. - АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - Л. 185. Встреча Лю Шаоци со Сталиным состоялась в октябре 1952 г. во время работы XIX съезда КПСС.
22. Эта проблематика активно обсуждалась тогда советскими обществоведами. Некогда-то итог этих дискуссий был сформулирован в очень интересной статье Г.Б.Эренбурга. "К вопросу о характере и особенностях народной демократии в Китае" // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. - М., 1952.
23. См. Мао Цзэдун. Избранные произведения. - Пекин, 1977. - Т. V. - С. 80.
24. " В конце прошлого года было решено ограничить и уменьшить частную торговлю, - говорил Лю Шаоци советскому послу В.В.Кузнецову 13 апреля 1953 г. - Но это привело к плохим результатам: ухудшилось снабжение населения, увеличилась безработица. Государство пока не в состоянии взять всю торговлю в свои руки, государственные магазины не научились еще торговать как следует. Были случаи, когда товары в государственных магазинах продавались по более высоким ценам, чем у частных. Пришлось несколько ослабить нажим на частных торговцев" (АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - П. 362. - Л. 57). См. также: Ванин В.И. Указ. соч.
25. Бо Ибо. Воспоминания о принятии важнейших решений и важнейших событиях. - Пекин, 1991. - Т. I. - С. 234-235 (на кит. яз.). См. также: Мао Цзэдун. Избранные произведения. - Пекин, 1977. - Т. V. - С. 117-118.
26. См.: Ледовский А.М. Дело Гао Гана - Жао Шуши. - М., 1990. - С. 99.
27. В опубликованном тексте выступления Мао Цзэдуна никакие имена не называются. Однако издатели снабдили публикуемый текст примечанием, в котором прямо указывается на Лю Шаоци и его сторонников (Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 105).
28. Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 105.
29. Там же. - С. 106.
30. Чжоу Эньлай в своем итоговом выступлении на совещании указал на длительность совещания как на один из его недостатков (АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - П. 374. - Д. 121. - Л. 8).
31. Бо Ибо. Указ. соч. - С. 242. См. также: Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 125.
32. Бо Ибо. Указ. соч. - С. 242.
33. АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - П. 374. - Д. 121. - Л. 12.
34. Там же.
35. Там же. - Л. 18.
36. Там же.
37. Там же. - Л. 19.
38. Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 118. В этом случае хотелось бы полностью согласиться с выводом Мао Цзэдуна!
39. "Не будь финансово-экономического совещания, состоявшегося в июле-августе, вопрос о генеральной линии для многих товарищей остался бы неразрешенным" (Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 160).
40. Лю Шаоци говорил советскому послу В.В.Кузнецову 9 ноября 1953 г., "что, если крестьяне будут достаточно хорошо питаться, то производимого в стране зерна хватит лишь на их потребление, а город останется без хлеба... При существующем положении мы еще не в состоянии позволить крестьянам питаться так, как они хотят" (АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - П. 362. - Лл. 184-185).
41. Эта новизна ситуации отмечалась руководителями КПК, хотя в пропаганде этой проблематики старались избегать. Несколько позже, в октябре 1945 г. на VI пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун говорил: "Сейчас крестьян не удовлетворяет тот союз, который мы установили с ним раньше на базе аграрной революции. Полученные в тот раз выгоды они в какой-то мере начали забывать. Теперь им нужно дать новые выгоды - социализм". (Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 249-260).
42. В выступлениях и статьях Мао Цзэдуна этого времени мы не найдем ссылок на опыт российского НЭПа. Этот опыт им полностью игнорировался, ибо не соответствовал его представлениям о путях модернизации Китая. Более того, судя по его полемике с Дэн Цзэхуэем, оппоненты Мао Цзэдуна пытались ссылаться на опыт НЭПа, но получили отпор (см. Мао Цзэдун. Указ. соч. - С. 264-265).

43. Еще до официального введения хлебной монополии власти в 1953 г. лишили частного права пользоваться железнодорожным транспортом для перевозки хлеба (см.: АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - П. 362. - Л. 176).
44. Начальник департамента планирования Военно-административного комитета Восточного Китая Ло Гэнмо сообщил 5 января 1951 г. советскому генконсулу в Шанхае П.П.Владимирову, что 4 января в Шанхае были введены централизованные закупки государством всей продукции частных прядильных и ткацких фабрик. При этом “Ло подчеркнул, что вышесказанное является весьма большим секретом” (АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 44. - Порт. 15. - П. 322. - Лл. 146-147).
45. АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - Л. 177.
46. Там же. - Л. 178.
47. См.: Бони Л.Д. Механизм изъятия товарного зерна в КНР (50-е годы) // Китай: государство и общество. - М., 1977. - С. 277, 287.
48. См.: Волкова Л.А. Изменение социально-экономической структуры китайской деревни 1949-1970. - М., 1972. - С. 31, 12.
49. Бони Л.Д. Указ. соч. - С. 288.
50. См.: Волкова Л.А. Указ. соч. - С. 33-34.
51. АВП РФ. - Ф. 0100. - Оп. 46. - Д. 12. - Л. 175.
52. К счастью, бывают и исключения. К ним можно отнести статью Ван Япяо в журнале Сямыньского университета. Автор подчеркивает переломный характер событий 1953 г. и считает, что “левацкий” курс в развитии КНР берет начало именно в 1953 г. - с отказа от концепции “новой демократии”. В этих вопросах автор очень смело ставит под сомнение официозную историографию (Ван Япяо. К вопросу о характере китайского общества в начальный период после освобождения // Сямынь дасюэ сюэбао. - Сямынь, 1981. - № 2).

Царская Россия и Западная Монголия в 1912-1915 гг.

© 1996

Е.Бслов

Западная Монголия в самом начале XX в. состояла из огромного Кобдоского округа, граничившего на западе с Тарбагатайским краем Синьцзяна, а на востоке с Халхой (Северной Монголией). На большом участке он также граничил с Россией. В 1907 г. цинское правительство разделило его на два округа: Кобдоский и Алтайский с центром в г.Шарасумэ. В 1912 г. Кобдоский округ присоединился к Халхе, провозгласившей в конце 1911 г. независимость от Китая. Алтайский округ остался в пределах Китая, и с 1914 г. превратился в составную часть Синьцзяна.

После того как в декабре 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Монголии, Россия резко активизировала свою политику в ее северной и западной частях. Исходя из государственных интересов своей страны, царское правительство стремилось из Северной и Западной Монголии создать буферное государство, официально входящее в состав Китая. Не признавая независимость Внешней Монголии (Халха и Кобдоский округ), оно в то же время оказывало ей большую политическую, военную и финансовую помощь.

Советские монголоеды уделили большое внимание изучению политики России в Халхе, однако Алтайский округ остался совершенно вне их поля зрения. Что касается Кобдоского округа, то в работах советских историков лишь упоминается о взятии монгольскими войсками в августе 1912 г. г.Кобдо и присоединении Кобдоского округа к Халхе. Историки КНР, опубликовавшие в 60-80-х годах целый ряд работ по истории агрессии русского царизма в Китае, не обошли своим вниманием политику царской России в Алтайском и Кобдоском округах. Они считали, что Россия стремилась захватить Алтайский округ¹, что г.Кобдо был взят летом 1912 г. русскими "совместно с марионеточными войсками Внешней Монголии"² и что вообще "независимость Внешней Монголии была целиком и полностью сотворена империалистами царской России"³. Таким образом, китайские историки не признают каких-либо самостоятельных действий монголов в исторических событиях, происшедших в 1911-1915 гг. на огромных просторах Центральной Азии. Однако в действительности все было намного сложнее. Монголы имели свою собствен-

Бслов Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

ную политику, которая не была осуществлена до конца главным образом из-за их слабости. Конечно, Россия не только помогала монголам, но и оказывала на них большое давление, преследуя свои цели в данном регионе. Рассмотрим на основе неопубликованных русских архивных документов политику России в Кобдоском и Алтайском округах.

Кобдоский округ

29 декабря 1911 г. халхаские ханы, князья и высшие ламы избрали великим монгольским ханом главу монгольской ламаистской церкви Джебцун-Дамбу-хутухту. Из Урги во все монгольские земли Китая были посланы гонцы с письмами-обращениями, в которых монголы призывались объединиться и присоединиться к независимой Халхе, стать подданными ургинского богдохана. Довольно быстро откликнулись монголы области Барги в Маньчжурии и некоторые князья Внутренней (Восточной и Южной) Монголии. Однако со стороны монголов Кобдоского и Алтайского округов откликов не последовало.

Юань Шикай, став в феврале 1912 г. временным президентом Китайской Республики, не признал независимость Халхи. Но он, по-видимому, понимал, что трудно будет ее вернуть под власть Китая. Поэтому он предпринимал некоторые меры к тому, чтобы власть Урги не распространилась на другие части Монголии. В мае 1912 г. им был внесен в парламент законопроект о создании новой административной единицы - "Западной Монголии", в которую вошли бы не только Кобдоский и Алтайский округа, но и Урянхайский край (Тува), Алашань, Кукунор и земли энцингольских торгоутов⁴. В июне пекинское правительство приняло решение усилить дополнительным количеством войск гарнизон в г.Кобдо⁵. 3 июля долго проживавший в Пекине крупный халхаский князь Наянху президентским декретом назначался и.о. улясутайского цзянцзюня (военного губернатора). Он должен был прибыть в г.Улясутай с военным отрядом⁶.

В Урге были встревожены этими мерами Пекина. Правительство хутухты решило направить отряд войск в Улясутай для укрепления его обороны и приступить к подготовке взятия Кобдо, откуда китайские войска могли угрожать Улясутаю⁷. Первоначально намечался такой план: из Урги под Кобдо будет послан отряд солдат в 70 человек, туда же должны прибыть и монгольские добровольцы, на вербованные в кобдоских хошунах. Однако посланный для вербовки добровольцев Дамдин-Сурун (заместитель министра иностранных дел Ургинского правительства) на вербовал только 80 человек. Во второй половине июля отряд войск из Урги и 80 добровольцев подошли к Кобдо и остановились в 30 километрах от города. Посланные к кобдоскому амбаню на переговоры торгоут Тумурджаба и ургинский чиновник Лхакба были казнены китайцами⁸. Переговоры управляющего российским консульством в Кобдо М.Кузминского с амбанем Пу Жунем на предмет мирной сдачи им власти монголам не принесли результата.

Получив эти недобрые известия, монгольское правительство снова рассматривает вопрос о взятии Кобдо. Оно решает послать под Кобдо 300 солдат, в том числе сотню, обученную русскими военными инструкторами. Заместитель министра иностранных дел России А.А.Нератов дает указание посланнику в Пекине В.Н.Крупенскому во что бы то ни стало воспрепятствовать приезду Наянху в Улясутай (там находились 72 русских казака с двумя офицерами)⁹.

В начале августа к Кобдо подошел отряд ургинских войск. Подошли и местные добровольцы, а также отряд танну-урянхайцев (тувинцев)¹⁰. Началась осада города. В это время ряд хошунных князей Кобдоского округа по-

слал делегации в Ургу с письмами к богдо-хану о присоединении их кошунов к Халхе¹¹. В ночь на 20 августа Кобдо был взят. Взятием Кобдо руководили Б.Х.Максаржав - впоследствии видный военный деятель независимой Монголии в 20-х годах, кукунорский олет Джалама (Дамби-Джамцан-лама)¹², Дамдин-Сурун, здесь же находился крупный деятель монгольского освободительного движения князь Хайсан.

Взяв город, монгольские войска разрушили его до основания, перебили сотни китайских солдат и мирных жителей¹³. Оставшиеся в живых китайцы бежали в российское консульство, где и нашли защиту от монголов. Они были отправлены под охраной русского конвоя через Сибирь в Китай - всего 699 человек, из них 27 чиновников, 239 торговцев, 223 рабочих и 210 военнослужащих. 2 и 3 сентября они выступили из Кобдо и 25 сентября достигли границы в Кошагаче¹⁴.

Как видим, тезис историков КНР о том, что Кобдо был взят русскими совместно с монголами, неверен. Город был взят монгольскими войсками, русских войск там не было.

По приказу из Пекина на Кобдо двигалась группа китайских войск из Синьцзяна. В середине сентября она находилась в 80 километрах от Кобдо. М.Кузминский написал письмо командиру отряда китайских войск, посоветовал ему избежать кровопролития, отказаться от наступления на Кобдо. Китайцы приняли совет российского консульского работника и стали отходить в сторону Алтайского округа¹⁵. Однако центральное китайское правительство считало, что Кобдо нужно отвоевать. Оно приказало военному губернатору Синьцзяна Ян Цзэнсиню направить новые группы войск в Алтайский и Кобдоский округа, что и было сделано. На оборону Кобдо Халха двинула еще отряд в 300 человек. Царские власти перебросили туда из Улясутая взвод казаков под командой подъяесаула Харанова¹⁶.

Стратегическая линия царского правительства в отношении Кобдоского и Алтайского округов заключалась в том, чтобы эти округа освободились от китайской власти и присоединились к Халхе. В июле 1912 г. министр иностранных дел России С.Д.Сазонов поставил перед царским правительством вопрос о необходимости заключения с Халхой русско-монгольского соглашения (было подписано в Урге 3 ноября 1912 г.). В своем письме Председателю Совета министров В.Н.Коковцову он, излагая содержание этого будущего соглашения, очертил и те территории, которые должны войти в состав Халхи. Министр предлагал территории Внутренней Монголии, области Барга в Маньчжурии и Урянхайского края вывести за пределы Халхи, но включить в ее границы Западную Монголию - Кобдоский и Алтайский округа. Присоединение Кобдо-Алтайского края к Халхе, писал Сазонов, "соответствовало бы нашим интересам", ибо "в географическом, экономическом и этнографическом отношении он составляет естественное продолжение Халхи" и примыкает к нашей границе, "представляя удобный заслон, от Китая"¹⁷.

Царское правительство делало немало для того, чтобы Кобдоский округ остался в составе Халхи. Царская дипломатия настойчиво требовала от китайского правительства не посылать войска в этот округ. Пекин принял это требование¹⁸. Тем не менее войска из Синьцзяна шли в Алтайский округ и главная их группировка в количестве 2 тысяч человек сосредоточилась в конце 1912 г. в районе урочища Цаган-Тункэ - важном стратегическом пункте на границе Кобдоского и Алтайского округов, откуда вели тракты на Улясутай и Кобдо¹⁹.

Сосредоточение китайских войск в Цаган-Тункэ и Алтайском округе царское правительство расценило как военную угрозу для Кобдо и Улясутая. Ургинское правительство в декабре 1912 г. и январе 1913 г. неоднократно ста-

вило перед Петербургом вопрос о вводе русских войск в Халху и Кобдоский округ. Оно было напугано народным движением в Китае в конце 1912 г., в ходе которого выдвигались призывы к китайскому правительству послать войска в Халху и даже начать войну с Россией из-за Внешней Монголии²⁰. 25 февраля 1913 г. состоялось Особое совещание Совета министров России, на котором было рассмотрено положение в Западной Монголии и принят ряд решений военного характера: 1) находящийся в Урге и Улясугае казачий полк с четырьмя пулеметами и двумя орудиями перевести в Кобдо; 2) подготовить для выдвижения из Омского военного округа в Кобдо, с открытием навигации на Оби, отряд из двух батальонов, 8 горных орудий, полуроты саперов и полусотни казаков, а из г.Зайсан ввести в Шарасумэ две роты с двумя пулеметами и две сотни казаков; 3) ко дню вступления казачьего полка из Урги в Кобдо ввести в Ургу из Иркутского военного округа один батальон с двумя орудиями и четырьмя пулеметами²¹.

Ввод русских войск во Внешнюю Монголию, безусловно, укрепил ее положение в борьбе с Китаем. Без поддержки России, в том числе военной, Внешняя Монголия не устояла бы перед натиском Китая. Однако ситуация в Кобдоском округе оставалась очень сложной. Китай пока не отказывался от военных методов решения монгольского вопроса, в округ засылались китайские пропагандисты, призывавшие местных князей, чиновников и население отказаться от независимости и вернуться под власть Пекина. Власть в Кобдоском округе довольно быстро попала в руки волевого и жестокого авантюриста Джаламы. Он подчинил своей воле Максаржава и других командиров монгольских войск²². Постепенно под его влияние и контроль попали гурэбнатор округа Изорикту-хан Агван-цэрин и многие местные князья и ламы. Этот авантюрист присвоил себе титул ноин-хутухта, который давал ему право на светскую и духовную власть над населением Кобдоского округа. В 1913 г. он основал свою ставку в урочище Шаджин-Бадарху (Мунджик) в 110 километрах от Кобдо. Туда перенесли свои резиденции дурбетский хан Далай и губернатор округа Цзорикту-хан, туда же Джалама заставил перевести и монастыри из ряда хошунов²³. Джалма фактически вышел из подчинения Урги. В апреле 1913г. он послал правителю Алтайского округа князю Палте письмо с предложением объединить оба округа и другие территории монголов и создать независимое от Урги государство ойратов (западных монголов). Палта отклонил это предложение²⁴.

Население округа попало под жестокий гнет Джаламы и подчиненных ему князей, лам и чиновников. Особенно жестоко от Джаламы страдали казахи, жившие в округе. По его, видимо, указаниям чиновники лишали казахов хороших пастбищ, вытесняли их в места, где не хватало кормов для скота, а то и просто отбирали у них скот и имущество²⁵. Доведенные до отчаяния казахи числом около 4 тыс. человек, перебив несколько десятков монгольских чиновников, в сентябре 1913 г. бежали к русской границе и перешли ее в районе урочища Кошагач. Начальнику отряда русских войск в Кошагаче казахские беженцы передали прошение на имя царя Николая II о желании их перейти в русское подданство и нести все государственные повинности, включая военную службу²⁶.

Царское правительство было против переселения казахов в пределы России, но не отказывало им во временном убежище на своей территории, с тем чтобы "убедить их вернуться в Монголию". Управляющий российским консульством в Кобдо В.Ф.Люба (он сменил М.Кузминского, который уехал в Шарасумэ на должность управляющего там консульством) предупредил местные монгольские власти, чтобы кобдоские войска, посланные в погоню за бе-

жавшими казахами, не переходили русскую границу. Он также предложил ургинскому правительству выделить казахам, которые вернутся в Монголию, хорошие пастбища²⁷.

Ургинское правительство требовало от России возвращения бежавших казахов по той причине, что они в 1912 г. приняли подданство Халхи. Б.Х.Максаржав вел переговоры по этому вопросу в Кошагаче. Однако казахи отказались возвращаться в Монголию. Они постепенно расселялись на землях Семипалатинской области и Томской губернии, а часть их переселилась в китайский Алтайский округ²⁸.

Простые монголы, некоторые князья и ламы были недовольны угнетением и деспотизмом со стороны Джаламы. В декабре 1913 г. - январе 1914 г. в Ургу - монгольскому правительству и российскому генконсулу А.Миллеру - посылались письма и телеграммы из Кобдоского округа с жалобами на Джаламу, на его самоуправство, беззаконие, жестокость. Шли телеграммы от кобдоских монголов и в Петербург. Так, в телеграмме министру иностранных дел С.Д.Сазонову они сообщали, что появившийся "в нашем районе Джалама" бесчинствует, "беспощадно истребляет" казахов, а нас, монголов, "казнит и забивает плетью". Они просили русское правительство защитить их "от тирана"²⁹. Джалама перестал выполнять и просьбы командования русского отряда, находившегося в Кобдо, отказываясь предоставлять ему транспорт для перевозки провианта и других целей.

15 января 1914 г. управляющий Первым департаментом МИД России Г.А.Козаков дал указание А.Миллеру предложить монгольскому правительству отозвать Джаламу в Ургу. Если же нельзя вызвать "этого авантюриста" в Ургу, сообщал Козаков, то, может быть, надо арестовать и выслать его в Россию³⁰. Джалама отказался ехать в Ургу. Тогда С.Д.Сазонов дал указание В.Ф.Люба арестовать Джаламу и доставить его в Томск. 21 февраля Джалама был арестован. После ареста было описано его домашнее имущество. Только шелковые одежды и меха, серебряные изделия и драгоценные камни были оценены на сумму около 240 тыс. рублей³¹.

Царское правительство выступало за единство Внешней Монголии, поэтому и приняло решительные меры против раскольника Джаламы, выдававшего себя за русского подданного. Во всеподданнейшем докладе царю от 2 марта 1914 г. Сазонов писал, что Джалама "стал именовать себя малым богодо, явно претендуя на равное с ургинским хутухтой достоинство и замышляя обрывать в Западной Монголии независимое от Урги государство"³².

Арест Джаламы и пребывание русского отряда в Кобдо способствовали созданию относительно спокойной обстановки в округе. Но активная агитация там китайских эmissаров против ургинского правительства продолжалась.

Тройственная русско-китайско-монгольская конференция в Кяхте в 1915 г. решила (временно) монгольский вопрос. По Кяхтинскому соглашению Халха и Кобдоский округ составили одну административную единицу - Внешнюю Монголию, которая получила широчайшую автономию в составе Китая. В 1921 г. с помощью советской России Внешняя Монголия превратилась в самостоятельное независимое государство.

Алтайский округ

В этом округе основное население составляли монголы-торгоугы (три хошуна), монголы-урянхайцы (семь хошунов) и двенадцать казахских родов, в том числе большой род так называемых киреевских казахов, перекочевавших в конце XIX в. из пределов России и принявших китайское подданство³³.

Проживали там также китайцы (ханьцы), уйгуры и другие национальности. В апреле 1912 г. Юань Шикай назначил правителем этого округа монгола, тарбагатайского князя Палту³⁴.

Как уже говорилось выше, Кобдоский округ был освобожден от китайской власти летом 1912 г. Ургинский хутухта, поблагодарив царское правительство за помощь - дипломатическую и оружием - при взятии г.Кобдо монгольскими войсками, выразил также надежду, что Россия поможет Урге занять и Алтайский округ³⁵. С.Д.Сазонов 14 ноября 1912 г. телеграфировал своему посланнику в пекину В.Н.Крупенскому: "Алтайский округ было бы также желательно соединить с Халхой, но мы предвидим к тому большие трудности"³⁶.

Действительно, на пути присоединения Алтайского округа к Халхе встали большие преграды. В октябре 1912 г. в Шарасумэ и другие пункты Алтайского округа прибыли дунганские войска из Илийского (Кульджинского) края численностью в 1200 человек с артиллерией³⁷. В Цаган-Тункэ была сосредоточена еще более крупная группировка китайских войск. Казахи, составлявшие довольно значительную часть населения Алтайского округа, в общем-то не желали быть под властью Урги и Кобдо. Дело в том, что, по словам российского консула в Шарасумэ М.Кузминского, "законными собственниками" земель, которые в округе занимали казахи, являлись монголы³⁸. Казахи боялись, что с распространением власти ургинского правительства на Алтайский округ они могут быть либо изгнаны оттуда, либо их политическое и экономическое положение еще более ухудшится. А положение их действительно было плохое.

На содержание большого количества китайских войск в округе требовалось немало денег, продовольствия, провианта и транспорта. Палта и его китайский чиновничий аппарат значительно увеличили налоговое бремя. Материальное положение населения, в том числе и казахов, резко ухудшилось. В этих трудных условиях алтайские казахи искали выход. Казахи-киреевцы, численностью более 3 тыс. семей, осенью 1913 г. откочевали с Алтая в Синьцзян³⁹. Большинство же алтайских казахов хотело связать свою судьбу с Россией. Ряд казахских угурдаев (родовых старшин) вынашивало идею "создать автономное княжество киргизских"⁴⁰ родов под покровительством России для окончательного слияния в будущем с Российской Империей". Другие казахские угурдаи надеялись, что русский царь даст им "временный приют" в России, а затем "по окончании смуты" вернет их на свои кочевья на Алтае и включит их земли в состав России⁴¹. Тысячи казахов в сентябре-октябре 1913 г. ушли в пределы Семипалатинской области⁴². Царские власти проявляли гуманность: силой не выдворяли переселенцев обратно в китайский Алтай, предоставляли им места для проживания и кочевков.

Весной и летом 1913 г. монгольские войска пытались взять Цаган-Тункэ, но были отбиты китайскими войсками⁴³. В самом Алтайском округе напряженную обстановку создавали дунганские войска. Они враждебно относились к русским подданным, грозили их вырезать⁴⁴. У русских купцов они вымогали взятки, отбирали товары. Один дунганский солдат пытался убить российского консула М.Кузминского. С.Д.Сазонов потребовал через В.Н.Крупенского от китайского правительства роспуска или вывода из Алтайского округа дунганских войск, предупреждая, что в противном случае Россия примет по своему усмотрению меры для обеспечения безопасности своего консула и русских подданных⁴⁵. В июне М.Кузминский заявил князю Палте, что Россия введет в Алтайский округ военный отряд в 500 человек⁴⁶. Китайское министерство иностранных дел в связи с этим заявило протест Российской

миссии в Пекине, но по указанию Сазонова Крупенский оставил его без ответа⁴⁷. В сентябре 1913 г. русский отряд под командованием полковника Сергеева был введен в Шарасумэ⁴⁸. Перед приходом русского отряда дунганские войска покинули Алтайский округ и вернулись в Илийский край⁴⁹. Однако на их место шли войска из Синьцзяна, посылаемые военным губернатором этой провинции Ян Цзэнсином.

Летом 1913 г. царская дипломатия полностью убедилась в том, что у ургинского правительства нет никаких шансов на присоединение Алтайского округа. Встал вопрос о прекращении военных действий между монгольскими и китайскими войсками на границе Алтайского и Кобдоского округов. Палта также считал, что военные действия в районе Алтая надо прекратить. Он стал добиваться от Пекина разрешения на ведение мирных переговоров с монголами. 29 июля 1913 г. китайский МИД направил В.Н.Крупенскому памятную записку, в которой просил предписать российскому консулу в Шарасумэ выработать вместе с Палтой "условия взаимного перемирия" на границе округов впредь до окончательного решения Китаем и Россией монгольского вопроса⁵⁰. Крупенский по согласованию с Петербургом ответил положительно на эту китайскую памятную записку⁵¹.

Переговоры о перемирии вели в Шарасумэ Кузминский и Палта без участия представителей монголов. Царское правительство, идя навстречу пожеланиям Халхи, поставило вопрос перед Пекином об уходе китайских войск из Цаган-Тункэ. Китайское правительство сначала не соглашалось на передачу кобдоским монголам этого стратегического пункта, но в конце концов под давлением царской дипломатии оно вынуждено было отступить. 21 декабря 1913 г. Кузминский и Палта подписали сроком на восемь месяцев "Прелиминарный договор о демаркационной линии между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов", согласно которому китайские войска в течение трех месяцев должны были покинуть Цаган-Тункэ⁵².

Ургинское правительство было недовольно подписанием этого договора, оно было не прочь возобновить военные действия против Алтайского округа. Однако С.Д.Сазонов дал указание российскому генконсулу в Урге А.Миллеру предостеречь монгольских министров от "всех авантур в районе Цаган-Тункэ, которым мы не можем ни сочувствовать, ни помогать"⁵³.

К концу 1913 г. у Палты резко обострились отношения с губернатором Синьцзяна Ян Цзэнсином. Последний превращался в местного диктатора, который решил полностью подчинить своей власти и Алтайский округ. Он обвинил Палту в русофильской политике, продаже русским земельного участка на Черном Иртыше и предоставлении России права плавания по этой реке за полтора миллиона рублей⁵⁴. Палта попросил у Юань Шикая отпуск "по болезни". В конце января 1914 г. он через Россию выехал в Китай⁵⁵. Управляющим Алтайским округом Ян Цзэнсинь назначил своего чиновника Лю Чанбина, а командующим алтайскими войсками - верного ему генерала Ян Сюня. Если Палта непосредственно подчинялся Пекину, хотя и испытывал большое давление со стороны Урумчи, то Лю Чанбин и Ян Сюнь теперь подчинялись непосредственно Ян Цзэнсию. С этого времени Алтайский округ стал частью Синьцзяна и остается таковой до настоящего времени, входя в Синьцзян-Уйгурский Автономный район.

В период правления Палты позиции России в Алтайском округе значительно укрепились. М.Кузминский добился того, чтобы торговлей, разведкой полезных ископаемых и их добычей в округе занимались из иностранцев только русские подданные. Лю Чанбин пытался ограничить влияние России в Алтайском округе, ставил вопрос о выводе из него царских войск, добивался

от пекинского правительства, чтобы оно разрешило заниматься торгово-промышленной деятельностью в округе не только русским, но и подданным других иностранных держав⁵⁶

Но из этого ничего не вышло. Кузминский в Шарасумэ, а Крупенский в Пекине упорно отстаивали перед китайскими властями экономические привилегии, полученные Россией фактически явочным порядком в Алтайском округе.

Противоречия между китайскими властями и царской дипломатией вызывались и переходом русских крестьян на жительство в Алтайский округ. Это были в основном старообрядцы. Они группами переходили границу, поселялись на пустопорожних землях или арендовали участки земли у алтайских казахов. Случаев прямого захвата пахотных земель не было⁵⁷. Русские переселенцы жили поселками, занимались главным образом хлебопашеством. Китайские власти были недовольны переселением русских крестьян в Алтайский округ и колонизацией его пограничной полосы с Россией. Крупенский отказался вести переговоры по этому вопросу с китайским правительством. Он считал, что этот вопрос надо решать на месте, добиваться там "фактического осуществления нашими крестьянами аренды и запашек земель"⁵⁸. Однако Лю Чанбин отклонял все попытки консула Кузминского урегулировать вопрос о русских переселенцах каким-либо соглашением, ибо считал, что русские крестьяне должны покинуть Алтайский округ и уйти в пределы России. Отсутствие договорной основы о статусе русских поселенцев в китайском Алтае приводило к тому, что между местными жителями и русскими крестьянами возникали конфликты, иногда перераставшие в драки с гибелью людей. Такой конфликт произошел в мае 1915 г. в поселке Чонкур, в котором были убиты три китайца и ранено несколько русских⁵⁹. Кузминский считал, что Лю Чанбин подстрекал коренных жителей Алтайского округа выступать против русских поселенцев⁶⁰.

Царская дипломатия повела атаки на Лю Чанбина. Сазонов 24 мая 1915 г. телеграфировал Крупенскому в Пекин: заявите китайскому правительству, что ныне же, еще до расследования инцидента в Чанкуре. "мы считаем нужным предупредить его о необходимости сменить Алтайского правителя Лю Чан-бина, явно враждебного русским и выдать вознаграждение пострадавшим русским подданным"⁶¹. Китайское правительство после долгих колебаний уступило давлению русской дипломатии. Лю Чанбин был уволен с поста Алтайского правителя и заменен чиновником Чэн Кэ, который, по словам Кузминского, был "человеком вполне к России расположенным"⁶².

Итак, царская Россия не вынашивала замыслов захватить Алтайский округ, однако она там в 1912-1915 гг. приобрела большое политическое влияние и получила большие экономические привилегии. Этот округ превратился в самую зависимую от царской России часть Синьцзяна, являвшегося ее сферой влияния. Такое положение сохранилось до Октябрьской революции 1917 г.

1. Ша Э циньлюэ Сибэй бяньцзянши (История агрессии царской России в Северо-Западных районах Китая). - Пекин, 1979. - С. 369.
2. Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь (Очерки истории агрессии царской России против Китая). - Чанчунь, 1982. - С. 394.
3. Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России против Китая). - Шанхай, 1986. - С. 438.
4. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). - Ф. Китайский стол. - Д. 136. - Л. 176-177 (донесение российского посланника в Пекин В.Н.Крупенского министру иностранных дел С.Д.Сазонову 11 мая 1912 г.).
5. Центральный Государственный военно-исторический архив - далее ЦГВИА. - Ф. 20000. - Д. 4256. - Л. 57.

6. АВПРИ. - Ф. Канцелярия министра. - Д. 105. - Л. 266 (секретная телеграмма Крупенского Сазонову 3 июля 1912 г.).
7. Там же. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 315. - Л. 21 (секретная телеграмма российского генконсула в Урге В.Ф.Люба Сазонову 22 июня 1912 г.).
8. Там же. - Л. 26 (донесение Люба Крупенскому 25 июля 1912 г.).
9. Там же. - Л. 31 (телеграмма А.А.Нератова Крупенскому 19 августа 1912 г.).
10. Там же. - Ф. Канцелярия министра. - Д. 197. - Л. 24.
11. Сведения о государствах Дальнего Востока. - Иркутск, 1912. - N 8. - С. 3.
12. Джалама выдавал себя за астраханского калмыка, а также за потомка и хубилгана (перерожденца) Амурсаны - известного руководителя антиманьчжурского освободительного движения в Джунгарии в 1755-1758 гг. Отличался храбростью и необычайной жестокостью.
13. Там же. - Л. 21 (секретная телеграмма Управляющего консульством в Кобдо В.Ф.Люба в МИД России 21 апреля 1913 г.). В Кобдо монголы уничтожили и две лавки русских купцов, за что в последствии ургинское правительство выплатило им 30 тыс. рублей.
14. Там же. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 315. - Л. 140 (копия рапорта военного агента (атташе) в Китае полковника Вальтера в Главное Управление Генерального штаба. Рапорт получен в Петербурге 9 ноября 1912 г.).
15. Там же. - Л. 141.
16. Там же. - Д. 351. - Л. 54 (копия рапорта полковника Вальтера... 30 ноября 1912 г.).
17. Российский Государственный исторический архив в С.-Петербурге (далее - РГИА). - Ф. 560. - Д. 442. - Л. 62.
18. АВПРИ. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 351. - Л. 52 (копия рапорта полковника Вальтера... 30 ноября 1912 г.).
19. АВПРИ. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 976. - Л. 81.
20. Подробнее об этом движении см.: Е.А.Белов. Реакция в Китае на русско-монгольское соглашение 1912 г. // Проблемы Дальнего Востока. - 1994. - № 4.
21. ЦГВИА. - Ф. 2000. - Д. 3611. - Л. 164.
22. Секретарь российского консульства в Кобдо К.Раздольский 24 января 1913 г. доносил в Петербург, что начальником монгольских войск "во всех отношениях является лама Дамдин Джамца", Максаржав "никакой заметной роли не играет, будучи покорным орудием в руках последнего" (КАВПР. - Ф.Китайский стол. - Д. 1006. - Л. 2).
23. АВПР. - Ф. Китайский стол. - Д. 637. - Л. 10-13, 27-28.
24. Там же. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 233. - Л. 154 (секретная телеграмма В.Ф.Люба в МИД России 5 апреля 1913 г.).
25. Там же. - Д. 306. - Л. 135 (секретная телеграмма Люба в МИД России 8 июля 1913 г.).
26. Там же. - Ф. Канцелярия министра. - Д. 197. - Л. 41 (секретная телеграмма Люба в МИД России 10 октября 1913 г.).
27. Там же. - Л. 48.
28. Там же. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 377. - Л. 64 (копия секретной телеграммы Люба в МИД России 10 октября 1913 Г.).
29. Там же. - Ф.Китайский стол. - Д. 637. - Л. 10-13.
30. Там же. - Л. 9.
31. Там же. - Л. 38. О невероятной жестокости Джаламы свидетельствовал найденный в его доме при аресте скальп казаха.
32. Там же. - Л. 40.
33. Новое время. - 1914. - 18 апреля.
34. Палта получил военное образование в Японии, имел генеральское звание, долгое время жил в Пекине, женат был на китаянке.
35. РГИА. - Ф. 560. - Д. 442. - Л. 227 (секретная телеграмма Люба Сазонову 3 сентября 1912 г.).
36. Там же. - Д. 445. - Л. 6.
37. АВПРИ. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 351. - Л. 56 (копия рапорта полковника Вальтера... 30 ноября 1912 г.).

38. Там же. - Д. 377. - Л. 5 (копия секретного письма Кузминского Семипалатинскому губернатору 26 сентября 1913 г.).
39. Там же. - Л. 17.
40. В русской литературе того периода казахи назывались киргизами, поэтому во всех царских правительственных и дипломатических документах употреблялось название "киргизы", а не "казахи".
41. АВПРИ. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 976. - Л. 39, 41-42 (секретная докладная записка Кузминского Крупенскому 10 мая 1913 г.).
42. Там же. - Д. 377. - Л. 16.
43. В.Ф.Люба в одном из своих донесений в Петербург давал следующую характеристику коблоским войскам: монгольское войско находится "в плачевном состоянии", у большинства солдат кремневые ружья, "войско представляет сброд необученных урянхайцев, коблосцев и захачинцев". "Цаган-Тункэ им вряд ли взять" (там же. - Ф.Канцелярия министра. - Д. 197. - Л. 61).
44. Там же. - Д. 197. - Л. 236.
45. Там же. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 976. - Л. 50.
46. Там же. - Л. 52.
47. Там же. - Л. 52.
48. Там же. - Ф. Канцелярия министра. - Д. 197. - Л. 44. На начало 1914 г. русский отряд в Алтайском округе состоял из двух батальонов пехоты, двух сотен казаков, 4-х орудий и 4-х пулеметов (ЦГВИА. - Ф. 2000. - Д. 4260. - Л. 263). Отряд был выведен из Алтайского округа в пределы России в 1917 г. после Февральской революции. В Шарасумэ остался усиленный консульский конвой.
49. АВПРИ. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 976. - Л. 127.
50. Там же. - Л. 79.
51. Там же. - Л. 78 (Памятная записка Крупенского МИД Китая 30 сентября 1913 г.). Некоторые историки КНР в 60-80-х годах бездоказательно писали о том, будто Палта вел переговоры с М.Кузминским о прекращении военных действий между китайцами и монголами в районе Алтая самовольно, без санкции пекинского правительства и тем самым якобы нанес ущерб интересам Китая. Но, как видим, это не так. Палта получил из Пекина разрешение на ведение вышеуказанных переговоров.
52. АВПРИ. - Ф. Колнсульство в Урумчи. - Д. 1. - Лл. 130-131.
53. ЦГВИА. - Ф. 2000. - Д. 4260. - Л. 291 (копия секретной телеграммы Сазонова Миллеру 12 апреля 1914 г.).
54. АВПРИ. - Ф. Миссия в Пекине. - Д. 372. - Л. 82-83 (донесение Кузминского Крупенскому 24 января 1914 г.).
55. Против Палты китайскими властями было возбуждено уголовное дело за растрату казенных денег и уступку России земельного участка на Черном Иртыше. М.Кузминский выноком ценил Палту за то, что при нем произошло "упрочение русского влияния в Алтайском округе". Консул просил царское правительство наградить Палту орденом Станислава 2-й степени (там же. - Д. 372. - Л. 93). Следствие по делу Палты было прекращено в 1916 г.
56. Там же. - Д. 379. - Л. 12.
57. Там же. - Д. 982. - Л. 25 (донесение Кузминского Крупенскому 31 мая 1915 г.).
58. Там же. - Д. 377. - Л. 74 (секретная телеграмма Крупенского Сазонову 21 июля 1913 г.).
59. Там же. - Д. 982. - Л. 5 (секретная телеграмма Кузминского в МИД России 15 мая 1915 г.).
60. Там же. - Л. 3-4.
61. Там же. - Л. 16.
62. Там же. - Л. 52.

Русские в Китае

Институт русского языка НОАК в Дальнем

© 1996

Г. Логинова (Морозова)

Не буду описывать свои впечатления о приходе Красной Армии в Маньчжурию, это другая тема, но именно освобождение Маньчжурии от японской оккупации многое изменило в обстановке на Севере Китая. Важно отметить, что уже весной 1946 года подразделения Советской Армии были выведены практически из всей Маньчжурии, остались лишь гарнизоны в арендованных Советским Союзом военных базах, в городах Дальний и Порт-Артур. Кроме военных здесь размещались и командированные из Советского Союза служащие-железнодорожники. Большая группа русских, тоже командированных, работала в разных китайских учреждениях и в компании "Чурин". Между русскими, бывшими эмигрантами и командированными в первое время заводились знакомства, устанавливались и поддерживались дружеские отношения. Позднее обстановка изменилась.

До лета 1951 года я работала в Хайларской русской средней школе. Она считалась "железнодорожной", но для детей командированных была другая школа. Отношения как между учителями школ, так и между школьниками были ровными, мы часто общались. Помню, у наших коллег случилось большое несчастье, трое мальчиков подорвались на гранате, найденной в заброшенных японских укреплениях. Мы всем коллективом своей школы были на похоронах, разделили горе и с родителями погибших, и с учителями и школьниками.

Надо заметить, что лето 1951 года было переломным во многих отношениях. В Дальнем до этого лета была единая школа для всех русских ребят. С окончанием 1950-51 учебного года дети из всех бывших эмигрантских семей были изгнаны из советской школы, общение для оставшихся с бывшими товарищами и соучениками было запрещено, прекратились и все знакомства между "командированными" и "местными", появились такие термины. Мы все, жившие в Маньчжурии многие годы, стали "местными". Обществу граждан СССР (ОГС) было приказано для "местных" открыть свою школу, набирать "местных" же учителей.

В Дальнем было много советских магазинов, главным образом продуктовых. До лета 1951 года все русские пользовались этими магазинами, даже существовали какие-то "пайки". Однако с середины 1951 года возможности

пользоваться этими магазинами "местным" не стало, даже хлеб нам перестали продавать.

Очень скоро и во всех китайских учреждениях провели резкую грань между "командированными" и "местными". В первую очередь сказалось это на зарплате. Увольнений не было, но понижения были. Не увольняли потому, что "местные" были хорошими, квалифицированными работниками, но они стали в положении "париев". Дошло до того, что когда при очередных выборах в консульстве был открыт Агитпункт, вход "местным" в него был запрещен.

Многое изменилось. "Местные" ежегодно должны были пролонгировать свои виды на жительство в советском консульстве, а в китайской полиции получать новый годовой "вид", где значилось - "сов.подданный". Раньше все это проходило почти автоматически, но времена изменились и в консульстве нас встречали сурово, а в китайской полиции были и издевательства, особенно над теми, кто родился и вырос в Маньчжурии. Трудно это было понять и объяснить.

С простыми китайцами-лавочниками, соседями, отношения остались прежними, добрыми. Сами ли китайские чиновники, видя отношение советских властей к своим новым гражданам, переняли их манеру, или им были даны указания свыше, сказать не могу. Не знаю, насколько изменились взаимоотношения в Харбине и других маньчжурских городах, в Дальнем новые подходы резко бросались в глаза.

Общество граждан СССР пыталось в случаях явной дискриминации со стороны китайских чиновников защищать своих членов и обращалось за помощью в консульство, но получало холодный совет "не ссориться с китайцами".

Но в целом после образования Китайской Народной Республики отношения между СССР и КНР бурно развивались, ширились советско-китайские связи во многих областях. Нужны были кадры переводчиков, ведь многое китайцы в те годы получали в Советском Союзе. Это и промышленные технологии и техника, в том числе и военная. Да и многие китайцы стали изучать русский язык из стремления лучше узнать Советский Союз. Поэтому по всей стране открывались курсы и даже специальные институты русского языка.

В Дальнем был создан Дальнинский институт русского языка, в котором я начала работать с 1951 года. Однако вскоре его переориентировали в Институт русского языка Народно-освободительной Армии Китая и студентами в нем стали солдаты и офицеры НОАК.

В институте было три китайских профессора. Помню только их фамилии: Лао, Чен и Суэн, последний насколько я помню, был деканом. В отношениях со всеми беспристрастен и холоден. А у Лао и Чена с нашей семьей были почти дружеские отношения. Наверное играло роль то, что мой отец, тоже преподававший в институте и ведший одну из групп "ударников", помогал этим двум профессорам читать советские газеты и русскую классическую литературу. На китайский Новый год мы бывали у них в гостях, а когда мы уезжали в СССР, на целину, они устроили нам банкет-проводы в китайском ресторане.

Преподавательский коллектив состоял из таких же как и я бывших российских эмигрантов, получивших российское гражданство, и из жен офицеров, расквартированных в городе воинских частей. В нашем институте никакой разницы в отношении к "местным" преподавателям и женам офицеров не делалось. Даже, пожалуй, у нас, "местных", с нашими китайскими коллегами складывались более тесные и дружеские подчас отношения, чего почти не было у китайцев с женами офицеров.

Четверо студентов моей группы каждый выходной приходили к нам домой, забирали на прогулку моих сыновей. Старший сын был уже школьником, второй еще ходил в детсад. Конечно, студенты имели определенную цель, во время прогулок они практиковались с ребятами в русском языке. Но и для детей эти прогулки были очень интересными, доставляли им массу удовольствия. Знаю, что и у других "местных" преподавателей также бывали в гостях их студенты. У жен офицеров такого общения не было. Хотя скорее всего потому, что жили они в расположении стоявшей в Дальнем воинской части, в военном городке, куда не было доступа посторонним.

Никто из нас, кроме синолога Ильи Николаевича Полумордвина, по-настоящему китайского языка не знал. Еще в институте был советник, профессор Хионин Алексей Павлович. Про него китайцы-профессора говорили, что он знает китайский язык лучше любого китайца-ученого. Да и в вопросах русского языка Алексей Павлович был "энциклопедией". В случаях затруднений мы обращались к нему и он всегда выручал нас, давая исчерпывающий ответ на любой вопрос по языку.

Была еще специально командированная из Москвы, тоже советник, Волкова Наталия Алексеевна. В Москве, как говорили, она была директором одной из школ. Это был опытный педагог-методист.

Китайская администрация не делала никакого различия между нами, "местными," и женами офицеров. А вот со стороны консульства СССР, советских магазинов, "различие" делалось, и весьма заметное. Но с нашими коллегами, женами офицеров, взаимоотношения у нас были добрые.

Было своеобразие в работе. Когда в институт приходил очередной набор студентов, их разбивали на группы по 20 человек. Начинались занятия, через месяц контрольные опросы и работы. При этом выявлялись способности студентов, группы переформировывались: хорошо успевавшие переводились в особые группы, которым предстоял ускоренный метод обучения всей программы за два года. Многие из них затем направлялись на учебу в Советский Союз.

Выделялись группы студентов со средними способностями. Им предстояло учиться 3 года. Студентов со слабыми способностями также выделяли в особые группы, и им на освоение программы отводилось уже четыре года. Такая практика давала хорошие результаты.

Надо сознаться, получаемые студентами знания были весьма своеобразны. Студенты могли подготовить и произнести прекрасные речи и делать доклады на политические темы, читать журнальные политические статьи, хорошо их понимая. Но вряд ли они с такой же легкостью одолели бы даже простой художественный рассказ, статью с описанием повседневной жизни. Не уверена я и в том, что, зайдя в русский магазин, они смогли бы совершить покупку хлеба, колбасы, любого продукта или товара.

И в работе преподавателей была своя специфика. По средам уроков не было. Это был день политучебы, у студентов ее проводили политруки. Мы же в эти дни изучали "Новую и новейшую историю Китая" профессора Ефимова и труды Мао Цзедуна, изданные на русском языке в Советском Союзе.

После своего "политчаса" мы разрабатывали план уроков на неделю. Обычно разработку, очень детальную, делал один из нас по очереди. Эта разработка зачитывалась и обсуждалась всеми, иногда вносились изменения, делались добавления, иногда, наоборот, сокращения. Разработка принималась, и теперь уже все преподаватели набора должны были вести уроки, ни в коем случае не забегая вперед, но и не отставая, не внося ничего от себя. Этим достигалось то, что если кто-то из преподавателей заболел, его группу рас-

средоточивали по другим группам, и студенты, попавшие в "чужую" группу не ощущали никакой разницы в подходах и в темпах прохождения курса. Все группы шли "ухо в ухо" и работали с идентичными текстами и упражнениями.

На уроках у каждого из нас был свой ассистент-китаец, хорошо знавший русский язык. При объяснении отвлеченных понятий, таких, как, например, "мечта", "счастье", "правда" и т.п., он помогал, если студентам было трудно уразуметь значение слова. Следил он и за выполнением студентами домашних заданий.

Мы были заняты в институте до 12 часов дня и дома были практически свободны, так как все планы и разработки делались в институте. Дисциплина на уроках была изумительной. Студенты слушали внимательно, упражнения выполняли старательно. Сидели они по двое и хотя подобраны в группах были примерно по равным способностям, все же кто-то был чуть-чуть способнее, сильнее, а кто-то чуть слабее. Таких всегда сажали вместе и более сильный на уроках помогал товарищу. Но делалось это так, чтобы не нарушать хода занятий. На контрольных же работах не было ни подсказок, ни списывания. Просто поразительной была честность студентов.

После того как студент получал проверенную контрольную работу, он ее штудировал, чтобы осознать все допущенные ошибки. Редко, но бывало, что преподаватель пропустит какую-нибудь ошибку, студент, сравнивая свои ошибки с ошибками товарищей, непременно ее найдет, обязательно подойдет к преподавателю, покажет ее, попросит исправить. И это приходилось делать даже в тех случаях, когда "роковая" ошибка меняла оценку.

Следует еще отметить дотошность студентов. Они, можно сказать, вгрызались в знания, в мелочи иностранного для них языка. Им надо было знать все детали. Вопрос: "Почему так?" был постоянным. Помню один вопрос, который нас поставил в тупик: "Как будет родительный падеж множественного числа от слова "мечта"? Выручил Алексей Павлович - выпал у этого слова родительный падеж множественного числа, и в этом падеже оно заменяется словом "мечтаний".

В 12 часов дня мы расходились по домам. У студентов был обеденный перерыв, затем шли строго регламентированные занятия. От такого до такого часа приготовление домашних заданий, затем активный отдых. В план входила игра в мяч, потом еще что-то - весь день и вечер строго расписаны.

Помню, как-то студент подошел ко мне перед уроком и сообщил, что не успел закончить домашнее задание. На мой вопрос, почему он не использовал часть времени, отведенного для игры в мяч, он мне уверенно и непреклонно объяснил, что он должен играть в мяч, раз это внесено в расписание.

Восьмое марта тогда не был выходным днем. Администрация института накануне устраивала торжественный вечер с поздравлением преподавательниц и на 8 марта предоставляла им свободный день, но уроки в институте не прерывались. У нас было четверо мужчин-преподавателей вот они и вели уроки в нескольких группах, давая им самостоятельные письменные работы. Преподаватель мог обходить порученные ему группы, мог спокойно сидеть в одной из групп. Работа была полуконтрольной (контрольные проводились в конце каждого месяца), следовательно, не было во время этой работы ни подсказок, ни списывания. Проверка этих работ также ложилась на плечи мужчин-преподавателей.

Администрация института проявляла большую заботу о преподавателях. Я и несколько моих коллег были приезжими. Мы сразу получили казенные бесплатные квартиры. Дома были японской постройки, без привычных русских печей, лишь в стенах были специальные круглые отверстия для труб

печей-“буржук”. Для этих “печей” институт снабжал нас на зиму специальным углем в брикетах и тоже бесплатно. В кухне была газовая плита с постоянной подачей газа, ни за электроэнергию, ни за газ мы не платили. Все эти расходы оплачивал институт, и из нашей зарплаты вычетов на эти цели не было.

Зарплату мы получали в точно определенный день и даже час в конвертах. В это время в Китае еще была инфляция, поэтому зарплата начислялась в “точках”, а точками являлись необходимое количество риса, муки, сахара, рыбы, мяса и т.п. И норма этих продуктов зависела также от того, сколько у работника было иждивенцев. Мне эти “точки” начислялись на троих - меня и двоих моих детей. И каждый месяц я получала зарплату в соответствии с тем, сколько на рынке стоили эти продукты. Можно смело сказать, что работа оплачивалась идеально.

За время работы в институте мы, преподаватели, несколько раз получали подарки. Сейчас я не припоминаю, какие даты отмечались, но все даримое было во имя советско-китайской дружбы. Помню, что чаще всего дарились очень красивые большие фарфоровые кружки с изящными рисунками. На белых рельефных медальончиках было указано, что изготовлены они специально в знак советско-китайской дружбы, надписи были выполнены иероглифами. Дарились тканые на шелке портреты Мао Цзэдуна и маршала Чжу Дэ. Несколько раз я получила записные книжки, на первых листах которых также были портреты вождей. Да и еще отдельно они вкладывались. Делались намеки, чтобы мы помещали их в свои альбомы или украшали ими письменные столы или стену в комнате.

Незадолго до отъезда все преподаватели института были награждены медалями “За строительство нового Китая”, но документов к медалям не было. Нам было сказано, что справка о работе в институте является документом, а специального удостоверения не выдается, так как медаль массовая.

Когда в 1954 году многие из нас стали собираться в отъезд “на целину”, мы под руководством Наталии Алексеевны Волковой составили учебники по грамматике с текстами для чтений и с рядом упражнений.

Провожали нас очень тепло. Студенты моей группы принесли к поезду огромную корзину с фруктами. Первое время почти все уехавшие преподаватели получали письма от своих студентов. Оборвалась переписка, когда началась “культурная революция”.

Очень не хочется думать, что наши студенты были в рядах хунвэйбинов и громили то, что оставили им русские, много лет прожившие в Маньчжурии.

Мне думается, что у всех россиян-преподавателей, приехавших в Советский Союз, остались теплые воспоминания о нашем институте и студентах, сохраняется восхищение их добросовестностью и честностью, трудолюбием. И хочется верить, что и мы оставили у них добрую память.

Клуб Конфуция

Цивилизация, Конфуций и будущее Китая

© 1996

Л. Головачева

Что такое конфуцианство для нынешнего Китая? Представляет ли оно собой музейный экспонат, у которого все в прошлом? Или оно может быть возрождено и еще сыграет в истории своей родины какую-то новую роль? Ведь успехи многих стран АТР и ЮВА, достигших высокого уровня экономического развития, нередко приписывают роли конфуцианства, поскольку они относятся к ареалу распространения этого учения. Большое внимание, которое сейчас уделяется изучению конфуцианства в Китае, в немалой степени обусловлено именно этим.

Думается, что возрождение конфуцианства в Китае как проблема быстро назревает. Но она очень непроста. В прежних исторических формах конфуцианство полностью исчерпало свои позитивные потенции, почему и навлекло на себя яростную критику прогрессивных китайских мыслителей еще в начале XX в. Эти мыслители видели в нем прежде всего проповедь духовного рабства (слепого подчинения родителям, правителям и т.д.). А духовное рабство было, по их справедливому мнению, корнем всех бед и отсталости Китая. Китайское общество нуждалось в духовном обновлении, иначе ему грозило порабощение еще и извне. И конфуцианство было сброшено с корабля китайской истории как опасный балласт, угрожающий его существованию. С тех пор прошло много десятилетий. XX век, прожитый Китаем практически без конфуцианства заканчивается. Он был наполнен политическими катаклизмами, но несомненно то, что Китай сумел в XX в. отстоять свой многовековой государственный суверенитет. И теперь китайский народ призывается к "строительству материальной и духовной цивилизации", чтобы Китай мог стать в ряду высокоразвитых государств как равноправный не только в политическом отношении.

Что подразумевают в Китае под "материальной и духовной цивилизацией"? Совершенно очевидно, что "цивилизация" здесь синоним высокой (высшей) ступени развития культуры. Упор на необходимость для Китая двух "цивилизаций" отражает в данном случае осознание того, что развитие экономики и повышение уровня жизни невозможно без обеспечения определенного качества "человеческого материала". Это, с одной стороны, интеллектуальное развитие, без которого немислимы современная наука, техника, тех-

нология. С другой стороны, - моральность, основа основ мира и порядка в стране. Если обеспечение первого представляется достижимым на базе развития образования, от введения всеобщего девятилетнего образования до обучения интеллектуальной элиты за границей, то в обеспечении второго с самого начала, может быть, и неосознанно, надежды возлагались на конфуцианство, причем в его простейших, традиционных бытовых формах. Стоит вспомнить распространение в деревнях в 80-х годах так называемых "современных Саньцзыцинов", наборов рифмованных правил подобающего поведения, вроде "Саньцзыцина хорошей свекрови", "Саньцзыцина хорошей невестки" и т.д. С начала 80-х годов Конфуций был реабилитирован в Китае (хотя оговаривалась необходимость критического отношения к нему), причем самой ценной частью его учения были признаны педагогические идеи. А с середины 80-х годов в Китае множатся различные институты, занимающиеся или стимулирующие занятия конфуцианскими штудиями уже с ясно определенной задачей - поставить традицию на службу "строительству духовной цивилизации", которое, в свою очередь, должно помочь "строительству материальной цивилизации".

Чтобы оценить такие планы, постараемся разобраться сначала с соотношением понятий "культура", "традиция" и "цивилизация", неопределенность содержания которых в обычном словоупотреблении мешает понять суть того, что же необходимо Китаю, чтобы цивилизовать себя.

Традиция и цивилизация в культуре

Культура есть специфический способ существования человечества на Земле и имеет тот же возраст, что и само человечество. В отличие от животного мира, взаимодействующего с окружающей средой с помощью наследственной информации, передаваемой генным путем, человечество создает, хранит и передает не наследуемую биологическим путем информацию, и этот информационный процесс составляет сущность его культуры. Основным механизмом хранения и передачи культуры является мимесис, неосознанное подражание. Транслируемая с помощью мимесиса культура есть культура традиционная. Но традиционная культура - лишь часть культуры в широком смысле. За ее рамками остается само создание биологически не наследуемой информации. Здесь лежит неразгаданная тайна начала культуры и все инновации в ее процессе. Последние также представляют собой величайшую загадку, однако человеческая мысль с начала истории покушается на ее решение. Они с очевидностью связаны со становлением человечества как рода и человеческого индивида как мыслящего существа, способного понять мир вокруг себя, совместив свое знание о нем с самой действительностью. Эта способность человека есть разум, мышление в понятиях.

Мы узнаем о разуме человека с началом истории, с так называемого "осевого времени", когда происходит продуцирование первых "картин мира", первых учений о мире и человеке в нем. Однако раньше, чем человек заговорил о разуме, т.е. узнал о его существовании у себя, были сделаны великие открытия доисторического времени: открытие пользования огнем, земледелия, металлургии, позволившие перейти от собирательства к производящему хозяйству. Мифология приписывает эти открытия "культурным героям", укравшим могущество у богов. Действия "культурных героев" были нарушением традиции и рассматривались как преступление, за которое они неизменно несли наказание. Характерно, что субъектом деятельности в традиции всегда является коллектив и мимесис - коллективный механизм, тогда как нарушает

традицию и творит новое - индивид, отдельный человек. Такое противостояние традиции; как свидетельствует мифология, было под силу лишь индивидам необыкновенных способностей, которыми они обладали благодаря своему полубожественному происхождению. Если "полубожественность" творцов нового можно отнести за счет фантазирующего мышления древности (возможно, так воспринимались древние экстрасенсы высокого класса, обладавшие к тому же интуитивной способностью схватывания целого), то информация мифов об "индивидуальности" творчества может быть принята как вполне достоверная, поскольку, как ныне уже установлено, открытие нового - дело сугубо индивидуальное, хотя индивиду и может помогать коллектив.

Традиция инкорпорировала полезные роду плоды творчества, вводя одновременно запреты на инновации теми же мифами, повествующими о наказании, в чем проявлялась интуиция самосохранения родового коллектива. Однако не только культурные инновации, но и экстенсивный рост производящего хозяйства вели к постепенной индивидуализации жизни людей и к умножению иных, не творческих нарушений традиции, связанных с индивидуальным произволом. Индивидуальный произвол - другой ряд сюжетов мифологии, также имеющий реальную подоплеку. Мифология в фантастической форме свидетельствует для нас таким образом о возникновении индивидуального самосознания.

Индивид в природной родовой жизни является еще не мыслящим, а только "переживающим" существом, осуществляющим смутные "влечения". Влечения вызываются в нем ощущением, что ему не хватает того, что составляет "объект" влечения, он должен присоединить "объект" к самому себе, чтобы обрести полноту. "Объект" пожирается и вследствие этого разрушается, наступает кратковременное удовлетворение, а затем влечение ("вожделение", по Гегелю) возобновляется. Индивид в таком состоянии не может знать о существовании у него сознания. Он знает себя лишь как волящее "тело", свободное "вожделеть". Его свобода есть разрушающий произвол. Но о том, что такое "вожделение" существует и в других человеческих индивидах, он не знает; пока их вожделение не приходит в противоречие с его собственным, другие для него - просто "тела". Но происходит неизбежное столкновение вожделяющих индивидов, превращающееся в жестокую борьбу, в которой каждый стремится "показать" свою свободу и утвердить мнимость свободы другого, на самом деле не самостоятельного, ничтожного, неволящего. Борьба заканчивается тем, что один индивид, слабейший, подчиняется другому и возникают отношения "раба и господина". "Раб" вынужден умерить свой произвол не только внешне, отказавшись от "вещи", которую желает "господин". Подчинившись последнему, он "признает" его в качестве такового, т.е. признает его свободу и собственную несвободу, несамостоятельность. Но "признание" это формально, "раб" вынужден дать внутри своей воли место воле "господина" как какого-то "особенного" другого, обладающего, как и он сам, волей, тогда как остальные - просто несвободные "тела". Таким образом "раб" устанавливает внутреннюю общность собственной воли и воли особенного "господина", но внутри его сознания происходит разграничение этих волей, благодаря чему он узнает, что его воля отлична от его "тела", находящегося в полном подчинении внешней силе "господина". Знание, а не просто переживание своей воли, отличной от тела, есть знание о своем сознании, есть самосознание. Эта ступень самосознания, признающая способность обладать волей не только за собой, но и за другим, особенным индивидом, называется "признающим самосознанием". В завязавшемся отношении "раба" и "господина" "господин" остается лишь во внешней связи с "рабом", он обла-

дает его телом, но не признает за ним способности воли. Однако "господин" должен заботиться о сохранении физического существования "раба", его "тела", чтобы оставаться признанным им. Поэтому его произвол внешне ограничивается, он использует "раба", но не разрушает его. Вместе с тем "господин" остается "волящим телом", не различающим своего тела от своей воли и по своему самосознанию стоит ниже "раба" (Гегель называет это "вожделирующим самосознанием", ступенью развития, на которой самосознание еще не зажглось, хотя готово к этому). Отношение "раба и господина" и соответствующее состояние самосознаний индивидов - стойкое образование, могущее без развития существовать в соответствующих условиях неограниченно долгое время. "Раб" и "господин" являются носителями традиционной культуры, но "господин" может быть и разрушителем ее, носителем "некультуры", если предается разрушающему произволу.

Но это культурное отношение содержит в себе и возможность развития. Если "раб" стремится к свободе, он способен не только ограничивать свою "телесность", но заставить и "господина" подвергнуть себя такому ограничению, признать существование воли "раба" и благодаря этому обрести самосознание. Между ними может произойти обоюдное признание друг в друге не только непроницаемых "тел", но и заключенных в этих "оболочках" тождественных по форме воли, признание существования воли не только в каких-то особенных, но и во всех человеческих индивидах. Это означает возвышение до "всеобщего самосознания", до признания тождественности всех людей друг другу как волящих существ, обладающих свободой, которая оборачивается свободой мышления. Потому что разделение в сознании себя как "субъекта" воления и ограничивающего его "объекта", воли другого, создает пространство для движения мысли, для образования мышления в понятиях, суть которого в мысленном объединении субъективного и объективного. Первое понятие полагающее возможность и начало возникновения всех других понятий, является индивиду как очевидное тождество субъективного и объективного, когда он смотрится в другого индивида, как в зеркало, и узнает в нем себя, волящего. Здесь "всеобщее самосознание" перестает держаться за свою "самость" и превращается в разум, в мышление в понятиях, впоследствии уже не обладающих той очевидностью тождества субъективного и объективного, которая наличествует в первопонятии разума. Первопонятие разума получило в культуре название "Золотого правила нравственности" - "Не делай другому того, чего не хочешь от другого себе". Индивидуальная нравственность - не просто ровесница индивидуальной разумности. Они являются близнецами, рождаются вместе. И нравственный индивид есть вместе с тем разумный индивид, есть то, что мы будем далее подразумевать под "личностью".

Свобода мышления, обретенная личность, полагает начало рефлексии над способом существования человечества как рода мыслящих существ, как понятия, становящегося благодаря возвышению человеческих индивидов до разума. Тем самым полагается начало истории как саморефлексии культуры.

С началом истории в культуре появляется новообразование, отличное от традиционной культуры и вместе с тем настолько с ней слитое, что их различие оказывается возможным лишь долгое время спустя, через много веков, когда выясняется качественное различие конкретных культур, в которых это новообразование присутствует, от других культур, сохранивших свой традиционный модус. Этот новый компонент культуры получает название цивилизации, проистекающее из различия цивилизованных и нецивилизovaných обществ в трудах французских просветителей XVIII в. Цивилизованными они называли общества, построенные на началах разума и справедливости.

Цивилизация есть институциональная деятельность человеческого разума, преобразующая культуру, превращающая ее из культуры традиционной в культуру в широком смысле. Цивилизация вводит в культуру новые институты, задачей которых является помощь в укоренении, сохранении и развитии разума: школу, письменность (книги), средства сообщения, этику и политику (разумные правила взаимоотношений в семье и государстве). Однако эти новые институты могут принадлежать как к цивилизации, так и к традиционной культуре. Хотя, традиционная культура всегда оказывает сопротивление инновациям, умеряемое воздействием на нее цивилизации, она в то же время инкорпорирует плоды цивилизации, способные стать образцами для мимесиса. Институты как раз и являются такими плодами. Как учреждения коллективные они легко приспособляются к функционированию по законам мимесиса и тем самым лишаются творческих потенций, становясь частью традиционной культуры. Решающим в определении их принадлежности к цивилизации является участие в их деятельности личностей, единственных носителей разума и, следовательно, цивилизации.

Цивилизация не передается путем мимесиса, механизм ее трансляции - понимание. Цивилизация является поэтому эфемерным образованием в культуре. Она живет, пока живет понимание, понимание же живо, пока живы личности, его носители. С уходом личностей, его одухотворяющих, любой институт поглощается традиционной культурой. Для поддержания преемственности цивилизации в культуре необходимы усилия каждого поколения живущих по овладению разумом, без этих усилий цивилизация угасает, инерция ее действия составляет всего одно поколение (30 лет). Цивилизация обладает, однако, способностью зажигаться вновь, когда возрождается понимание и личности приобретают в конкретной культуре достаточный вес для возобновления институализации разума. Пока на земле существует личность, цивилизация не может исчезнуть навсегда как потенция. Каждая отдельная культура цивилизована настолько, насколько разумные личности в ней способны своей деятельностью институализовать разум. Институализация же разума создает условия для творчества личности. Поэтому способность отдельной культуры к творчеству нового является важным показателем ее цивилизованности.

Цивилизацию можно определить также как идею человечности, охватившую культуру. Как таковая она превращается в материальную силу. Другими словами, "материальная цивилизация" неотделима от "духовной цивилизации", поэтому вышеназванные термины обозначают не существующее в действительности различие, мнимые сущности.

Цивилизация как деятельность разума, как понятие, едина и не имеет никаких национальных особенностей. Она обладает способностью преобразовать любую национальную культуру и передаваться из одной национальной культуры в другую, обуславливая возможность диалога между ними. Цивилизация как институциональная деятельность разума, как понятие цивилизованной культуры, несет в себе национальные особенности, определяемые традиционным компонентом культуры, и обуславливает необходимость диалога культур.

Цивилизация как понятие разумного преобразования культуры не может иметь имени, как понятие же способа разумного преобразования культуры называется по имени создателя учения, лежащего в основе деятельности по разумному преобразованию конкретных культур. Поэтому, говоря, например, о "христианской цивилизации", мы имеем в виду всего лишь культуры, цивилизованные на основе христианского учения о путях достижения разум-

ной жизни. Гораздо правильнее говорить о христианской культуре или христианских культурах.

Цивилизация и цивилизующие учения

Определив понятие цивилизации, мы можем, наконец, приступить к оценке путей, ведущих к осуществлению цивилизации в Китае. Как уже говорилось, понятие "материальной" и "духовной" цивилизации являются мнимыми. Желание воплотить мнимые понятия, "построить материальную и духовную цивилизации" путем "пополнения", "повышения", "расширения" существующей традиционной культуры с использованием плодов цивилизации, выращенных в других странах, но без коренной ее перестройки, усилия, прилагаемые с этой целью, могут привести к определенному развитию традиционной культуры. Но потенции творчества в результате такого развития будут по-прежнему ограничены. Для решения гигантских культурных задач, стоящих перед Китаем, ему необходима самостоятельная цивилизация культуры. Она мыслима лишь на основе цивилизующего учения, которое должно служить руководством в этой деятельности. Здесь следует совершить сознательный выбор.

Необходимо признать, что до сих пор все цивилизованные культуры мира, в которых высоко ставится личность и которые добились высоких успехов во всестороннем развитии, цивилизованы на основе христианского учения. Христианское учение доказало на деле свою способность совмещаться с любыми традиционными культурами, весьма далекими от культуры маленького ближневосточного народа, в лоне которого оно было рождено. С его помощью преобразованы не только европейские и американские культуры. Цивилизационные успехи многих дальневосточных стран, в том числе знаменитых "маленьких драконов", также обязаны влиянию христианства. При этом вовсе не потребовалась христианизация всего населения, оказалось достаточно христианизации элиты.

Можно ли ожидать, что и цивилизация китайской культуры будет совершена на основе христианства? В принципе это возможно. Христианство уже влияет на Китай косвенным образом, через его связи с мировым сообществом. Однако даже при сознательном и прямом использовании принципов христианского учения в деле цивилизации (что представляется мне весьма маловероятным) путь адаптации был бы пугающе долог. Китай же нуждается в как можно более быстрой цивилизации. Вот почему взоры с неизбежностью обращаются к конфуцианству. Но может ли оно претендовать на высокую роль цивилизующего учения, когда еще у всех на памяти его фиаско начала века?

В начале статьи мы уже высказали мнение, что в прежних исторических формах конфуцианство мертво. Но не следует забывать, что и в двухтысячелетней истории христианства бывали разные периоды. Оно далеко не всегда проводило в жизнь принципы разума и справедливости. Собственно говоря, цивилизационные черты христианства как учения начали проявляться лишь после протестантской Реформации XVI в., провозгласившей возвращение к духу первоначального апостольского христианства, к равенству и личной ответственности каждого перед богом. Тем самым человеческая личность была поднята на небывалую высоту. В результате Реформации в ряде европейских стран утвердились религиозные и политические свободы, идеалы "правового государства", а в хозяйственной практике стало пользоваться большим уважением предпринимательство. С этого времени начинается бур-

ный экономический рост в Западной Европе, и Китай, показатели которого были до того сравнимы с усредненными западно-европейскими экономическими показателями, быстро от нее отстает. Такое воздействие цивилизации и нового положения личности. В связи с этим возникает мысль, что и конфуцианство, многовековая основа китайской культуры, нуждается в реформации, чтобы обнаружить в себе мощь цивилизующего учения, способного послужить путеводной нитью к цивилизации Китая. Такая мысль определенно присутствует в трудах ученых, относящихся к конфуцианской культуре, как в самом Китае, так и за его рубежами. Однако бросается в глаза традиционный подход к цивилизационной задаче: реформация мыслится как использование (и развитие) "положительных", "прогрессивных" идей конфуцианства и отказ от его "отрицательных" и "реакционных" элементов, тогда как речь должна идти о понимании идей Конфуция. Очевидной причиной этого является распространённое убеждение, что идеи эти уже вполне понятны. Но стоит вспомнить, что именно сомнение в правильном понимании учения Христа послужило прологом к Реформации христианства.

Знаменательно, что христианская Реформация началась с перевода Библии с непонятной латыни на немецкий язык, позволившего верующим обращаться со своими вопросами не к Преданию, толкованиям отцов церкви, а непосредственно к Священному Писанию. Что касается "Лунь юй", "китайского Евангелия", донесшего до нас учение Конфуция, то в XX в. он не раз переведен на разговорный язык байхуа. Однако переводы эти сделаны на основе толкований средневековых конфуцианцев, преимущественно на основе комментариев Чжу Си. Бесполезно поэтому обращаться к переводам "Лунь юй" на современный китайский язык в поисках идей, могущих стать основой цивилизации. На все вопросы будет отвечать Чжу Си, столп конфуцианства традиционного. Залогом реформации может стать лишь обращение к оригиналу "Лунь юй" и осмысление его без посредничества традиционных авторитетов.

Ниже я представляю короткий очерк цивилизационных идей Конфуция так, как они представлялись мне в свете моей собственной работы по переводу "Лунь юй" на русский язык.

Цивилизующая мощь учения Конфуция

Чего совершенно не заметили средневековые комментаторы, так это того, что в учении Конфуция одним из центральных понятий является "Я". Они посчитали это "Я" личным местоимением, которым Конфуций обозначает себя самого. Но в "Лунь юй" специально отмечено, что "Учитель отказался от ячества" (у во), т.е. не только от эгоизма, но и от употребления слова "Я" для самообозначения. "Я" для него - понятие, которому в отличие от многих других понятий в "Лунь юй" дано почти исчерпывающее определение, где говорящий о себе "Я" противопоставляется говорящему о себе "Мы" (у): "Я" не желает, чтобы другие стояли выше него, "Мы" не желает ставить себя выше других" (5. 12). В этом же фрагменте Конфуций ставит перед учеником цель: превратить свое "Я" в "Мы". Превращение в "Мы" не означает впадения в безличность, "Мы" определено только апофатически. Конфуций упоминает о простолюдинах, общинниках, которые вообще не понимают что такое "Я", как им не объясняй (9.8). Он не зовет возвратиться в это состояние младенческого незнания себя. Для "Я" туда уже нет пути. Его "путь" - к принятию правила "Дао": "Чего не хочешь себе, не делай того другим". Появление его в культуре какого-либо народа означает, что он достиг порога цивилизации.

Чтобы говорящие о себе “Я” могли переступить этот порог и сделаться личностями, Конфуций утверждает первый и важнейший институт цивилизации: школу. В школе Конфуция обучались не “предметам”, не “шести искусствам”, сумме учений молодого аристократа, в ней обучались разуму. Путь от самосознания “раба” или “господина” к разуму чрезвычайно труден. Здесь требуется помощь, его почти невозможно пройти одному. Конфуций, как немного позже и на другом конце мира Сократ, был “повивальной бабкой” при родах личности. И служа в таком качестве, он сделал величайшее открытие, до сих пор не оцененное, которое оказалось возможным потому, что обязанности “повивальной бабки” разума он исполнял впервые в истории, да и сам разум рождался в первый раз: разум рождается в виде совести, которой он дал имя “жэнь”, и рождается не в спокойной и мирной рефлексии, а в рефлексии связанной с пароксизмом угрызений. Чтобы родилась совесть, родовая сущность человека, “Я” должно быть “усовершенно” (чжи). И после рождения совести-разума каждая ошибка человека против своей сущности будет давать себя знать угрызениями (цзи) и “усовершенствованием”, каждый раз личности придется вновь и вновь “превращать усовершенствие в неусовершенство” (2. 17), т.е. возвращать совести ее чистоту. “Усовершенствование” - не эмоция совести, оно отлично от стыда и угрызений, которыми обычно предваряется. “Усовершенствование” есть рефлексия сознания, очищающая и возвышающая чувства.

В своей основанной на усовершенствовании педагогике личности Конфуций придавал огромное значение музыке и обрядам. Обряд, служивший в традиционной культуре формой сохранения и передачи знаний, переосмысливается им как средство усовершенствования. Усовершенствование с помощью обрядов и музыки близко по своей сути к катарсису. Конфуций выступал за древнюю строгость и скромность обрядов и музыки и осуждал современников за стремление превратить их в пышные “шоу”, в знаки высокого положения на иерархической лестнице. Забота о пышности подменяла искреннее чувство и исключала возможность катарсиса.

Нововведением Конфуция было “сюэ”, изучение обычаев предков. Здесь подразумевались не только бытовые и обрядные обычаи, но и сохраненные в письменных документах и устных преданиях сведения о событиях прошлого от глубокой древности до современности. Понятие “сюэ” приближается к понятию изучения истории. Конфуций сам явился первым историографом, создав хронику царства Лу - “Чуньцю”. История как рефлексия над культурой начинается в Китае с него. Он особенно настаивал, что, изучая обычаи предков, необходимо размышлять над ними, иначе все изучение будет впустую. Отличие от бездумного мимесиса, не предполагавшего и не позволявшего извлечения нового из обычаев древности, здесь ярко выражено. Конфуций предполагал, что лучшее из древности должно возрождаться в современности. Он имел в виду, что следование высоким примерам совершенных правителей может избавить современников от мучительного “усовершенствования”, поскольку исключит совершение крупных ошибок против совести. Изучение обычаев предков предусматривалось Конфуцием для укрепления уже ставшей личности - “Благородного мужа”. Он отдавал себе отчет, что эгоистическое “Я” невозможно просто выкорчевать из души человека. С ним постоянно нужно работать, чтобы оно не пустило новых побегов. “Чтобы совесть пошла дальше, - говорит он, - надо действовать по правилу утончения посредством изучения обычаев предков” (1.6). И вот как описывает работу с пережитками “Я” в школе Конфуция один из учеников: “Учитель шаг за шагом делает людей ладнее и совершеннее, расширяет “Я” тонкостью, ограничивает “Я” обрядами. Влечешься к тому, чтобы распуститься, и не можешь

исчерпать наклонностей “Мы”, словно есть что-то поставленное над тобой. Хотя влечешься потворствовать ему (“Я” - Л.Г.) из этого ничего не выходит” (9.11). Здесь интересно упоминание о “расширении “Я” тонкостью” (бо во и вэнь). Из предыдущей цитаты мы узнаем, что приобрести тонкость, “утончиться” можно посредством изучения обычаев предков (и сюэ вэнь). Видимо, под расширением “Я” подразумевается расширение горизонта познаний путем чтения книг и их обдумывания, что должно навести остаточное “Я” на мысли о тщете желания ставить себя выше других. Следует подробнее остановиться на “тонкости” (вэнь). Иероглиф “вэнь” входит в бинюм “вэньмин”, “цивилизация”, который возник как калька европейского понятия. Тем не менее само “вэнь” у Конфуция означает понятие, чрезвычайно близкое к “цивилизации”, и мы переводим его как “тонкость”, лишь чтобы избежать чрезмерной модернизации Конфуция. Конфуций отчетливо противопоставляет “вэнь” грубости, дикости, варварству. Знаменательны слова, что тех, кто удаляется от тонкости губит Небо, что если бы сам Вэнь-сан удалился от “вэнь”, и его не было бы в живых (9.11).

Следует остановиться на понятии “Благородного мужа” (цзюнь-цзы). До Конфуция это слово означало аристократа по рождению, но у него получило значение нравственной личности, которая распространяет вокруг себя благотворное влияние, смягчает нравы (9.14), вносит гармонию в общество, не растворяясь в нем, и не теряя самого себя (13.23). Все свои действия Благородный муж согласует с понятием долга, отказываясь от копирования готовых образцов (4.10). В “Лунь юй” есть одно высказывание о Благородном муже, близкое к дефиниции: “Если порода и тонкость обретают цельность (получается) Благородный муж” (6.18). Дефиниция очень тонко комментируется в другом фрагменте, показывая, как далеко Конфуций отошел от традиционного понимания Благородного мужа как аристократа и понимания “вэнь” как внешней украшенности. “Цзи Цзычэн сказал: “Благородным-то мужем становятся по причине породы, зачем еще какие-то тонкости?” Цзы Гун сказал: “Жалко! Ведь говорили, что Вы Благородный муж! Но слово не воробей, вылетит - не поймаешь. Тонкость-то уподобляет породы. Если же породы уподобляют тонкость, то получается уподобление побритых тигров и барсов побритым собакам и баранам” (12.8). Судя по этому комментарию, “тонкость” (вэнь) - это то, обладая чем, человек становится способным видеть в разных людях (людях разного происхождения, разных “пород”) единое. Если же понимать “вэнь” как нечто излишнее, как внешнее украшение “породы” и лишить все “породы” этого “излишества”, то в своей равной лишенности “вэнь” оголенно выступают звериные повадки разных “пород”, которые уже невозможно будет привести к единству.

Конфуций учил о распространении “тонкости” на отношения в семье и функционирование государства. Семья и государство в его глазах были двумя институтами, от которых зависела судьба “тонкости”.

Мысль о том, что Конфуций выступал за цивилизацию семьи, может показаться абсурдом, поскольку его учение считается оплотом традиционной культуры семейных отношений. Однако Конфуций в своем противостоянии не-культуре брал традиционную культуру в союзницы лишь в той ее ипостаси, которая не противоречила разуму. Семья в его время (речь идет о семьях значительно индивидуализировавшейся верхушки общества) была сценой, где в миниатюре разыгрывалась драма общества в целом - борьба самосознаний за “признание”, из которой вытекало отношение “господства” и “рабства”. Роли “господ” и “рабов” не были закреплены за поколениями. Старшее, деспотически относившееся к молодежи, вносило свою лепту в развал “кристалла

обычая”, но отцы становились и жертвами сыновей, уже не отождествлявших интересов рода, воплощаемых старшими, со своими собственными интересами. В семью проникла грубость по отношению к ослабевшим старикам, обман, интриги, источником которых все чаще становилось молодое поколение.

Спрошенный о своих стремлениях, Конфуций отвечал: “Старых - успокоить, молодых - смягчить” (5.26). Он не видел для этого иного средства, чем возвышение “признающих самосознаний” отцов и детей до ступени личности. Впервые заговорил он о возможности увещевания отцов, поступающих не в соответствии с совестью и долгом, т.е. деспотичных “Я”. Увещевание должно быть мягким, грубость и непокорство не могут привести к успеху. Если отец не прислушивается к увещеванию, следует завоевать его доверие кротостью. Рано или поздно в этом случае он почувствует угрызения, которые перерастут в усовещивание, приводящее к совести. Если же сын потеряет терпение и нарушит сыновнюю почтительность, угрызение и усовещивание достанутся на его долю, и особенно страшно, если это произойдет после смерти отца, когда ошибку уже невозможно будет исправить (4.21). Отцам Конфуций предъявлял требование уважать молодых, рассматривая это как условие их усовещивания: “Только уважая позжерожденных, побуждаешь поколение будущего усовеститься своими недостатками. Ныне же и в сорок-пятьдесят (лет) не понимают в этом, далеки от примерности по причине недостаточного уважения” (9.23). Знаменательно, что главной пружиной взаимоотношений отцов и детей Конфуций делает совесть, традиционному сознанию совершенно незнакомую и действующую в пространстве личности. Совесть как разум дает понятие о долге, налагаемом ролью в семье. Только если отец служит сыну защитой и примером, а сын почитает отца и заботится о нем, их действия соответствуют понятию. В отношениях с братьями совесть велит проявлять дружбу и взаимное предостережение от ошибок.

Правильно построенные взаимоотношения в семье, по мысли Конфуция, “помогают совести пустить корень” (1.2) в следующем поколении. Это залог того, что выйдя из дверей своего дома в мир, человек сумеет и его устроить разумно.

Идеальное устройство внешнего мира мыслилось Конфуцием через государство, которым правит Благородный муж. Все государства его времени были деспотическими. Правил “господин”, а остальные должны были признавать себя “рабами”. Отсюда и цель работы Конфуция - превратить “Я” правителя в “Мы”. Первое средство - окружить его Благородными мужами, которые не являются “рабами” в своем самосознании и способны противостоять его вожделению и ограничивать его. Они помогут ему возвыситься до того, чтобы увидеть в других не рабов, но людей. Вот почему значительное число высказываний Конфуция о государстве посвящено тому, что мы сейчас называем “подробом кадров”. Великое новшество, им введенное в обычай, - подбор правящих не по происхождению и не по природным качествам (красоте, умению говорить), а по признаку обладания “жэнь” (совестью) и “вэнь” (тонкостью). Это одно из его знаменитых “начал управления” (чжэн), представлявших собой систему правил, которые должны были ограничивать произвол правящих. Подчинять себя каким-то правилам деспотическим правителям не приходило в голову. Их действия были непредсказуемы, они руководствовались только своими аффектами. Между тем, предсказуемость, вытекающая из разумности действий, - важный признак цивилизованного управления. Культивируя “начала управления”, или “политики”, Конфуций начал свои труды по цивилизации государственного управления в Китае. Для этого ему не требовалось занимать лично какой-нибудь государственный пост. Их

занимали его ученики, проводившие в жизнь правила Учителя. Главнейших "политик" было две: "обогащать поданных" и "научить заповедям". "Обогащать" значило дать поданным возможность обогатиться собственным трудом, ограничив поборы с них в пользу государственной власти разумными пределами. "Научить заповедям" значило стать примером для поданных в ненанесении вреда другим. Все "политики" служили конкретным выражением принципа Дао: не делай другому того, чего не хочешь себе.

Схема возвышения самосознания правителя до личности состояла из двух компонентов, первый из которых был условием осуществления второго: из "доверия" и "преданности".

"Доверие" означало, что между правителем и Благородным мужем, его советником, сановником или помощником, должны быть установлены личные отношения приязни и полного доверия. Доверие следовало завоевать скромным и рачительным служением, и лишь после этого становилось возможным проявление "преданности" - остережение правителя от ошибок. Без "доверия" остережение воспринимается как поношение господина рабом.

"Преданность" предполагала "увещевание" с целью усовещивания и приведения к Дао. Даже при условии "доверия" это было опасным занятием, но именно опасность, которой "раб" пренебрегает, может образумить "господина". "Увещевание" следовало осуществлять в полном соответствии с ритуалом. В свою очередь "начала управления" предписывали правителю обращение с поданными в соответствии с ритуалом, чтобы обеспечить им возможность проявления "преданности".

В отличие от отношений в семье, где связь отцов и детей неразрывна и поэтому требует для своего правильного поддержания безграничного терпения, связь правителя и сановника, считал Конфуций, может быть разорвана, более того, должна быть разорвана, если первый, несмотря на увещевания второго, не следует Дао. Уход в отставку рассматривался им как крайнее средство, способное вызвать усовещивание и возвращение к Дао.

Увещевание вышестоящего было институализовано в китайской культуре и пустило в ней глубокие корни. В качестве института на протяжении истории оно претерпело большие изменения. Учреждение цензората, служащие которого должны были увещевать императора и чиновников по должности, привело к устранению личностного начала, к традиционализации института и потому к вырождению увещевания в формальную обязанность. Но увещевание как нравственный долг, как цивилизационная идея, продолжало жить помимо формальности: в самые драматические моменты истории оно проявлялось в действиях выдающихся личностей, носителей конфуцианской "вэнь", с риском для жизни увещевавших деспотических администраторов.

Конфуцию часто ставится в упрек отрицание роли законов, которые начали в период Чуньцю появляться в отдельных государствах Китая. Значит ли это, однако, что он "отрицал право" или, скорее, "не дошел до идеи права"? Уголовные кодексы его времени отнюдь не были "правом". Законы учреждались для умерения произвола "рабов" через страх перед наказанием, а произвол "господина", законодателя, оставался неограниченным. Идея равенства перед законом отсутствовала, потому что еще не родилась идея равенства людей как существ человеческого рода. Эту последнюю и сформулировал впервые Конфуций в виде принципа Дао. Законы же осуждались им потому, что, закрепляя в обществе самосознания "раба" и "господина", они мешали развитию его до всеобщности, до состояния разума, который может понять и принять принцип Дао. Конфуцию принадлежит высказывание, украшающее ныне вход в ЮНЕСКО, которое в толковании неоконфуцианцев выглядит так:

“Между образованными людьми нет различий” (ю цзяо у лэй). Однако первоначальное значение у него иное: “Заповедям должны подчиняться все без различия состояний”. Под “Заповедями” (цзяо) подразумевался запрет на нанесение вреда другому. Это была первая в истории Китая правовая идея. Вторая правовая идея содержится в учении Конфуция об “исправлении имен”. Отсутствие правильности в “именах” является источником “произвола” (е цзай ю е - 13.3). Оно ведет к тому, что “порода” (чжи) берет верх над тонкостью-“вэнь” (6.18), и тогда подданные уже не знают, куда приложить руку, куда поставить ногу (13.3). Надо ограничить произвол (е) “правильностью” (чжэн), системой правил (цзэ). Эти понятия создавали базу для возникновения идеи права, для возникновения идеи гражданского общества. Всей своей деятельностью Конфуций стремился приблизить переход к Дао.

Осуществить Дао Конфуцию и его последователям не удалось. Это не значит, однако, что учение Конфуция - утопия. Оно не более утопично, чем христианское учение, потому что так же как христианство обладает цивилизующей мощью. Эта мощь через 300 лет после смерти Конфуция поддержала китайскую культуру, не дав ей затмииться после исторических катаклизмов периода династии Цинь. Ханьские императоры, институализовавшие конфуцианство, в своей мироустроительной деятельности прислушались к голосу разума, донесенному учением Конфуция, а вовсе не просто сделали из последнего прикрытие для своих классовых интересов.

Китайская культура с периода династии Хань становится цивилизованной культурой, конфуцианской культурой. К этому времени в понимании учения Конфуция было многое утрачено. Но живые личности, основа цивилизованной культуры, видимо, несли в себе гораздо большее знание разумности, чем то, которое мы предполагаем в них, штудировав конфуцианские тексты саньской эпохи. Понимание продолжало существовать поверх текстов, и вместе с ним, то угасая, то разгораясь вновь, продолжала существовать цивилизация. Всполохи неконфуцианства были притушены его догматизацией, янминизм был последней вспышкой, переброшившей огонь конфуцианской мысли в соседние дальневосточные культуры. Победа над ним догматизированного чжусианства, поддержанного государством, привела к тому, что конфуцианство стало быстро утрачивать цивилизующую мощь и превратилось в охранительное учение, союзника традиционной культуры в прогивостоянии некультуре. Конфуцианская культура потеряла способность продуцировать новое, и оказавшись затем лицом к лицу с христианской культурой в “борьбе за признание”, потерпела поражение. Она была вынуждена принять в свое сознание чуждое учение, но это было не христианское учение, а марксизм, побочный продукт христианской культуры, имеющий антицивилизационную сущность.

Наступает время перехода культур ко “всеобщему самосознанию”. Глядясь в зеркало христианства, конфуцианство должно узнать себя, возродить в себе понимание цивилизационных идей Конфуция, после чего в обеих культурах должно родиться понятие о тождестве их цивилизаций, об их единстве в разуме. Тогда цивилизация китайской культуры сможет быть осуществлена на основе возрожденного понимания учения Конфуция, и при этом все разумное в другой цивилизации не будет для нее чуждым. Институализация прав личности - важнейшее условие цивилизации - не будет выглядеть заимствованием чужого. Это заимствование из разума, а разум - всегда “у себя дома”.

Культура

Субъективная компаративистика

© 1996

Григорий Чхартишвили

Окончание. Начало см. "ПДВ", № 5, 1995.

Когда Гумберт Гумберт еще был хорошим

"Танцовщица из Идзу" Ясунари Кавабаты
и "Лолита" Владимира Набокова

*"...Мука любви неутоленной,
Еще горшая мука любви утоленной."
Т.С.Элиот "Пепельная среда"*

По остроумному замечанию Борхеса, существуют два вида литературной классики: первый все знают, но никто не читает; произведения же второго рода, которые и являются подлинной классикой, глубоки, как космос и допускают бесчисленные толкования. Именно этим замечательным свойством истинной классики и хочется воспользоваться, прибегнув к весьма вольной интерпретации двух выдающихся произведений литературы XX века. Речь пойдет о неизбежных ассоциациях, которые возникают у человека русской культуры, когда он читает новеллу Ясунари Кавабаты "Танцовщица из Идзу", самое хрестоматийно-популярное в Японии, да и за рубежом произведение японской прозы, с набоковской "Лолитой". Подобные ассоциации, "Танцовщица" вызывает, очевидно, и у иноязычных читателей - благо "Лолита" относится к тому разряду классики, которую читают все, - то восприятие этого романа именно в контексте русской литературной традиции в данном случае имеет значение. "Лолита", первоначально написанная по-английски, тем не менее является романом вполне русским, уходящим почти всеми своими генеалогическими корнями в русскую литературу. Полуангличанин-полушвейцарец Гумберт Гумберт - несомненный и прямой потомок русских литературных героев. В его родословной и Ставрогин, и герой "Записок из подполья", и Людмила из "Мелкого беса". Да и сюжет "Лолиты", как известно, впервые изложен в "русском" романе "Дар" (Борис Иванович Щеголев: "Эх, кабы у меня было времечко, я бы такой роман накатал... Вот представьте себе такую историю: старый пес, - но еще в соку, с огнем, с жа-

ждой счастья, - знакомится с вдовицей, а у нее дочка, совсем еще девочка, - знаете, когда еще ничего не оформилось, а уже ходит так, что с ума сойти..." и т.д.). Затем идея получила развитие в неопубликованном рассказе "Волшебник", тоже по-русски, да и авторский перевод романа на русский язык - безусловно факт русской литературы.

У Кавабаты описана ситуация в основных своих чертах сходная с набоковской: молодой человек, студент, испытывает любовное чувство, то чувственное, то платоническое, к девочке-танцовщице. О взаимозаимствованиях здесь речи идти не может, ибо новелла Кавабаты написана лет на тридцать ранее "Лолиты", а когда Набоков работал над своим романом, "Танцовщица" еще не была переведена с японского. Тем более интересно сопоставить эти два произведения, обыгрывающие одну и ту же коллизию: соблазнительная девочка-подросток и вождедеющий по ней взрослый мужчина. Причем главный интерес для сравнения представляет не столько сюжетное сходство, сколько авторская трактовка сложных, запуганных взаимоотношений этического и эстетического, Морали и Красоты.

В фокусе внимания обоих писателей, несомненно, находится Красота, которую Набоков называет "невесомым островом замороженного времени". Однако этическое настроение двух этих произведений различно до чрезвычайности: всякий японский (да и не только японский) читатель скажет, что "Танцовщица из Идзу" - сама чистота и нравственность, в то время как "Лолита" обычно трактуется как роман, вызывающе огрешенный от морали. Но так ли это на самом деле?

Казалось бы, "Лолита" - мало подходящий объект для этического исследования. Набоков неоднократно заявлял, что его занимает только эстетика, а до этики ему дела нет. В послесловии к роману он пишет: "Для меня рассказ или роман существует, только поскольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением, а это, в свой черед, я понимаю, как особое состояние, при котором чувствуешь себя - как-то, где-то, чем-то - связанным с другими формами бытия, где искусство (т.е. любознательность, нежность, доброта, стройность, восторг) есть норма."

В этическом контексте главное отличие "Лолиты" от "Танцовщицы из Идзу" состоит в том, что при наличии двух главных фигур - Красоты (Соблазна, Женского Идеала - назовите как угодно) и ее Ценителя - у Кавабаты Ценитель вступает с Красотой в нравственную связь, а у Набокова нет. Для Гумберта Гумберта Лолита Гейз (во всяком случае, пока она находится с ним рядом) - предмет искусства, нечто неодушевленное. И все же стержень романа - не эротические переживания и не эстетические изыски главного героя, а его нравственная мука, его раскаяние и нравственное преображение в самом конце повествования, когда артефакт по имени Лолита вдруг обретает душу и становится для Гумберта Гумберта "американской, милой, бессмертной, мертвой любовью". Раскаяние Ценителя не что иное как дань униженному чувству прекрасного. В устах набоковского героя, цитирующего "старого и едва ли существовавшего поэта", это звучит так:

Так пошლიною нравственности ты
Обложено в нас, чувство красоты!

А через десять лет после выхода романа Набоков, противореча сам себе, в одно из интервью признался: "Я не думаю, что "Лолита" - книга религиозная, но мне кажется, что это книга нравственная. И еще я думаю, что Гумберт Гумберт на завершающем этапе - человек моральный, ибо он понял, что любит Лолиту так, как и надлежит любить женщину."

Но если набоковский герой вспоминает о морали лишь в конце романа, герой Кавабаты не забывает о ней ни на минуту. Он все время помнит (да и другие ему постоянно напоминают), что он "хороший". Это слово повторяется с такой настойчивостью, что новеллу можно без труда представить в виде несложной диаграммы "хорошести" героя: вначале кривая нравственности студента, плотоядно взирающего на бродячую танцовщицу, жметя к нижней оси; потом, когда он понимает, что имеет дело с ребенком, линия резко идет вверх, а в финале, умытый "чистыми слезами" Ценитель и вовсе взмывает за облачные выси. Любопытно, что и в романе "Снежная страна" Симамура и Камако, уже не такие идеально "хорошие" и "чистые", как герой новеллы и танцовщица, продолжают повторять друг другу: "Ты - хорошая женщина", "Вы такой хороший", что уже приобретает характер некоего заклинания. Особым значением для Кавабаты наполнено слово "чистый" и его антоним. "Чистое" - это искренность, добро, красота. "Грязное" же прежде всего - плотское, сексуальное, чувственное. Символ "грязного" у Кавабаты - отвратительное родимое пятно развратной Тикако из романа "Тысяча журавлей"; оно одновременно притягивает и отталкивает главного героя. Таков и эротизм Кавабаты - или мерзок, или трагичен. Физическая любовь в мире этого писателя изначально несовместима, дисгармонирует с Красотой, ее итог - позор или смерть. Предавшаяся любви госпожа Оота из "Тысячи журавлей" убивает себя, ее дочь после "падения" бежит прочь, их соблазнитель Кикудзи не смеет коснуться своей "чистой" жены, мучая ее и себя.

В новелле "Танцовщица из Идзу" Чистота - понятие основополагающее, слово-код, дающее ключ ко всему произведению. Вначале герой страдает от того, что он "нехороший", так как его одолевают "нечистые" мысли о танцовщице. В этот "грязный" период он буквально не вылезает из горячего источника, отдавая дань подсознательному стремлению "очиститься" ("...Я не мог усидеть на месте, вновь все принимал и принимал ванны", - читаем мы.). Ночью он лежит и думает, не "валяют ли сейчас в грязи" ту, по которой он вожделеет. Затем студент узнает, что танцовщица еще совсем ребенок. Следует бурное очищение, избавление от плотского наваждения, прилив "светлой радости". Но соблазн еще не ушел. Студент перестал думать о "нечистом", но влечение к девочке осталось и даже усилилось, о чем читателю все время сообщается: "В ночной рубашке она выглядела столь чувственно, что у меня защемило в груди" и проч. При этом в новелле постоянно звучит мотив "нечистоты" женского естества: то герою говорят, что после женщин входить в горячий источник "нечисто", то блюдо с угощением "запачкано", потому что женщины уже брали оттуда палочками кусочки курятины. Зато в концовке происходит целая очистительная оргия: тут уж чистым становится решительно все - и мысли, и чувства, и слезы.

Та же антонимическая пара "чистое - грязное", "очищать - осквернять" проходит, быть может, менее назойливым, но все же вполне заметным рефреном и через всю "Лолиту". Сатир Гумберт Гумберт тоже весьма остро чувствует разницу между "чистым" и "нечистым" - разве что в отличие от японского студента "скверны" и "грязи" он не боится. Впрочем, в начале повествования и он во что бы то ни стало стремится остаться "хорошим" - хотя бы внешне. ("Гумберт Гумберт усердно старался быть хорошим. Ей-богу старался", - утверждает он.) Да и в финале это желание овладевает им вновь. Убийство Куилти не что иное, как подсознательное стремление свалить вину за осквернение Лолиты на другого и, уничтожив виновника, вернуть себе чистоту, снова стать "хорошим".

Студент же из новеллы Кавабаты избавлен от подобных мук. Он уехал от искушения (подальше от греха) и остался "хорошим" до конца. Во всяком случае, до конца рассказа. Однако жизнь героя концовкой рассказа не исчерпывается. Попробуем заглянуть за опущенный занавес и предположить, что ждет нашего студента в дальнейшем, когда слезы умиления высохнут. Очевидно, молодой (а затем и немолодой) человек еще не раз вспомнит эту встречу - не только со светлым чувством, но и как эротическое переживание, "любовь неутоленную". Не станет ли для него с годами маленькая танцовщица тем, кем стала для Гумберта Гумберта маленькая Аннелла, неутоленная любовь его отрочества? Возможно, студент просто еще слишком молод, чтобы уступить искушению - ведь по определению Гумберта Гумберта, главного эксперта по нимфеткам, желательно, чтобы разница в возрасте составляла лет тридцать-сорок.

Танцовщица - образ весьма двусмысленный, поскольку она переменчива и двоесущностна: то чиста и невинна (ребенок, ангел), то вдруг соблазнительна и вызывающе телесна (чувственная женщина, дьяволица). В ней заложены оба главных женских типажа, встречающиеся почти во всех последующих произведениях Кавабаты: женщина небесная и женщина земная, женщина-дух и женщина-тело. Два эти образа переходят из романа в роман, почти не меняясь. В "Снежной стране" это греховная, полная жизни гейша Комако и эфемерная, полупрозрачная Еко. В "Тысяче журавлей" Комако предстает в образе Тизко, а Еко становится недостижимо прекрасной Юкико. В "Старой столице" противопоставление не столь очевидно, но все же не вызывает сомнения, что Наэко олицетворяет собой землю, а Тизко - небо. И не случайно они сделаны близнецами: обе героини немислимы друг без друга, они суть деление Вечной Женщины на две составляющие, которые у Кавабаты никак не желают соединиться в одном образе. Эротическая линия в творчестве этого писателя, начатая "Танцовщицей из Идзу", завершается повестью "Спящие красавицы", действие которой происходит в экзотическом, макаберном борделе, где немощные старики предаются сладострастным утехам с усыпленными, а стало быть, беззащитными девушками (вспомним первоначальные планы Гумберта Гумберта усыпить Лолиту, то есть окончательно низвести Красоту до состояния артефакта). В этой повести обе женщины Кавабаты - одна названа Светлой, другая Смуглой - оказываются в одной постели, во власти похотливого старика Эгути. Уж не наш ли это умиленный студент, измученный одиночеством и недостижимостью любви, предчувствующий приближение смерти? Автор постарел почти на сорок лет соответственно изменился и его герой. Здесь он уже совсем не "хорош", да и вопросы морали занимают его куда меньше, чем красота.

В Нобелевской лекции Кавабата сказал, повторяя изречения средневекового монаха Иккю: "Легко войти в мир Будды, нелегко войти в мир дьявола". И добавил: "Но без "мира дьявола" нет "мира Будды". Если воспользоваться этой классификацией применительно к литературе, "Лолита" и "Спящие красавицы" - безусловно, погружение в "мир дьявола". Однако "Танцовщица из Идзу" еще вся принадлежит "миру Будды", ясному и чистому, в котором лишь едва припахивает серой. Герой легко убегает от этого пугающего и манящего запаха в безмыслие ("...голова моя словно наполнилась кристально-чистой водой...") и сладостную умиротворенность. Но от этого "мир дьявола" существовать не перестал - ни в душе героя новеллы, ни тем более в творческом воображении молодого автора. Пароход удаляется от берегов полуострова Идзу, студент (юный, пока еще "хороший" Гумберт Гумберт?) льет чистые слезы. Встреча с "миром дьявола" отложена на будущее.

Грустные книги для веселых людей

Чеховское в произведениях Масудзи Ибусэ

Бедный Чехов, извечная добыча компаративистов. Еще при жизни страдал от этого, жаловался: "Странно пишут обо мне - никогда просто о Чехове. Всегда о Чехове в сравнении с кем-нибудь. Прежде писали: "Чехов и Тургенев", "Чехов и Короленко", даже "Чехов и Мопассан". Теперь стали писать "Чехов и Горький", "Чехов и Андреев"". За миновавшие с тех пор столет с кем только Чехова не сравнивали. Теперь вот - с японским писателем Масудзи Ибусэ, родившимся в чеховские времена, а умершим совсем недавно.

Полагаю, что русский писатель, знающий Ибусэ только по переводам, выходившим в нашей стране, немало удивился бы, если б ему сказали, что японцы считают этого писателя продолжателем чеховской традиции. В Советском Союзе изданы только роман "Черный дождь" (большими тиражами, неоднократно) и три рассказа: "Боевой друг - солдатская песня", "Верноподданный командир" и "Номер винтовки", причем два последних почему-то в сокращении. Логику советских издателей понять нетрудно. "Черный дождь", посвященный хиросимской трагедии, трактовался как произведение, разоблачающее американский империализм, да и рассказы отбирались для перевода исключительно по идеологическим соображениям, как "литература в борьбе за мир", о чем говорится и в редакционных предисловиях к каждому из них. Уловить в этой прозе чеховские мотивы (даже в "Верноподданном командире", представляющем собой прямую переработку чеховского сюжета) очень трудно.

Но чеховское в творчестве Масудзи Ибусэ несомненно присутствует, причем некоторые приметы явного сходства бросаются в глаза сразу, другие спрятаны глубже. Начнем с того, что оба эти писателя - мастера одного и того же жанра, рассказа. Талант Чехова и Ибусэ ярче всего проявляется в небольших по размеру произведениях. Так называемые повести Чехова - "Степь", "Дуэль", "Три года", "Моя жизнь" - те же рассказы, только длинные. У Ибусэ то же самое можно сказать о повестях "Привокзальная гостиница", "За деньгами", "Сегодня выходной", точнее говоря, каждая из них является циклом рассказов о жизни обитателей маленькой гостиницы, или зарисовками о японских городах, или повествованием о буднях врача и т.д. Единственный настоящий роман писателя, "Черный дождь", несмотря на его всемирную известность, композиционно (то есть именно как роман) очень слаб. В нем есть невероятные по художественной силе страницы, где описывается нормальная реакция нормальных людей на аномальность происходящего или же попытки тех, кто уцелел после бомбардировки, соединить обрывки навсегда, невозстановимо распавшейся ткани прежней жизни. Однако повторение одного и того же художественного приема, чрезмерное обилие дневниковых записей разных персонажей придают повествованию искусственный, даже вымученный характер. Думается, что слова Набокова, сказанные о Чехове, можно отнести и к Ибусэ: "Чехов никогда не мог бы написать хорошего длинного романа, - он был спринтером, а не стайером. Казалось, он не мог достаточно долго держать в фокусе модель жизни, которую постигает его гений: он мог сохранить ее пеструю красочность ровно настолько, сколько требовалось для рассказа, но она отказывалась сохранять яркость и детальность, если должна была превратиться в длинный и подробный роман".

Есть у Чехова и Ибусэ общее и в другом, не столь очевидном, но гораздо более существенном аспекте: в авторском самоощущении, которым определяются и позиция писателя, и его взаимоотношения с читателем, Чехов и

Ибусэ вовсе не считают себя великими писателями. Они - не учителя человечества, им известно о бытии не больше чем нам, читателям, они чужды дидактики, какой бы то ни было авторской гордыни. Ибусэ даже говорил про себя (редкий для творческого человека случай), что он - "третьеразрядный писатель". Да и Чехов, уже в молодые годы достигший славы и превозносимый критикой, тоже оценивал свое дарование скептически. Тригорин, который, является критическим автопортретом Чехова, - писатель-профессионал, пишущий "мило и талантливо", но отнюдь не гений. Он с горечью говорит: "И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо - больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: "Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева"." И ведь как в воду смотрел автор пьесы. Умер он, и В.Розанов составил ему эпитафию почти в тех же словах: "Что Чехов? Глядсл на жизнь, что видел, то и записал. Очень милый писатель, понравился, стали читать. Но он холодный, и ничего особенного."

Вот слово - "холодный" - которое часто бросают упреком и Чехову, и Ибусэ. Чехов и в самом деле одна из наименее эмоциональных фигур в русской классике. Если воспользоваться часто цитируемым высказыванием Кое Одзаки, говорившего, что русская литература - сочащийся кровью бифштекс, в то время как японцы предпочитают рыбные блюда, - Чехова можно назвать самым "японским", самым "постным" из русских классиков. Он утверждал, что автор должен обладать объективностью химика. Читая Чехова и Ибусэ, трудно забыть о том, что перед тобой произведение литературы, что тебе описывают жизнь. Жить жизнью героев Чехова и Ибусэ, забыв о реальности, пожалуй, невозможно. Эти книги не отключают отстраненно-критического отношения к описываемым событиям (как это, например, происходит при чтении Достоевского, Толстого или Акутагавы). Чехов и Ибусэ сочувствуют своим героям, относятся с жалостью и пониманием к их слабостям и недостаткам, но сохраняют дистанцию; они - наблюдатели, диагносты. Не случайно столько персонажей у Чехова медики (не будем забывать, что и сам он был врачом). У Ибусэ любимые герои тоже часто по самой своей профессии являются наблюдателями чужих судеб, имеющими доступ к людским тайнам и душам. Это может быть опять-таки врач, участковый полицейский, служащий гостиницы и т.д. - иными словами, суррогат писателя.

Оба - и Чехов, и Ибусэ - живут в эпоху, богатую политическими потрясениями, когда большинство литераторов избирают ангажированность. Как упрекали современники Чехова за "индифферентность", как норовили затащить в лагерь борцов за светлое будущее! Но Чехов никогда не впадал в социальное или нравственное учительство, что и отличает его от большинства остальных русских классиков. Немало досталось в свое время от собратьев и Ибусэ, осмелившемуся в бурные 20-е и 30-е писать "безыдейно", легко, оставляя в стороне пролетарскую тематику.

Авторская позиция не участия, а, пусть сочувственного и заинтересованного, но всего лишь наблюдения ощутима и в нарочито смазанной, расплывчатой композиции (Джон Голсуорси назвал чеховские рассказы черепахой, спрятавшей голову и хвост, - это вполне можно отнести и к рассказам Ибусэ); еще более чувствуется она в неброском, лишенном аффектации и ярких красок, совершенно тривиальном стиле, который почему-то не обедняет, а наоборот усугубляет воздействие художественного слова. "Он (Чехов) достигал этого, оставляя слова в том же тусклом свете и в том же сером тоне, среднем между цветом старого забора и низких туч", - пишет Набоков. Классический символ лаконичного и точного чеховского описания - знаменитое

тригоринское горлышко разбитой бутылки, блестящее в свете луны: для описания ночи вполне достаточно (и, добавим, очень по-японски). Стиль Ибусэ столь же ненавязчив и столь же мощен. Очень верно охарактеризовал его Сетаро Ясуока в статье "Промывание мозгов прозой Ибусэ": "...Чтение прозы Ибусэ оказывает на меня странное воздействие, мои мысли как бы подчиняются его стилю, я бормочу себе под нос слова в духе Ибусэ, начинаю смотреть на мир его глазами. При этом спросите меня, в чем заключается стиль Ибусэ, и я затрудняюсь с ответом. Уместнее всего здесь, пожалуй, применение термина "промывание мозгов". Проза Ибусэ не бьет по голове, не пронзает сердце, а незаметно, исподволь пропитывает сознание, подчиняя его своему влиянию..."

Чаще всего в Японии поминают Чехова в связи с Масудзи Ибусэ, говоря о мягком, ироничном, негромком юморе, свойственном книгам последнего. Сходство и в самом деле бросается в глаза. У того и у другого грустное всегда немного смешно, а смешное немного грустно, они веселятся без хохота и печалются без слез, в чем, пожалуй, и состоит главное очарование обоих. Набоков заметил, что чеховские произведения - это грустные книги для веселых людей; только читатель с чувством юмора способен оценить их грусть. "Все было для него одновременно смешным и грустным, но нельзя было увидеть грустных сторон, не видя смешных, поскольку между собой они связаны". Многие персонажи Чехова и Ибусэ нелепы, но их жалко, потому что еще нелепее сама жизнь. В "Крыжовнике" есть замечательные слова о том, что за дверью у каждого довольного, счастливого человека непременно должен стоять некто, обделенный судьбой, и стучать молоточком, напоминая, что в мире есть и несчастье. Этот "молоточек" слышен всякий раз, когда Чехов и Ибусэ смеются.

Их путь в литературе имеет общие черты: оба начинали как авторы легкомысленных, "глупых" юморесок. Затем смех стал приглушеннее, мягче, и в конце концов и тот, и другой открыли для себя собственный реалистический стиль. Интересно наблюдать, как по-разному звучит смех двадцатипятилетнего Чехова и пятидесятилетнего Ибусэ при описании одной и той же ситуации. Я имею в виду рассказ "Верноподданный командир" (1950), представляющий собой переработку "Унтера Пришибеева" (1885). Рассказ Ибусэ о сумасшедшем лейтенанте, жертве недавно закончившейся войны, который требует от соседей соблюдения воинской дисциплины и изъявления верноподданических чувств, несравненно глубже и интереснее. У Чехова это просто сатира; у Ибусэ сатирическое осуждение военно-патриотического психоза, разумеется, тоже присутствует, но в то же время есть и нечто большее - горечь по поводу исковерканной человеческой жизни и жалость к тому, на кого у молодого Чехова сочувствия не хватило.

Излюбленный прием "грустного" веселого писателя, не верящего в героизм и патетику, привыкшего скептически относиться к громким чувствам, - эффект снижения, то есть нарочито комическая разрядка героической или трагической ситуации. Оба наших писателя прибегают к этому приему постоянно. Классический пример - падение с лестницы возвышенно мыслящего и чувствующего Пети Трофимова. Неоднократно возникают подобные казусы и в произведениях Ибусэ. В рассказе "Боевой друг - солдатская песня" сразу вслед за повествованием о героической гибели олимпийского чемпиона барона Ниси, не пожелавшего сдаться в плен американцам на Иводзиме, следует фарсовая развязка с кражей бумажников у поющих хором сотрудников фирмы. Даже в "Черном дожде", где уж, казалось бы, ни писателю, ни читателю не до смеха, Ибусэ не может удержаться от буффонады, в данном случае граничащей с черным юмором. Например, в разрушенном ударной волной

ядерного взрыва доме главного героя на стене красуется календарь с жизне-радостным призывом: "Никогда не унывай!" Или возьмем начало повести "За деньгами". Описана трагическая ситуация - осиротел маленький мальчик. Далее автор берет еще более прочувствованную ноту: движимые жалостью к несчастному ребенку герои решают забросить все дела и отправиться по городам и весям, чтобы собрать долги, в свое время не отданные отцу мальчика. Но тут расчувствовавшегося читателя ожидает неожиданно комический поворот. Выясняется, что у добрейшей Комацу-сан в каждом из городов, где живут многочисленные должники, непременно обнаруживается по бывшему любовнику.

Кстати уж несколько слов и о Комацу-сан. Такая героиня - красивая, зрелая, циничная женщина - вызывает у Чехова и Ибусэ примерно одинаковую гамму чувств: ироничное, насмешливое и в то же время безусловно восхищенное любованием. Женщины этого сорта, все эти Аркадины и Раневские или Комацу-сан и Мадам (из новеллы Ибусэ "Стул с высокой спинкой") явно интереснее для наших авторов, чем юные поэтические девушки и добродетельные женщины, получающиеся у них куда менее живыми...

Я много пишу о сходстве между Ибусэ и Чеховым, но, пожалуй, не меньший интерес представляют аспекты, в которых проявляется их различие - скажем, когда они дают разные ответы на один и тот же вопрос, по-разному интерпретируют похожую ситуацию. В этом смысле примечателен самый знаменитый рассказ Ибусэ "Саламандра". Первое впечатление от этого небольшого произведения: совсем "русский" рассказ, весь построенный на мотивах русской литературы. При этом очевидная, напрашивающаяся параллель - не с Чеховым, а с Салтыковым-Щедриным. Любой русский, прочтя "Саламандру", воскликнет: "Да ведь это "Премудрый пескарь"! "Как помнит читатель, в "Премудром пескаре" описана история боязливого и осторожного мизантропа-пескаря, добровольно затворившегося от жизненных потрясений в подводной норе. Когда-то в советских школах детей учили, что это сатира на обывателя-интеллигента, уклоняющегося от общественной жизни и революционных бурь. Взглянем с этой точки зрения на рассказ Ибусэ. Итак, некоей саламандре чрезмерно большая голова (явный намек на интеллигенцию) мешает выбраться из пещеры (прозрачный символ индивидуализма). При этом внешняя жизнь, всякие там рыбешки и козявки, вызывают у саламандры лишь презрение и насмешку. Когда в пещеру случайно попадает лягушка, саламандра поступает по известному мизантропическому принципу "если мне плохо, пусть тебе будет еще хуже" и перекрывает выход. Если бы рассказ на этом кончался, можно было бы сказать - что ж, сатирическая аллегория в духе Щедрина, нас этим не удивит. Но концовка "Саламандры" все меняет: перед смертью ненавидящая свою мучительницу лягушка вдруг ее прощает и умирает умиротворенная. Это что-то уж совсем не по-щедрински. Сам Ибусэ, говоря об источнике, из которого почерпнут сюжет, называет другое произведение русской классики - чеховский рассказ "Пари", где социальной сатиры нет и в помине, а речь идет о просветлении, которого достигает человеческая душа, преодолевшая страдание и отчаяние. Молодой человек, добровольно обрекший себя на пятнадцатилетнее одиночное заключение, превращается у Ибусэ в лягушку, а соблазненный его двумя миллионами банкир - в саламандру. И у Чехова, и у Ибусэ "лягушка" в финале достигает своеобразного сатори, отказавшись от выигранных денег или простив врага.

Однако думается, что у "Саламандры" есть и еще один источник - чеховский рассказ "Враги", в котором двое несчастных, озлобленных людей (один потерял сына, второй - жену) вымещают друг на друга горе и обиду,

бесконечно долго осыпая собеседника оскорблениями и чудовищными упреками, совсем как саламандра и лягушка. Только концовка во "Врагах" иная: антагонисты, помещик Абогин ("саламандра", заманившая оппонента в свою "пещеру") и врач Кириллов (попавшая в западню "лягушка") расходятся непримиренными, и "обида остается в уме доктора до самой могилы" - таковы последние слова рассказа.

И Чехову, и Ибусэ в "Пари" и "Саламандре" конец дался нелегко - над ним как бы витала невидимая тень "Врагов". Любопытно, что в результате русский и японец пришли к решениям диаметрально противоположным. В первом варианте рассказа "Пари" (тогда он назывался "Сказка") обретший было просветление герой прибежал к банкиру и умолял его выплатить хоть часть обещанной суммы - сатори оказывалось ложным. Затем Чехов вычеркнул последнюю часть, и рассказ принял свой настоящий вид. Ибусэ двигался в обратном направлении: уже в восьмидесятые годы для нового издания он, к возмущению всей Японии, полвека изучавшей его "Саламандру" в школе, переделал концовку. На исходе долгой жизни старый писатель отдал предпочтение развязке "Врагов" - слова примирения и прощения исчезли, лягушка умирает ожесточенной и непростившей.

Как знать, не вернулся ли бы к первоначальному варианту и Чехов, проживи он на свете столь же долго? Вопрос совершенно праздный - хотя бы уже потому, что представить себе состарившегося Чехова невозможно. Все его недолгое творчество, по выражению Набокова, - это движение к смерти, увядание, угасание. Таковы и любимые чеховские герои, красивые и бесполезные люди, много и умно говорящие, но обреченные на раннюю, печальную смерть - как сам автор. Ибусэ же при том, что в его произведениях много грустного, все же несет в себе мощный заряд жизненной силы. Как заметил Сетаро Ясуока, если Осаму Дадзай чувствовал себя одним из обреченных дворян "Вишневого сада", то в Масудзи Ибусэ несомненно присутствует жизнестроительное лопахинское начало.

Вряд ли случайно, что влияние Чехова в основном ощущается в ранней, довоенной прозе Ибусэ, когда писатель сам еще, так сказать, находился в чеховских годах. В том возрасте, когда Чехов умер, Ибусэ отправился на мировую войну, где ему было суждено увидеть иную, звериную сторону бытия. Можете ли вы представить себе Чехова, описывающего трагедию Хиросимы? Это был бы какой-то уже совсем иной Чехов, и неизвестно, сколько в нем осталось бы "чеховского".

Научная жизнь

Вручение дипломов "Почетный доктор ИДВ РАН"

В октябре-декабре 1995 г. на заседаниях Ученого совета Института Дальнего Востока были вручены дипломы почетных докторов ИДВ РАН ряду видных зарубежных ученых за выдающийся вклад в развитие востоковедения и научных связей с Россией.

Диплом "Почетного доктора ИДВ РАН" был вручен президенту Национального комитета по американо-китайским отношениям (Нью-Йорк, США) Дэвиду М. Лэмтону. Доклад профессора Лэмтона на заседании Ученого совета публикуется в этом номере.

Диплом почетного доктора был вручен директору по науке Национального Центра научных исследований (Париж, Франция) Марианн Бастид-Брюгьер. При вручении диплома профессор М.Бастид-Брюгьер выступила с докладом "Государственные жертвоприношения и императорская власть в последние годы правления династии Цин".

Диплом "Почетный доктор ИДВ РАН" был вручен директору Института количественных технико-экономических исследований АОН КНР, профессору Ли Цзинвэню.

За выдающиеся заслуги в изучении, переводе и пропаганде русской литературы и культуры в Китае диплом почетного доктора был вручен также профессору Пекинского университета Ли Минбиню. Ниже публикуется выступление профессора Ли Минбиня при вручении диплома:

К русской культуре я пришел давно. Когда я был еще школьником, начал читать произведения русской и советской литературы в переводе проф. Цао Цзинхуа. Именно тогда и решил пойти по его стопам. В 1953 г. я поступил на факультет русского языка и литературы Пекинского университета. После окончания университета я остался в этом вузе преподавателем. Был помощником проф. Цао Цзинхуа, который возглавлял наш факультет. Когда Цао Цзинхуа готовил к изданию трехтомную "Историю русской и советской литературы", я был заместителем главного редактора и занимался организационной работой. Это издание стало первым в Китае комплексным научным трудом о русской и советской литературе. До того времени китайские ученые не осмеливались писать аналитические работы о русской и советской литературе, считая, что советские литераторы, руководствовавшиеся принципами марксизма-ленинизма, все пишут правильно. Наш же долг заключался в том, чтобы переводить их труды. Мы тогда придерживались принципа "учиться у

старшего брата". Первый том "Истории" вышел в 1989 г., а уже в 1992 г. был удостоен государственной премии правительства КНР.

Что касается лично меня, то моя творческая деятельность развивалась в трех направлениях.

Первое - исследование русской и советской литературы. Второе - страноведение, изучение общества и культуры народов Советского Союза и России. Третье - сравнительный анализ русской и китайской литератур.

По первому направлению я написал более ста двадцати работ. Из них бы выделил следующие: коллективный труд "Очерки современной советской литературы" - главный редактор; "История европейской литературы" (в соавторстве); "История зарубежной литературы" (в соавторстве) и ряд статей о творчестве Пушкина, Тургенева, Л.Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Фадеева, Шолохова и др. Когда у нас после "культурной революции" был переиздан перевод "Молодой гвардии", я написал предисловие к этому изданию, а также предисловия к переводам романов Л.Толстого "Война и мир" и "Воскресение", вышедшим в государственном издательстве "Жэньминь вэньсюэ".

Среди моих переводов мне особенно дороги "Воспоминания Анны Достоевской", "Воспоминания о Пушкине", "Чехов в воспоминаниях современников".

К изданию избранных произведений в трех томах писателей, получивших Нобелевские премии, я перевел произведения русских лауреатов.

Второе направление - по заказу Государственного комитета просвещения для вузов Китая мы написали учебное пособие "Советский Союз", которое было издано в 1986 г.; я участвовал в этой работе в качестве главного редактора. Насколько мне известно, московский журнал "Книжное обозрение" охарактеризовал этот учебник как первый в Китае труд, в котором объективно и всесторонне освещена история Советского Союза.

Третье направление - подготовка и публикация статей о советских синологгах и китайских русистах, в частности об академиках Алексееве и Васильеве, о Федоренко, Эйдлине, Рифтине, Титаренко, Сорокине, Цао Цзинхуа, Цюй Цюбо, Чжан Симане, Лю Чжэлуне. Результатом моих многолетних исследований в этом направлении явились следующие работы: "Китайская литература в России и Советском Союзе", "Китайская культура в России", "Культурные связи между Китаем и Россией".

Еще одно направление моей деятельности - преподавательская работа. После ухода проф. Цао Цзинхуа, я был назначен деканом факультета русского языка и литературы Пекинского университета и одновременно был директором Института по изучению Советского Союза, переименованного ныне в Институт России, при Пекинском университете. За 38 лет моей преподавательской работы наш факультет выпустил сотни специалистов по русскому языку. Наши выпускники работают практически во всех министерствах, государственных комитетах, посольствах, учреждениях, банках и компаниях, имеющих отношения с Россией и странами СНГ.

Что касается моих творческих планов, то я собираюсь написать книгу о русской неофициальной литературе XX века. Кроме того, наш Институт готовит сводный словарь о китайских русистах и специалистах по странам Восточной Европы. Мы считаем, что эти работы помогут нам подготовить новые учебники о России, учитывающие изменения, которые произошли за последние годы.

Япония и проблемы безопасности в АТР

Симпозиум в ЦИЯ ИДВ РАН

15 ноября 1995 г. Центр исследований Японии ИДВ РАН провел научный симпозиум в рамках Проекта "Япония и перспективы новой системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе", осуществляемого под патронажем Центра исследований современной Японии и Японского фонда. В симпозиуме участвовали научные сотрудники академических центров Российской академии наук, в том числе Института Дальнего Востока, Института востоковедения, Института мировой экономики и международных отношений, Института сравнительной политологии, Института военной истории и Научно-исследовательского центра Министерства обороны РФ.

Главная цель симпозиума, как подчеркнул руководитель Проекта главный научный сотрудник ЦИЯ ИДВ РАН, доктор исторических наук **В.Н.Бунин**, состояла в том, чтобы выявить точки зрения российских ученых на подходы Японии к обеспечению безопасности в СВА и АТР, исследовать роль и место Японии в общем процессе формирования нового многостороннего механизма обеспечения безопасности в чрезвычайно важном для национальных интересов Российской Федерации регионе.

Вторым аспектом цели симпозиума явилось выявление и использование для российского опыта некоторых полезных элементов японской оборонной политики и концепций обеспечения национальной безопасности.

Во вступительном докладе, посвященном национальным интересам Российской Федерации в АТР, директор Института Дальнего Востока, профессор **М.Л.Титаренко** особо подчеркнул, что России, великой тихоокеанской державе, необходима адаптация к политическим и международно-правовым реалиям АТР. При проведении внешнеполитической восточноазиатской стратегии следует отказаться от мессианской коммунистической идеологии и экспансионизма, стремиться к тому, чтобы значительная военная мощь из всеобщего "пугала" преобразовалась в весомый фактор региональной стабильности. Для достижения своих целей России следует активнее использовать невостребованный до сих пор экономический и научно-технический потенциал, развивать уже накопленный позитив во взаимоотношениях с рядом стран региона.

Нашей дипломатии, научным и общественным кругам следует настойчиво добиваться, чтобы РФ была достойно представлена во всех создающихся интеграционных структурах (экономических, а возможно и политических) в регионе, преследующих целью обеспечение всеобъемлющей безопасности, мира, стабильности и процветания в регионе. Главное, отметил **М.Л.Титаренко**, не допустить, чтобы Россия была проигнорирована в создании новой модели обеспечения безопасности в АТР, поскольку наблюдаются явные тенденции оставить ее за пределами многостороннего интеграционного процесса.

Обсуждение Проекта проходило по четырем главным разделам: правовые, социально-политические и экономические основы оборонной политики Японии и ее концепций безопасности; механизм принятия политических решений по военной политике; государства АТР и Япония в процессе формирования новой модели безопасности в АТР; развитие взаимовыгодного сотрудничества между государствами АТР и прежде всего между Россией и Японией.

Всего было заслушано 15 докладов. Доктор экономических наук **В.Н.Хлынов** в своем докладе "Послевоенное развитие Японии по мирному пути в свете безопасности в АТР" акцентировал внимание на том, что роспуск "дзайбацу", составлявших основу военно-промышленного комплекса милитаризма, а также проведенная в короткие сроки конверсия военной промышленности, создали предпосылки для того, чтобы направить промышленное производство на выпуск высококонкурентной коммерческой продукции, что позволило вывести страну на путь интенсивного экономического, мирного развития.

Принятая в 1947 г. демократическая конституция Японии заложила фундамент для неучастия Японии в гонке вооружений, а наличие в ней антивоенной 9-й статьи делало ее внешнюю политику привлекательной и предсказуемой. Такой вывод сделан в докладе кандидата исторических наук **И.А.Цветовой** "Мирная конституция как фактор стабильности и предсказуемости внешней политики Японии". Общий оборонный курс характеризуют принятые парламентом Японии законы и принципы, которые позволили японскому правительству осуществлять умеренное оборонное строительство, опираясь на прикрытие американского "ядерного зонтика". Это дало возможность Японии вкладывать огромные средства в развитие экономики и научно-технического потенциала, благодаря чему страна к 70-м годам вышла на вторые позиции в мире по многим экономическим показателям.

Как могучее экономическое государство Япония все активнее проявляет себя в качестве ведущей региональной силы, способной решать вместе со всем мировым сообществом глобальные политические задачи. Ее стремление занять постоянное место в СБ ООН поддерживается азиатскими государствами и многими членами мирового сообщества.

Научный сотрудник ИДВ РАН **Н.П.Дмитрисевская** в своем докладе о политическом взаимодействии Японии и США по проблемам безопасности констатировала, что во времена холодной войны в АТР сложилась американо-азиатская система безопасности, основанная на двусторонних договорах США с Японией, Республикой Корея, Филиппинами и Таиландом. Эта система, основу которой составлял японо-американский альянс, обеспечивала общую стабильность в регионе и поддерживалась большинством государств региона. Поэтому, когда речь заходит о формировании новых моделей многосторонней системы безопасности в АТР, не только США и Япония, но и многие другие государства активно противятся этому процессу, считая, что в будущей конструкции необходимо безусловное сохранение японо-американского договора безопасности и присутствия американских войск в АТР.

Япония и США вряд ли допустят появление новых политических структур в регионе. По их мнению, обеспечение безопасности должно строиться на принципах развития экономического сотрудничества и интеграции, которые вполне могут заменить все политические структуры, поскольку главная военная опасность в регионе после распада Советского Союза устранена.

Доктор исторических наук **В.Н.Бунин** остановился на изменениях в подходах руководства Японии к военному строительству. 28 ноября 1995 г. правительство Японии приняло пересмотренные Основные направления программы национальной обороны на период с 1996 г. Предусматривается

20-процентном сокращении штатной численности сухопутных войск Японии, снижении количества вспомогательных подразделений, сокращении на 10-20% танков, артиллерии, самолетов и боевых кораблей. Но в то же время делается акцент на модернизацию армии, создание мобильных компактных подразделений, оснащенных их штурмовыми самолетами нового поколения, разработке совместно с США единой ракетной системы.

Одновременно принят план "Нового видения" Японо-американского договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности 1960 г., из которого изъяты пункты идеологической направленности. Основная цель японо-американского альянса состоит не только в обороне Японии, но и в разработке совместных мероприятий по обеспечению стабильности, безопасности, мира и процветания в АТР.

На симпозиуме высказывалось опасение, что нынешнее коалиционное правительство Токио вряд ли сможет пойти на более радикальные позитивные изменения в оборонной политике. На это, в частности, обращалось внимание в обстоятельном докладе кандидата исторических наук **А.И.Сенаторова** "Перемены в расстановке политических сил в Японии и проблемы обеспечения мира и безопасности".

Руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН, кандидат исторических наук **В.Н.Павлятенко** в докладе "Концепция экономической безопасности в Северо-Восточной Азии", касаясь Японии, отметил, что свою главную цель руководство страны видит в проведении эффективной политики в экономической безопасности, то есть поддержания дружественных отношений со всеми странами, которые являются поставщиками сырья, энергоресурсов и продовольствия, обеспечение совместно с США безопасности торгово-морских коммуникаций, создание в стране в нужных количествах неприкосновенных запасов сырья, продовольствия и энергоресурсов, чтобы гарантировать выживаемость Японии в кризисных ситуациях.

Помимо создания органов экономической интеграции типа АТЭС, куда пока нет доступа для России, и постминистерского совещания АСЕАН, которые, по мнению участников регионального процесса, способны решать все вопросы обеспечения безопасности, Япония готова участвовать в многостороннем переговорном механизме лишь для решения одноразовых проблем без создания постоянных органов. Токийское руководство убеждено, что двусторонний диалог более эффективен, примером чему служит политическое урегулирование на Корейском полуострове. Япония по-прежнему считает, что без полной нормализации российско-японских отношений и урегулирования военно-политической ситуации в Корее, подлинной безопасности в регионе вряд ли можно добиться. В то же время она осознает, что новые региональные вызовы, бесконтрольное распространение ядерного оружия, торговля наркотиками, терроризм, экологические проблемы, региональные конфликты необходимо решать всем государствам сообща, для чего следует разрабатывать совместные мероприятия и учреждать своего рода пункты контроля и урегулирования возникших ситуаций.

В докладе "Российско-японские отношения и пути их улучшения" доктор исторических наук **А.П.Марков** подчеркнул, что для решения вопроса о полной нормализации отношений между двумя странами на новой основе необходимо резко повысить уровень доверия друг к другу, сделать российскую политику безопасности открытой, предсказуемой, транспарентной, разрушить сложившийся веками "образ врага" между странами, налаживать взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество без всяких дискриминационных ограничений в торговле, подписать мирный или другой вид договора, в кото-

ром наметить пути решения территориальной проблемы. Важно, чтобы шаги и инициативы были двусторонними.

На симпозиуме были представлены и другие доклады, которые внесли существенный вклад в разработку темы Проекта и способствовали его успешному завершению. Можно отметить зачитанный на симпозиуме обстоятельный доклад доктора юридических наук **В.Н.Еремина** "Правовые основы оборонной политики Японии". На разработке мер военного доверия между государствами региона и перспективах развития разоруженческого процесса в АТР остановился в своем выступлении представитель Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук **А.В.Шлындов**. Заместитель директора Института военной истории МО ЗФ, доктор исторических наук **В.П.Зимонин** дал оценку официальным взглядам японского командования на использование вооруженных сил страны.

Несомненный интерес вызвали доклад кандидата политических наук **А.В.Семина** о японо-китайском экономическом сотрудничестве и его месте в решении проблемы региональной безопасности, выступление м.н.сотрудника ИДВ РАН **Л.В.Копыловой** о вкладе Японии, имеющей богатый опыт в решении экологических проблем, в региональные меры по защите окружающей среды.

На основе материалов симпозиума предполагается выпуск коллективной монографии.

Корейский полуостров: все новые проблемы

30 октября 1995г. в ИДВ РАН состоялся российско-южнокорейский симпозиум, посвященный проблемам безопасности на Корейском полуострове и возможной роли России в их решении, состоялся 30 октября 1995 г. в ИДВ РАН.

В нем приняли участие заместитель директора ИДВ, член-корреспондент РАН В.С.Мясников, руководитель Центра корейских исследований ИДВ В.П.Ткаченко и сотрудники этого центра А.З.Жебин и Р.В.Савельев, а также прибывшая из Сеула группа ученых Исследовательского института национального объединения (РИНУ) - Су Гык Сон, Пак Ен Гю, Кан Вон Сик и Е Ин Гон. Этот институт является ведущим государственным научным центром по изучению всего комплекса проблем воссоединения Кореи и играет роль своего рода "мыслящего танка" для министерства по делам национального объединения и других правительственных ведомств по этой тематике.

В своем докладе В.С.Мясников указал на два важных фактора, определяющих политику России на Корейском полуострове: во-первых, Россия в своей политике понимает и учитывает существование общекорейских национальных интересов, во-вторых, ей необходимо считаться и с известной непредсказуемостью развития объединенного корейского государства.

Остановившись на роли российско-американских отношений в формировании ситуации в АТР и на Корейском полуострове в частности, докладчик отметил, что США не заинтересованы в усилении влияния России в делах СВА, что расходится с позицией ряда других стран СВА, которые хотели бы опереться на Россию как на противовес США в регионе. В этой связи он обратил внимание на то, что американцы "не столько уходят из АТР, сколько меняют структуру войск".

Между тем Россия считает, что безопасность в регионе может быть достигнута только на основе сотрудничества. Именно этот принцип Москва кладет в основу своей политики в Корею. Подвергнув критике попытку устранить Россию от участия в корейском урегулировании, В.С.Мясников подчекнул, что "Россия может и должна выступать в качестве одного из гарантов безопасности на Корейском полуострове, т.е. последовательно выступать против размещения американских вооружений и вооруженных сил на Юге и наращивания военных усилий на Севере. Особенно если эти усилия касаются ядерной сферы."

Российская сторона, отметил он, убеждена, что путь к укреплению безопасности на Корейском полуострове и следовательно в АТР в целом лежит через налаживание межкорейского диалога, оживление экономических связей двух корейских государств. Россия стремится к добрососедским дружественным отношениям с КНДР и к отношениям взаимного взаимодополняющего партнерства с РК.

В.П.Ткаченко обратил внимание на то, что несмотря на ряд соглашений, подписанных между Севером и Югом, Корея продолжает жить по законам военного времени. Достижение объединения на деле не стало политиче-

ским приоритетом в обеих корейских государствах: для Сеула более важным остается сохранение военного союза с США, в Пхеньяне же опасаются, что в случае быстрого сближения с Югом произойдет размывание политической системы КНДР и под угрозой будут поставлены ее социальный строй и судьбы миллионов людей.

В этой связи докладчик выдвинул идею "контролируемого" сближения в Корее, "когда каждая из сторон может приостановить процесс сближения в любое время, если почувствует в нем угрозу для своих интересов", ибо именно опасения потерять контроль над этим процессом, оказаться неспособным влиять на ход и темпы объединения сдерживают обе стороны в желании идти на сближение.

Позиция России по корейской проблеме, сказал он, будет зависеть от того, насколько процессы, происходящие в Корее, будут затрагивать российские интересы на полуострове и в регионе. Россию преждевременно списали в разряд бывших великих держав, с интересами которой можно не считаться. подчеркнул В.П.Ткаченко.

Д-р Е Ин Гон в своем докладе, посвященном южнокорейскому видению системы безопасности, складывающейся в СВА после окончания "холодной войны", отметил, что, наряду с положительными тенденциями, вызванными главным образом разрядкой между Россией и США, в регионе наблюдается ряд процессов, вызывающих озабоченность в Республике Корея. К их числу относятся стремление Японии повысить свою роль в мире, наращивание вооружений в Японии, Китае и Северной Корее, соревнование США и России в экспорте вооружений и возможность конфликтов из-за территориальных споров.

Что же касается Корейского полуострова, то там, по его мнению, наблюдается две тенденции. Первая состоит в возрождении процесса отхода от холодной войны, что находит свое выражение в улучшении отношений между США и КНДР и возобновлении контактов между КНДР и Японией об установлении дипломатических отношений. С другой стороны, считает южнокорейский ученый, из-за отказа Севера пойти на улучшение отношений с Югом между двумя частями страны сохраняется взаимное недоверие и враждебность, характерные для эпохи "холодной войны".

С точки зрения Е Ин Гона, которую, судя по публикациям на эту тему, разделяют в РК многие, Россия могла бы внести вклад в решение корейской проблемы путем "обмена информацией" о ядерной программе КНДР, а также оказав поддержку позиции РК по вопросу о замене соглашения о перемирии в Корее на мирное соглашение (договор). России также не следовало бы продавать оружие Северной Корее и противодействовать попыткам Пхеньяна осуществлять импорт ядерных материалов и технологий по нелегальным каналам. Кроме того, от России ожидают помощи в вовлечении КНДР в многосторонний диалог по вопросам безопасности в СВА, прежде всего на неправительственной основе. К участию в таком неофициальном диалоге приглашаются и Россия.

Д-р Кан Вон Сик в своем докладе подробно аргументировал позицию РК по проблеме создания нового механизма поддержания мира в Корее взамен нынешнего, закрепленного в Соглашении о перемирии от 1953 г. По его мнению, хотя Сеул в то время и не подписал этот документ, тем не менее именно РК, а не США является участницей соглашения и поэтому новый документ должен стать предметом переговоров между Севером и Югом Кореи, а не между КНДР и США, как на этом настаивают в Пхеньяне. Цель, которую при этом преследует КНДР, считает он, заключается в том, чтобы добиться

вывода американских войск из Южной Кореи и тем самым обеспечить военное преимущество Севера над Югом. Он указал, что действия КНДР, фактически парализовавшей работу Военной комиссии по перемирию и Комиссии нейтральных государств по наблюдению за перемирием, идут вразрез с ее обязательствами, содержащимися в подписанном в конце 1991 г. Соглашении о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между Севером и Югом Кореи.

Он также выразил надежду на то, что Россия повлияет на Северную Корею с тем, чтобы изменить ее позицию по данной проблеме и не будет включать в новый договор с КНДР статей, которые могут придать отношениям двух стран характер военного союза.

В ходе состоявшейся затем открытой дискуссии российские участники симпозиума обратили внимание своих сеульских коллег на известную непоследовательность практической политики РК по вопросам объединения и порой встречающиеся несоответствия с официально провозглашенным курсом. С.н.с. Центра корейских исследований А.З.Жебин, в частности, отметил, что за два с половиной года пребывания у власти нынешней администрации президента Ким Ен Сама на посту заместителя премьера, министра по делам национального объединения - главного лица в правительстве, ответственного за отношения с КНДР - побывало 5 человек, причем это были деятели с порой противоположными взглядами на методы и темпы решения этой задачи. Идея перекрестного признания, отметил с.н.с. Р.В. Савельев тоже реализована только наполовину - США и Япония не спешат нормализовать отношения с КНДР, хотя в свое время Сеул официально обещал этому всячески способствовать.

По общему мнению участников, встреча оказалась весьма полезной для уяснения новых тенденций в подходах обеих сторон к сложной проблеме корейского урегулирования, позволила критически обозреть широкий спектр мнений, дискутируемых в настоящее время как в научном сообществе, так и в правительственных ведомствах заинтересованных стран.

Достигнута договоренность продолжить контакты и рабочие встречи между учеными ИДВ РАН и РИНУ по этой проблеме.

Рецензии

Barry NAUGHTON. *Growing out of the Plan: Chinese Economic Reform 1978-1993*. Cambridge University Press, 1995. 379 pp.

Несколько лет назад известный американский синолог Х.Хардинг высказал опасение, что возрастающая специализация ученых, занимающихся современным Китаем, увлечение исследованием узких конкретных тем может обернуться утратой навыков и стремления писать работы обобщающие (In: Shambaugh, David (ed.) *American Studies of Contemporary*). Своей работой "Вырастающая из плана: китайская экономическая реформа 1978-1993", посвященной осмыслению феномена экономических преобразований в КНР как единого целого, известный специалист по экономике Китая из Калифорнийского Университета в Сан Диего Барри Наутон убедительно доказывает, что опасения Х.Хардинга пока сбываются не в полной мере.

Ключом к разгадке многочисленных тайн китайской реформы (среди которых главная состоит в том, что реформа в целом оказалась успешной, тогда как многие конкретные ее направления не достигли намечавшихся целей) и выявлению глубинной логики скрупулезно описанного процесса преобразований Барри Наутон избрал соотношение плановых и рыночных начал в экономической жизни страны с конца 70-х годов. Такой подход объясняет само название книги и предопределяет структуру работы, базирующуюся на выделении в китайской реформе трех фаз - "птицы в клетке" (1979-1983) - по широкому известному выражению Чэнь Юня, уподобившего рынок птице, а план-клетке, в которой это птица содержится, - "взлета реформ" (1984-1988), связанного прежде всего с деятельностью Чжао Цзяня, и, наконец, решающего поворота к рыночной экономике (1989-1993).

Пожертвовав ради целостности картины подробным описанием преобразований в аграрной и внешнеэкономической сферах, Б.Наутон сосредоточил основное внимание на реформе в промышленности (как опре-

деляющего компонента планово-распределительной экономики), поисках целевой модели преобразований, на практических шагах, обеспечивших реальное развитие процесса "маркетизации" экономики, причем иногда вопреки воле руководства страны, на взаимодействии динамики и перилетий реформы с эволюцией общей макроэкономической ситуации в Китае.

"Политическая позиция" автора выглядит предельно ясной: признавая некоторые заслуги "консерваторов", или, говоря точнее, сторонников сильного планового начала в экономической жизни Китая, прежде всего в создании благоприятных стартовых условий для быстрого "взлета" реформы и в постоянной заботе о сохранении макроэкономической стабильности в стране, автор, тем не менее, всецело симпатизирует не им, а радикальным реформаторам, действовавшим небезошибочно, но искупившим свои грехи окончательно состоявшимся (по мнению Б.Наутона) укреплением Китая на рыночной стезе.

Говорить о достоинствах книги Б.Наутона довольно трудно, поскольку вся она представляется одинаково интересной и высоко информативной (при этом автор удачно избежал простого перечисления общеизвестных фактов). Такая книга могла быть написана только человеком, который изучал экономическую реформу в Китае последовательно-постепенно, шаг за шагом отслеживая все нюансы развития процесса. Судя по всему, данная работа - своего рода итоговая для Б.Наутона, суммирующая опыт, методологию и достижения его предыдущих исследований.

Мне лично импонирует сам стиль изложения, отсутствие столь популярной ныне математики (хотя кому-то это может показаться старомодным), умело дозированных юмор. Наутон не отказывает себе в удовольствии обыграть набившее оскомину клише "переходить реку, нащупывая кам-

ни", которое непомерно часто, а главное без проныкновения в суть самих слов, используется всюду в мире для характеристики особенностей китайской экономической реформы. Два его обращения к данной метафоре заслуживают цитирования. Как считает Б.Наутон, во-первых, "на протяжении значительной части реформенного процесса китайские лидеры не столько систематически укладывали камни, чтобы перейти реку, сколько плутали в болоте" (с. 22) и, во-вторых, китайские политики "начали класть камни, наступывая которые можно было бы пересечь реку, только после провала попыток построить надежные опоры для моста" (с. 131).

Среди рассмотренных автором проблем и тем хотелось бы выделить следующие.

Во-первых, Б.Наутон прямо увязывает сам по себе запуск реформ в Китае (вроде бы необязательный на переживаемой страной стадии индустриализации) и их начальный успех с переориентацией стратегии развития страны. Наутон констатирует, что еще в 1977-1978 гг. институты китайской экономики эволюционировали отнюдь не в направлении реформы, а скорее в сторону традиционной модели советского типа. Однако быстро выявившаяся несостоятельность десятилетнего плана на 1976-1985 гг. просигнализировала, что что-то здорово не в порядке в самой стратегии развития страны, что экономическая система Китая и прежде всего планирование не справляется даже с теми немногими целями, для реализации которых, собственно, и предназначена командная экономика. Соответственно, первоначальная приверженность реформам была в некотором смысле побочным эффектом переориентации стратегии развития, отправной точкой которой и стал знаменитый 3-ий пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 г. А явившаяся первым практическим шагом в деле такой переориентации политика урегулирования экономики с ее переносом центра тяжести на легкую промышленность, сельское хозяйство, расширение каналов трудоустройства городского населения сыграла первоочередную роль в создании благоприятной макроэкономической среды для достаточно успешного старта реформы. Как человек, непосредственно наблюдавший в эти годы за экономической жизнью Китая по долгу службы в советском посольстве в Пекину, хочу всецело солидаризироваться с интерпретацией экономических процессов в КНР

на рубеже 70-80-х годов, данной в книге Б.Наутона.

Во-вторых, центральной частью книги можно считать анализ Б.Наутоном второго этапа реформ. По мнению автора, главными отличительными чертами реформенного процесса в Китае в период 1984-1988 гг. явились, с одной стороны, последняя попытка и окончательный крах так называемых "рационализирующих реформ", ориентированных главным образом на совершенствование планово-распределительного механизма, а с другой - формирование и быстрое развитие двухколейной системы функционирования экономики, которая, зародившись как вынужденный ответ на специфическую экономическую ситуацию, превратилась для Китая в подлинную стратегию реформы рыночного типа. На мой взгляд, совершенно справедлива точка зрения Наутона (разделяемая далеко не всеми как в самом Китае, так и за его пределами), согласно которой неверно было бы утверждать, что экономический рост в Китае в годы реформ был связан не с государственным сектором и шел вопреки плохим результатам его работы. Как раз наоборот, без заметного расширения производства в государственном секторе экономический рост не был бы столь впечатляющим, и, кроме того, допущение большей свободы действий госпредприятий на рынке стало одним из решающих факторов "маркетизации" экономики страны.

В-третьих, представляется весьма нетривиальной трактовка Б.Наутоном "послетьяньаньмэньского" этапа экономической жизни Китая 1989-1991 гг. По его мнению, курс на "оздоровление и упорядочение" экономики, задумывавшийся "консерваторами" как начало новой эры усиления централизованного контроля, ретроспективно видится как всего лишь еще одно качание маятника. Реванш плана над рынком не состоялся прежде всего потому, что экономика Китая не только не была в это время в состоянии глубокого кризиса, как полагали "консерваторы", но оказалась способной к восстановлению и здоровому росту без длительной программы упорядочения. Невозможность полноценного развития Китая в тисках плана и разветвленной системы макроконтроля нерыночного толка стала очевидной для всех. К началу 90-х годов стратегия "вырастания из плана" в экономической реформе в Китае достигла своего логического завершения. Начался полноформатный поворот к рынку как целевой

модели преобразований.

Наконец, предложенный Б.Наутоном анализ китайской реформы выглядит особенно убедительным благодаря постоянному сопоставлению модели и практики преобразований в КНР с процессом реформ в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе. Автор выделяет китайскую реформу в самостоятельный тип преобразований, отличный как от "рационализирующих реформ" 60-80-х годов (наиболее типичным примером которых служат реформы в Венгрии), так и от "шоковой терапии" или "большого взрыва" 90-х годов.

На наш взгляд, Б.Наутон гораздо более убедителен в объяснении причин успеха реформ в Китае, чем, например, идеолог польской реформы Л.Бальцеревич, неправомерно выводящий его из якобы "относительно скромного макроэкономического дисбаланса в Китае к началу реформ", делавшего радикальную стабилизацию в стране не столь уж необходимой (Economic Policy. A European Forum. Lesson For Reform. Cambridge University Press. No 19. December 1994, p. 36). Напротив, Б.Наутон привлекает внимание к таким моментам, как изначальная ориентация китайских лидеров на минимизацию социальных издержек реформы, включая очень жесткие пределы допущения инфляции и безработицы, на быстрый рост семейных сбережений и накоплений, позволивший Китаю избежать глубокого макроэкономического кризиса и, заметим, разительно отличающий в этом плане Китай от России.

Вместе с тем не со всеми взглядами Б.Наутона я могу согласиться. В частности, я более высокого мнения о позитивной роли Чэнь Юня в выработке экономической политики Китая (Б.Наутон считает, что такая закончилась в 1981 г.). Представляется излишне категоричным утверждение Наутона о "завершении эры экономических реформ в Китае", понимаемое как окончание периода, когда Китай искал приемлемую стратегию перехода к новому хозяйственному механизму в условиях отсутствия согласия среди высших лидеров страны относительно конечной "станции назначения". Вряд ли вопрос о выборе целевой модели реформ в Китае можно считать окончательно решенным. По крайней мере, и после

принятия в ноябре 1993 г. Решения ЦК КПК о создании в стране системы социалистической рыночной экономики, казалось бы, поставившего последнюю точку в дискуссиях на данный счет; в Китае продолжают раздаваться возражения против акционирования и приватизации госпредприятий, против чрезмерного увлечения разделением прав собственности и даже против использования в стране западного инструментария макроэкономического регулирования. В частности, подобные суждения доминировали на проведенном в конце марта 1994 г. в Пекине симпозиуме по западной экономической науке, основные материалы которого опубликованы в сборнике "Западная экономическая наука и реформа хозяйственной системы в нашей стране" (Гао Хунъе чжубянь. Сифан цзянцзисюэ юй вого цзянцзи тичжи гайгэ // Чжунго шэжуй кэсюэ чубаньшэ. - 1994). Похоже, что настроения в пользу защиты общественной собственности в Китае вновь оживились в середине 1995 г. в связи с постановкой в практическую плоскость вопроса о реформировании крупных и средних государственных предприятий. (См., например, статью "Курица произошла от яйца или яйцо произошло от курицы - создание социального обеспечения и реформа государственных предприятий" // Чжунго гошянь голи. - 1995.) № 9. - С. 12-13). Будущее покажет, является ли оппозиция курсу на создание "социалистической рыночной экономики" в Китае в ее нынешнем варианте всего лишь ничего не решающим арьергардным боем или она отражает настроения достаточно внушительных слоев китайского общества, способных привести к практическим подвигам в концепции реформы.

Возможно, работа Б.Наутона в США или Англии воспринимается несколько по-иному, чем в России. Мне же она представляется одной из лучших фундаментальных публикаций по современной китайской экономике, удачно соединившей непредвзятый анализ успехов и просчетов китайских реформаторов, выполненный Барри Наутоном - экономистом, с глубоким знанием и пониманием реалий Китая "эпохи реформ", продемонстрированным Барри Наутоном-китаеведом.

Харро фон Зенгер. "Стратagemы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия". Перевод с немецкого А.В.Дыбо. Общая редакция, вступительная статья и комментарии В.С.Мясникова. М., 1995. 380стр.

Книга швейцарского китаиста проф. Харро фон Зенгера буквально ошеломила западного читателя, спрос на нее был столь велик, что с 1988 по 1990 г. издательство "Шерц" было вынуждено выпустить пять изданий. К 1994 г. исследование Харро фон Зенгера было уже переведено на английский, голландский, итальянский, турецкий и испанский языки. Не осталась равнодушной и родина стратагем - "Жэньминь чубаньшэ" издало книгу под названием "Стратagemы - хитроумные замыслы в обычное время и чрезвычайные моменты". Весь 200-тысячный тираж разошелся за четыре месяца. Книга была издана также в Японии и на Тайване. Во многих странах появились десятки восторженных отзывов. Особый интерес книга вызвала у той части политической элиты Запада, которая уже сейчас задумывается о поисках наиболее благоприятных путей взаимодействия своей страны с Китаем XXI-го века. "Глубокоуважаемый профессор фон Зенгер! - пишет канцлер ФРГ Гельмут Коль. - Вашу замечательную книгу я просматривал с интересом и часто с улыбкой - и при этом, конечно, постоянно вспоминал о собственном опыте. Она вносит ценный вклад не только в углубление нашего понимания Китая в его истории и современности; еще большее отношение стратагем, столь наглядно проиллюстрированные Вами, имеют к типам поведения общечеловеческого значения. Она учит читателя внимательнее приглядываться к действиям своего ближайшего и более дальнего окружения. Для политика наиболее достойной внимания мне кажется четвертая стратагема - "Отдохнув, ожидать утомленного врага", если при этом он помнит приведенное Вами предостережение мудрого Хун Цзычена: "Обладать сердцем, вредящим людям, не следует, но от сердца, остерегающегося людей, трудно отказаться". Желаю Вашей яркой, занимательной и, в лучшем смысле этого слова, поучительной книге дальнейших успехов, а лично Вам - пло-

дотворной научной и профессорской деятельности в вашем новом звании. С дружеским приветом".

В чем причина столь феноменального успеха, выпавшего вполне заслуженно на долю автора этой книги? Вель по признанию самого Харро фон Зенгера, - "...пионером китаеведческих стратагемных исследований на Западе был проф. В.С.Мясников"¹. Действительно, изучая в конце 50-х - первой половине 70-х годов полный свод дипломатических документов китайской стороны, относящихся к взаимоотношениям империи Цин с Русским государством в XVII веке, тогда еще кандидат исторических наук В.Мясников, обнаружил определенную закономерность формирования этой документации и соответственно действий китайских властей. Он почувствовал, что какая-то скрытая пружина, даже не просто пружина, а целостный и точно действующий механизм способствовал реализации внешней политики китайской империи на ее северных рубежах. Он вспомнил обнаруженное им тогда же в архивах суждение выдающегося русского дипломата С.Л.Владиславича-Рагузинского, который в 1727 г. писал о китайских сановниках: "И сию вторую стратагему они чинили, чем бы меня обмануть". Скрупулезное исследование оказавшегося в руках молодого ученого источника "Стратегические планы усмирения русских" помогло проникнуть в тайну этого механизма. Оказывается, в императорском окружении в течение более чем двух десятилетий вынашивалась, разрабатывалась и реализовывалась стратагема, нацеленная на вытеснение русских из Приамурья. Причем карьера и судьба разработчиков напрямую зависели от успеха этой внешнеполитической акции. В серии статей, а также книгах "Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке" (М. 1980) В.Мясниковым была раскрыта содержательная модель стратагемы, являющаяся

“синтезом результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки”. Последняя книга была опубликована затем на английском и французском языках. Если русского китаеведа на открытие стратагемности подвинули вполне конкретные исследования внешней политики цинского Китая, то его швейцарскому коллеге помог его величество Случай. Защитив уже докторскую диссертацию по теме “Традиционные китайские торговые договоры”, Харро фон Зенгер, бросив высокооплачиваемую должность юриста у себя на родине, стал аспирантом Тайбэйского университета, дабы под руководством китайских профессоров совершенствовать свои знания в области традиционного китайского права. Одновременно в 1971-73 гг. он совершенствовался в знании китайского языка в Тайбэйском педагогическом институте, где и произошла “историческая встреча” с проф. Пекинской академии национальных меньшинств Бо Чжэнши, глубоким знатоком китайской культуры. Однажды проф. Бо обронила фразу: “Тридцать шестая стратагема: бегство - лучший выход из безнадежной ситуации”. На вопрос любопытного аспиранта: “Если тридцать шестая стратагема побег - лучший выход из положения, то что же такое стратагемы с первой по тридцать пятую?”. Последовал ошеломивший его ответ: “Не знаю”. С тех пор, по признанию самого Харро фон Зенгера, он буквально заболел стратагемами. В библиотеках и на книжных рынках КНР, Японии, Южной Кореи, Тайваня и Гонконга в течение долгих пятнадцати лет собирал он сведения о стратагемах. Было тщательно проштудировано все, что имело хоть какое-либо отношение к заморожившей его теме: от специальных трактатов на древнекитайском до детских комиксов. Перед западным исследователем открылась неизвестная многим специалистам картина: оказывается, что все поры жизнедеятельности китайского этноса проникнуты стратагемностью. Стратагемы присутствуют не только в области внешней и внутренней политики, но и в повседневной жизни обитателей Поднебесной. Причем история жизни стратагем сродни истории жизни самих китайцев, более того - стратагемность мышления и поведения исторических личностей и литературных героев способствовали укоренению исторической памяти народа, что яв-

ляется одной из характерных национальных особенностей китайцев. Параллельно автор обнаружил, что стратагемы существуют и у всех других народов, но они почему-то не сведены в единую систему. Кстати, автор так и не смог ответить на этот вопрос. По словам самого Харро фон Зенгера, он не хотел идти проторенным для западного китаиста путем - показать специфику Китая. “Этот тип китаеведческих исследований, - пишет автор книги, - нацелен на то, чтобы мы поняли Китай. Я же в этой книге подчеркиваю другой аспект китаеведения: существуют китаеведческие исследования, придающие особое значение тем аспектам китайской культуры, которые являются частью культуры всего человечества... Стратагемы, т.е. неортодоксальные пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей, представляются общечеловеческим феноменом. Однако в связи с некоторыми культурными и религиозными условиями на Западе почти отсутствуют исследования по этой теме². Из тридцати шести стратагем автор избрал для своего исследования следующие восемнадцать: № 1 “Обмануть императора, чтобы он переплыл море”; № 2 “Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао”; № 3 “Убить чужим ножом”; № 4 “В покое ожидать утомленного врага”; № 5 “Грабить во время пожара”; № 6 “На востоке поднимать шум, на западе нападать”; № 7 “Извлечь нечто из ничего”; № 8 “Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцан”; № 9 “Наблюдать за огнем с противоположного берега”; № 10 “Скрывать за улыбкой кинжал”; № 11 “Сливовое дерево засыхает вместо персикового”; № 12 “Увести овцу легкой рукой”; № 13 “Бить по траве, чтобы вспугнуть змею”; № 14 “Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу”; № 15 “Сманить тигра с горы на равнину”; № 16 “Если хочешь что-либо поймать, сначала отпусти”; № 17 “Бросить кирпич, чтобы получить яшму”; № 18 “Чтобы обезвредить разбойничью шайку, надо сначала поймать главаря”.

Каждая стратагема, как правило, состоит всего из четырех иероглифов. Если для китайца, даже не знающего все 36, привычное сочетание из четырех стратагемных иероглифов мгновенно воскрешает яркую картину в лицах любимых с детства героев “Троецарствия” или “Речных заводей” или “Путешествия на

Запад" и т.п., то как донести такой уровень восприятия до европейского читателя? Честно говоря, когда я взял в руки рецензируемую книгу, то испытал два чувства - тревогу за судьбу автора и чисто спортивный интерес. Книга, ее профессиональный уровень превзошли все мои тревоги и ожидания. Во всем чувствовалась рука Мастера. Это мастерство усиливалось умелой организацией подачи материала, аргументированностью каждого вводимого в текст сюжета и простотой языка изложения, что не так часто встречается в научной литературе. Каждая стратагема подается в следующих пяти ракурсах: 1. Воспроизводство четырех иероглифов. 2. Современное китайское чтение. 3. Перевод каждого иероглифа. 4. Связный перевод. 5. Сущность. Приведу в качестве наглядного примера как Харро фон Зенгер "подает" стратагему № 14: "Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу": 1. Воспроизведены четыре иероглифа. 2. цзе ши хуань хунь. 3. позаимствовать труп вернуть душа. 4. Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу. 5. а) Поставив новую цель, возродить к жизни нечто, принадлежащее прошлому. б) Использовать в современной идеологической борьбе старые идеи, традиции, обычаи, литературные произведения и т.п., переинтерпретируя их для новейшего употребления. в) Придавать чему-либо, в действительности новому, ореол старины. Стратагема наведения патины. г) Употреблять новые учреждения для продолжения старых отношений. Использовать новых людей для проведения старой политики. Обувать новые башмаки, чтобы идти по старой дорожке. Наливать старое вино в новые меха. Стратагема нового фасада. д) Присваивать чужое добро, чтобы на нем основать свое могущество; идти по трупам. Стратагема паразитизма. е) Использовать любые средства для выхода из трудного положения. Стратагема возрождения феникса.

Смысл каждой стратагемы и сфера ее применения раскрываются на сопутствующих примерах из реальной жизни данной стратагемы, почерпнутых Харро фон Зенгером из многочисленной специализированной массовой литературы, появившейся только лишь в последние годы на книжных рынках КНР, Тайваня, Гонконга, Вьетнама, Японии, Республики Кореи. Не ограничиваясь данными литературы, автор обогащает комментарии соб-

ственными изысканиями. Он показывает на реальных примерах из древней истории и вплоть до сегодняшнего дня как "работает" данная стратагема в политических планах правителей Китая (от героев эпохи Сражающихся царств до Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина), деяниях военных и гражданских чиновников, любимых китайцем с детства реальных и литературных героев. Более того, что самое увлекательное для западного читателя - автор весьма красочно описывает "работу" стратагемы в повседневной жизни китайцев, начиная с семейных отношений, сферы торговли и крупного бизнеса вплоть до беседы полицейского с пострадавшим в аварии автовладельцем. Более того, не ограничиваясь рамками Китая, автор показывает, как эта же самая стратагема "работает" у европейцев, и опять с древности (примеры из Библии, походов Ганнибала) вплоть до XX века (события второй мировой войны). А самое, на мой взгляд, увлекательное для европейского читателя то, что Харро фон Зенгер показал - это как сами китайцы по обе стороны Пролива (континентальные и тайваньцы) оценивают сквозь призму стандартных для них стратагем европейские события XX века: битву под Москвой, арабо-израильскую войну, ввод ограниченного контингента войск СССР в Афганистан и т.п. Как правило, на каждую стратагему приходится от 15-20 и более иллюстративных примеров. Так например, если стратагема № 2 "Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао" снабжена всего лишь 5 примерами, то № 3 "Убить чужим ножом" уже имеет 20 примеров, а № 17 "Бросить кирпич, чтобы получить яшму" заслужила 53 примера.

Работа, как я уже отмечал, выполнена на высочайшем профессиональном уровне. Однако хотелось бы указать на некоторые мелкие недостатки. Когда циньский царь Сяо гун во время беседы с Шан Яном действительно заскучал, последний воспользовался стратагемой № 16 ("Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти"), начав с конфуцианских планов усиления государства. Однако Сыма Цянь нигде не говорит, а это самый аутентичный источник о беседе, будто Сяо гун "спорил с Шан Яном несколько дней" (см. стр. 265). Не та весовая категория - пришлый из другого царства соискатель высокой должности не мог себе позволить такого, на него "работала"

стратагема № 16 и он в итоге получил желаемое. Кстати, президент Тайваня Ли Дэнхуэй в беседе с экс-президентом СССР Горбачевым, обсуждая ход реформ в России, главной причиной неудач почитал то, что экономические и политические преобразования не проводились синхронно. Говоря так, он имел прежде всего ввиду первого реформатора Китая - Шан Яна, который сумел сочетать обе реформы одновременно. В третьем примере к стратагеме № 18 "Умирает человек - умирает и его политика" (название примера. - Л.П.) автор переводит "жэньчжи", как "личное господство", подтверждая такую трактовку цитатой из конфуцианского источника: "Пока жив человек, провозвещается его политика; если он умрет, умрет и его политика". В современном Китае "жэньчжи" всегда противопоставляется "фачжи" - "управлению на основании законов". Вскоре после "культурной революции" среди китайских юристов развернулась дискуссия, получившая отражение в "Жэньминь жибао" (18.1.1980) о двух методах управления страной "жэньчжи" и "фачжи". Юристы трактовали "жэньчжи", как "управление посредством людей", а "фачжи" - как "управление посредством законов". Цитируя Конфуция, автор не всегда указывает источник, а ведь известны суждения, хотя и получившие признание в художественной литературе, но отнюдь философу не принадлежащие. Иллюстрируя стратагему № 17, где выведена образованная девушка ("Позор Девятого лядюшки До") Харро фон Зенгера, цитируя "Лунь юй" (17.25) отошел от традиционного толкования, предложенного еще Дж.Леггом ("Трудно иметь дело только с женщинами и маленькими людьми..."). Его перевод: "Женщины и маленькие люди с трудом обучаемы..." более точен, и что весьма отрадно, близок к моему: "Что касается

женщин и маленьких людей, то они с трудом поддаются воспитанию..."³

Закончив чтение книги, дотошный читатель может задаться вопросом - почему все же эти "общечеловеческие" стратагемы получили законченное оформление только в Китае? Проф. В.С.Мясников полагает, что "религиозная мораль Запада приглушила" возможности этого феномена. (стр. 14). Харро фон Зенгер признает, что "представители Запада - до определенной степени - поражены "стратагемной слепотой" (стр. 18). Я думаю, что ключ к разгадке данного феномена лежит в специфике китайского типа сознания, где доминантой является "состояние общения". "Наше сознание, - отмечает А.С.Мартынов, - и Гегель в этом смысле наиболее его яркий представитель, характеризуется ясно выраженным засильем в нем "общих вопросов". Эта интеллектуальная магистраль развития общества имеет одно весьма отрицательное следствие - ослабление внимания к конкретности, к наглядным ситуациям и отдельным поступкам"⁴. Создатели китайских духовных ценностей, и прежде всего Конфуций, придавали главное значение искусству общения людей. Именно эта область духовной жизни и способствовала необходимости сведения разбросанных "хитростей" в единый свод из 36 наименований, позволяющий каждому наиболее творчески раскрыть свои способности.

Русский перевод книги Харро фон Зенгера, и в этом русскому читателю действительно повезло, выгодно отличается от всех переводов на другие европейские языки, ибо он снабжен не только обстоятельным предисловием, но и высокопрофессиональным комментарием, исполненным с любовью нашим российским пионером китаеведческих стратагемных исследований на Западе.

© 1996

Л.Переломов

1. См. Харро фон Зенгер - "К русскому читателю" // "Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать". - М. 1955. - С. 19.
2. Харро фон Зенгер. "Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать". - С. 18.
3. Подробную аргументацию такого перевода см.: Л.С.Переломов. "Конфуций: жизнь, учение, судьба". - М., 1993. - С. 206-207.
4. См. Вопросы истории. - 1994. - № 4. - С. 183.

Яскина Г.С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994, 363 с.

На протяжении двух с лишним тысяч километров Россия граничит с Монголией. В России и в Монголии идут реформы, нацеленные на замену социалистических моделей развития. Межгосударственные отношения двух стран ныне вступили в сложный период, они утратили союзнический характер. Россия, исходя из своих национальных интересов и руководствуясь интересами общей безопасности в регионе, стремится к поддержанию дружественных стабильных отношений с Монголией, строя их на взаимовыгодной основе. Монголия в большей степени стала субъектом мировой политики. Однако отсутствие бывшего военного "зонтика" может сделать ее в большей степени и объектом политики крупных соседних держав - Китая и Японии. Все это диктует необходимость соблюдать постановления Ялтинской конференции для Дальнего Востока, которые в своей важнейшей и не утратившей актуальность части определяют сохранение status quo Внешней Монголии.

Монография Г.С.Яскиной, одного из наших ведущих специалистов-монголоведов, посвящена исследованию всего комплекса вышеозначенных проблем. Но они раскрываются под определенным углом зрения, а именно путем анализа смены в Монголии модели социально-экономического и политического развития. Следует отметить, что ракурс исследования связывает рассматриваемую книгу с общей проблемой типологии перехода к рыночной экономике и соответствующую ей политическим институтам целой группы азиатских стран, в том числе и новых азиатских государств СНГ. В этом несомненная актуальность темы и ее значимость для теории и практики взаимоотношений России с этими государствами.

Правомерным представляется выбор автором монографии аграрного сектора экономики Монголии в качестве главного стержня исследования, а также определение им хронологических рамок работы: 1985-1994гг.

Работа строится на добротной основе монгольских официальных документов, документации различных партий и общественно-политических организаций, выступлений органов печати разных направлений. Г.С.Яскина широко использовала труды отечественных и зарубежных монголоведов, а также специалистов по политическим и экономическим проблемам азиатских стран. Необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая

работа не имеет аналогов в мировом монголоведении, да и в мировой политологии: она носит пионерский характер. Методологические принципы исследования связывают с концептуальными подходами автора и объединяют системный, функциональный и сравнительный подходы, что, на наш взгляд, вполне оправдано.

Главное в концепции Г.С.Яскиной заключается в том, что тот эксперимент по построению социализма, минуя капитализм, который пытались осуществить в Монголии, имманентно был обречен на неудачу, и реформы, направленные на создание механизма рыночных отношений должны вывести страну из кризиса. Действительно, человечеству еще предстоит осмыслить причины, характер и последствия тех событий всемирно-исторического значения, которые произошли в конце 80-х - начале 90-х годов XX столетия. Привязывать их к противоборству на мировой арене только двух разных социально-политических систем и холодной войне, как форме этого противоборства, означало бы, на наш взгляд, искусственно сузить масштабы проблемы. На деле картина мира гораздо шире и многообразнее.

Начало XX века было ознаменовано крушением гигантских феодальных империй: Цинской, Российской, Османской, Австро-Венгерской. Казалось, это завершило тот кризис феодализма, который длился столетия и привел к торжеству идеи Великой Французской революции и новой эре Октябрьской революции в России. Однако феодализм отступил, но не исчез. Он стал мутантом, приспособившаяся к новым условиям, где это было возможно, главным образом в слаборазвитых странах и государствах с многовековой феодальной традицией. Монголия в начале XX столетия была страной специфического кочевого феодализма, переживавшей национальный кризис, вызванный многовековым полуколониальным положением в составе Цинской империи.

Провозглашение на обломках феодализма социалистического строя в России, стране с искусственно затянущейся фазой феодального развития, где капитализм не получил достаточного исторического срока, чтобы расправиться с феодализмом, где в обществе еще были сильны феодальные традиции и представления, было рискованно. Если учитывать при этом, что в Советской России с феодализмом прекратили по сути

борьбу, считая его чем-то уже сгинувшим с исторической арены, а главные усилия были направлены на искоренение капитализма (естественного антипода не только социализма, но и феодализма), то это создало определенные предпосылки для самооживления феодальной идеологии и практики, что и деформировало новое общественное устройство в систему, с многими чертами, более близкими феодальному строю, чем "капиталистическому окружению". Эту же модель социального устройства приняли и в Монголии после 1921 года и теперь пытаются преобразовывать.

Цивилизация XX века была, на первый взгляд, как бы трехсистемной: социализм, капитализм, феодализм. Однако законы диалектики таковы, что историческое развитие идет по линии разрешения основного противоречия. Главным противоречием XX века оставалось, по-видимому, противоречие между феодализмом и капитализмом. Крушение мимикрировавших под социализм государственно-феодальных систем, было обусловлено в первую очередь внутренними факторами, приведшими к очередным похоронам остатков феодализма.

На рубеже XX-XXI столетий основная ось противоречий переходит на новый уровень: между развитым капиталистическим обществом, обогатившим себя многими достижениями социалистической мысли, и посткапиталистическим обществом, островки которого уже сегодня создаются благодаря достижениям науки, техники и интернационализации производства на основе международного разделения труда. Разумеется, в рамках этого основного противоречия на мировой арене будут развиваться и другие, такие как противоречия между ведущими государствами мира, противоречия между развитыми и развивающимися странами, межгосударственные противоречия, вызываемые политическими, экономическими, религиозными и иными, обусловленными национальными интересами, причинами. Именно в этих условиях Монголия стремится вписаться в современный мир в качестве обновленного его компонента.

Для монгольского руководства важно осознать, что нынешний взрыв на международной арене национализма и его крайней формы - сепаратизма - это еще одна попытка остатков феодализма приспособиться к новым условиям. Отчетливо видно, что эта линия развития противоречит основной интеграционной тенденции современных международных отношений.

Если мы взглянем с точки зрения описанного выше основного противоречия исторического развития на проблемы Монголии, то поймем неизбежность и необратимость реформ в этой стране. Переходный период к

новой цивилизационной модели для всего человечества - это, с одной стороны, период выравнивания уровней развития, а с другой - продолжение стадии неравномерного, скачкообразного развития отдельных стран. В этом секрет роста "новых индустриальных стран" в различных районах мира и включения их в интеграционные процессы в тех регионах, где уровни развития отдельных государств уже позволяют им создавать межгосударственные сообщества. Есть ли у Монголии шансы стать одним из "тигров" Центральной Азии? На этот вопрос должна ответить конкретная практика реформ в этой стране. На наш взгляд, есть и шансы и предпосылки, и они очень не плохие.

Тем не менее Г.С.Яскина приходит к обоснованному выводу о том, что "переход к рынку, утвержденный в качестве доминанты новой модели развития Монголии во всех программных документах политических партий страны, государства в целом, пока не принес большинству населения ничего, кроме новых лишений. Увеличение безработицы, галопирующий рост цен, уход в небытие старых социальных гарантий - все это формирует почву для возврата симпатий к ряду положений социалистической теории. Пауперизированная часть населения (по данным 1993 г. к ней официально отнесено 80% жителей страны) начинает все активнее высказывать недовольство быстрыми темпами капитализации экономики, принимающей на данном этапе спекулятивные формы" (с.68).

В работе достаточно широко показан весь спектр политических партий современной Монголии (с.71-92), с их программами, характеристиками лидеров, анализом тактики. С многопартийностью непосредственно связано и становление новой политической системы в стране. Однако нельзя не согласиться с выводом Г.С.Яскиной о том, что "магистральный путь совершенствования политической системы в Монголии пролегает ныне через хозяйственное реформирование, посредством которого осуществляется образование новой модели развития страны" (с.105).

Главы вторая и третья монографии посвящены анализу экономических мероприятий в ходе модернизации монгольской экономики. Проведенный автором глубокий анализ недостатков в экономике, вылившихся в 80-е годы в кризис, позволяет представить, насколько адекватны меры, принимавшиеся монгольским руководством на макро- и микроэкономическом уровнях для вывода страны из кризиса. Весьма содержательным является и рассмотрение социальной эффективности проводимых реформ, проведенное в четвертой главе. В целом эти главы свидетельствуют о том, что монгольское руководство не было готово к планомерному реформаторству, что оно приступило к нему

вынужденно, под давлением внутренних и внешних обстоятельств. Слабо был учтен опыт соседнего Китая; японский, южнокорейский, тайваньский опыт воспринимались в первую очередь со стороны уже достигнутых показателей, тогда как суммы затрат и усилий практически упускались из вида. Наконец, Монголии не удалось найти свою "нишу" в международном разделении труда, что в свою очередь блокировало интеграционные процессы.

Исключительно интересным представляется раскрытие в работе социальных и идейных ориентиров монгольского общества в переходный период. Говоря об идее возрождения нации, Г.С.Яскина отмечает фактический отказ от идейного багажа панмонголизма, в настоящее время "речь ведется об укреплении монгольского государства, а не о создании нового конгломерата монгольских народов" (с.250). Заметим, что оживление идей панмонголизма, одним из элементов которых была бы дезинтеграция территориальной целостности Китая и России, может стать серьезным дестабилизирующим фактором в Северо-Восточной Азии.

Наконец, в монографии детально рассмотрены новая внешнеполитическая доктрина и практика Монголии. Внешняя политика берется Г.С.Яскиной как инструмент обеспечения условий для реализации программы смены модели развития. В таком контексте проанализированы и российско-монгольские отношения. Вывод автора о том, что в ближайшие 10-15 лет Россия останется одним из основных внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров Монголии нацелен на то, чтобы упрочить наши связи с Монголией и сохранить за Россией одну из важнейших позиций в СВА.

Хотел бы отметить, что не только научное, но и прикладное значение новой книги Г.С.Яскиной весьма велико.

Моя убежденность в достоинствах книги не лишает меня права высказать и не-

которые критические замечания.

На мой взгляд, было бы интересно провести сравнение реформ в Монголии и в таких районах Китая, как Внутренняя Монголия, Синьцзян, Тибет. Хотя автор говорит о реформах в Китае в целом, но исторические судьбы именно этих районов и Монголии более чем сходны, отсюда возникает проблема типологии реформ. Кстати, корректнее сравнивать реформы в Монголии с аналогичными процессами в Казахстане, Киргизии, чем с Россией в целом.

Автору стоило бы сказать о специфике монгольского общества, а также о ситуации в Монголии накануне революции 1921 г. Национального освобождения было не достаточно, чтобы вывести нацию из кризиса и строить современное общество при том уровне производительных сил, который искусственно консервировался в годы китайского колониального господства. Социалистические преобразования в Монголии рассматриваются автором несколько односторонне, лишь в негативном свете. Между тем именно они заложили материальную основу для перехода к рыночной экономике, но ее модель, очевидно, должна быть государственно-регулируемой, как это имеет место в большинстве стран Восточной Азии.

Анализируя внешнюю политику Монголии не стоит упускать из поля зрения тот факт, что к самостоятельной роли на международной арене МНР смогла прийти лишь после Советско-китайского договора 1945 г., т.е. гораздо позднее создания республики.

Монголия подается в работе как "небольшое государство" (с.3). Это звучит странно, так как по размерам территории Монголия равна трем Франциям. Что касается населения, то оно как говорится, дело наживное, по крайней мере легче наживное, чем территория.

Эти замечания носят характер маргиналий и не снижают нашу общую высокую оценку рецензируемой работы.

Nimmo, William F. Japan and Russia: A Reevaluation in the Post-Soviet Era. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1994. 207 p.

В формировании международного политического климата Японии многие десятилетия находилась в тени политической активности США. Ее роль резко возросла в период после "холодной войны". Это связано с несколькими факторами глобального характера: общее повышение роли геоэкономического фактора в 1990-е гг., быстрый экономический рост государств Юго-Восточной Азии, превращение Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в альтернативный Атлантике центр мировой торговли и финансовых отношений. В свете радикальных геополитических изменений представляется важным проанализировать новую роль Японии на международной арене.

Книга Уильяма Ф. Ниммо является продолжением цикла его исследований, посвященных политическим, дипломатическим, военным и экономическим аспектам развития Японии в период после Второй мировой войны. Преподаватель японского языка и Российской истории в университете Кристофер Ньюпорт (Вирджиния, США), он известен как специалист по российско-японским отношениям.

Рецензируемая работа входит в число пока еще немногих трудов, рассматривающих отношения России и Японии после окончания противостояния "Восток-Запад", развала СССР. В ней анализируется история межгосударственных отношений двух государств и дается оценка российско-японских отношений в свете новых многочисленных публикаций секретных ранее документов, свидетельств очевидцев и мемуаров известных политических деятелей. Прослеживается влияние новых настроений в японских кабинетах власти на двусторонние отношения. Можно отметить, что автор провел в Японии более 12 лет на исследовательской и преподавательской работе.

Первая глава работы посвящена истории взаимоотношений России и Японии, японской интервенции на советском Дальнем Востоке в период гражданской войны. Автор подчеркивает непростой и уникальный в своем роде путь установления дипломатических отношений между государствами, приводит документы, свидетельствующие о намерении молодого советского правительства продать Южный Сахалин Японии (с. 10-11). Давление японских деловых кругов, с одной стороны, и настоятельная необходимость для СССР прорыва дипломатической блокады с

другой, способствовали достаточно широкому экономическому сотрудничеству. Однако последующие отношения между странами были обострены событиями в Маньчжурии. Попытки Японии провести какие-либо переговоры с Россией для улучшения "взаимопонимания", имевшие место в 1941 году, не увенчались успехом. СССР присоединился к антигитлеровской коалиции и стал одной из стран-победительниц милитаристской Японии.

Во второй главе рассматриваются проблемы двусторонних отношений Японии и Советского Союза в послевоенный период и эволюция политики Москвы от Сталина до Брежнева. Автор описывает исторические перипетии взаимоотношений двух дальневосточных соседей. На богатом фактическом материале он показывает как в широких общественных кругах Японии подпитывались антисоветские настроения. Здесь автор выделяет пять факторов: 1) коммунистическая пропаганда и вмешательство СССР во внутренние дела государства; 2) проблема японских военнопленных и заключенных; 3) проблема северных территорий; 4) шпионаж и крупные провалы шпионских сетей; 5) проблема подписания мирного договора между Москвой и Токио.

Отмечается, что политика Москвы по отношению к Токио была неровной, переживая взлеты и неожиданные падения, уходящие в забвение переговорные процессы, и неожиданные визиты высокопоставленных политических деятелей из России в Страну Восходящего солнца.

"Американская оккупация" Японии продолжалась с 1945 по 1952, но свой вклад в демилитаризацию этой страны внесли и другие государства-союзники, в том числе и СССР, Китай, Великобритания. Советская миссия в Токио в составе 500 сотрудников занималась различной деятельностью, в том числе координацией курса компартии Японии и других леворадикальных группировок (с. 30). Автор сразу оговаривает, что, несмотря ни на что, в этой стране никогда не существовали просоветские настроения (с. 31). Поэтому СССР оказывал КПЯ и другим левым организациям широкую финансовую помощь и оплачивал их акции. Это кстати засвидетельствовал И. Коваленко, бывший сотрудник международного отдела ЦК КПСС в мемуарах, изданных в 1992 году в Японии. Тем не менее, эти вливания, исполь-

зуюсь неэффективно и, зачастую, в личных целях, не принесли каких-либо результатов. (С. 45-46).

С первых дней после капитуляции японская общественность выражала озабоченность по поводу своих соотечественников, оказавшихся в советском плену. Большинство японцев с контролируемых США, Великобританией и Китаем территорий (4 млн. человек) было репатрировано в течение года. В советской зоне основную часть пленных продержали до 1949 года (с. 36). Но и после этого проблема военнопленных оставалась серьезным камнем преткновения. Лишь в 1956 году последняя группа в 1025 человек - в большинстве своем, бывшие высокопоставленные чиновники - возвратилась на родину. Эта страница истории оставила неизгладимый след в сознании японцев.

В послевоенные годы СССР активно создавал широкую разведывательную сеть в Японии. Но на этом поприще КГБ ожидали крупные неприятности. В 1954 году полковник Ю. Растворов, сотрудник советской миссии в Японии, сбежал в США. Была разоблачена крупная агентурная сеть КГБ. Затем в 1979 году журналист "Нового времени" С. Левченко попросил убежища в США, раскрыв новую агентурную сеть КГБ. Естественно, что подобные события, вкупе с поддержкой различных левых движений, не могли не вызвать отрицательных эмоций как в японском обществе, так и в дипломатических кругах официального Токио.

Но самой серьезной проблемой, оказавшейся непреодолимым препятствием во взаимоотношениях между двумя странами, стал вопрос о северных территориях. Автор отмечает, что японская сторона поставила данный вопрос сразу после окончания второй мировой войны и на протяжении всего послевоенного времени не снимала его с повестки дня. Но долгое время позиция советского руководства оставалась неизменной: "Территориальных проблем нет" (с. 54).

По мнению автора, крупнейшим успехом западной дипломатии было подписание Сан-Францисского мирного договора с Японией большинством стран мирового сообщества за исключением СССР. Автор напоминает, что проблема подписания мирного договора между СССР и Японией осложнялась многочисленными препятствиями, такими, как японские военнопленные, территориальные вопросы и т.д. Поэтому советско-японские переговоры 1955-56 гг. не привели к подписанию мирного договора. Лишь полтора десятилетия спустя, в 1971 году, на волне противостояния с Китаем, Москва попыталась возобновить переговоры, замороженные на уровне совместной декларации 1956 года. В первой половине 1970-х гг. произошло даже потепление двусторонних от-

ношений, но в конце 70-х гг. Советский Союз резко прервал свои отношения с Японией и занял жесткую позицию о 200-мильной рыболовной зоне и в вопросе о вооруженных силах на Курилах (с. 56). Таким образом, России эпохи Горбачева досталось тяжелое наследство.

В последующих двух главах рассматриваются взаимоотношения между государствами в "эпоху Горбачева". Положение Японии изменилось радикально, она превратилась в великую державу с мощной экономикой. СССР же переживал стагнацию (с. 59). Но это не повлияло на взаимоотношения между странами, они оставались неизменными и в начале правления М. Горбачева. Также проводились широкомасштабные военно-морские маневры вблизи японских территориальных вод (с. 60), продолжался шпионаж, в 1987 году были арестованы два бывших японских военнослужащих, продававших военные секреты. Не изменилась позиция СССР и по проблеме "северных территорий", несмотря на успешный визит Э. Шеварнадзе в Токио в 1986 году и подписание ряда соглашений. Но прагматизм японцев брал верх, и они продавали оборудование, даже используемое, по мнению автора, в военном секторе, в частности, в производстве винтов для подводных лодок (с. 63).

В 1987 году М. Горбачев в своей речи во Владивостоке заявил о намерении Москвы играть большую роль в АТР (с. 64). Особенно многообещающим представлялся ожидаемый визит бывшего премьер-министра Накасоны в Москву в 1988 году. Начались японско-советские "круглые столы", на которых обсуждались проблемы взаимопонимания между государствами. Состоявшийся визит М. Горбачева в Японию ознаменовал существенный прорыв в международных связях государств: впервые советский лидер признал наличие территориальной проблемы (с. 68). В свете этого Япония попыталась "интернационализировать" проблему и отправила миссию в Западную Европу (с. 69), что было резко отрицательно встречено советскими лидерами. Но в том же году академик Е. Примаков во время визита в Японию высказался о возможности возвращения двух из четырех островов (с. 71). Свой вариант решения проблемы предлагал и Б. Ельцин, выдвинувший пятиступенчатый план решения проблемы следующим поколением (с. 77).

Посещение М. Горбачевым Японии в апреле 1991 года являлось само по себе уникальным явлением: это был первый визит столь высокопоставленного лидера в эту страну. Ожидания японских общественных кругов в связи с возможным решением многих вопросов были высокими, но главным вопросом был, несомненно, территориальный. Появились даже сообщения о секретной

сделке в 3 триллиона иен (25 млрд. долларов США) в обмен на острова (с. 95). М. Горбачев в ходе визита добился роста своей личной популярности, но реальные подвиги были куда скромнее. Большое значение имела передача списков японских военнопленных, погибших в Сибири и других частях СССР, а также обещание разрешить японцам посещение могил родственников. Советская сторона объявила о сокращении военного присутствия на островах (с. 96). Но с другой стороны, несмотря на подписание 15 соглашений, М. Горбачеву не удалось добиться финансовой помощи и инвестиций от практичных японцев ни на государственном уровне, ни у могущественных частных компаний. По мнению японских экспертов и прессы, проблема сотрудничества упиралась не только в политические вопросы (территориальный спор), но и в чисто прагматические - хаос в экономике СССР не мог вдохновить японских бизнесменов к сотрудничеству (с. 99-101).

В главе "Ельцин, Россия и Япония" рассматривается современный этап отношений между государствами. Автор отмечает, что в начале 1990-х политика Москвы в значительной степени детерминировалась ее внутриполитической ситуацией. После августовских событий 1991 г. японская сторона оперативно сместила фокус своего внимания на Б. Ельцина. Но Токио оставался непоколебимым в своих требованиях: так, японский кабинет одобрил пакет помощи России в 2,5 млрд. долларов, который может быть предоставлен после подписания мирного договора, что в свою очередь возможно только после возвращения спорных территорий (с. 117). В условиях острого внутриполитического и внутриэкономического кризиса Москва безуспешно стремилась улучшить отношения с Японией.

Последующие события развивались, совмещая позитивные перемены в экономических и политических сферах с застоем в дипломатической. И конечно же, горчайшей приправой во взаимоотношениях между государствами, по мнению Уильяма Ф. Нимма, стала отмена официального визита президента России в Японию в 1992 г. Это событие

расценивалось в Токио как политический скандал (с. 149), по за него, как считают в Токио, "японская сторона не несет никакой ответственности" (с. 151).

Рассматривая в заключительной главе новые веяния и перспективы во взаимоотношениях между странами, автор показывает, как изменившаяся экономическая политика России, ее "открытие" для международного бизнеса повлияла на отношения между государствами. Японские политики были шокированы деловыми проектами русских на спорных территориях: казино с участием гонконгской компании на Шикатане (с. 153), площадки для гольфа с австрийской фирмой на Кунашире (с. 154) и т.д. Японский МИД пытался протестовать, но Б. Ельцин подписал указ о создании на Курилах специальной экономической зоны.

Между тем, новая экономическая политика России, давшая свободу предпринимательству, открыла колоссальные возможности для иностранных бизнесменов в Сибири и на Дальнем Востоке. В этих условиях, если крупные японские компании весьма осторожно продвигались на российский рынок, то мелкие и средние делали свой бизнес достаточно успешно: "Лосось есть лосось", - цитирует автор японского предпринимателя (с. 168). И приводит такие цифры: если в 80-х гг. торговля Японии с Россией оценивалась в 5 млрд. долларов - 3 млрд. экспорт и 2 млрд. импорт, то к началу 90-х при сокращении экспорта до 2,3 млрд., импорт вырос до 3,3 млрд. в год (с. 169).

Автор не дает готовых рецептов, да такая цель в работе и не ставится. Повидимому, пишет он в заключении, все-таки только новое поколение лидеров сможет найти решение проблемы северных территорий (с. 179). На мой взгляд, автор неоправданно мало уделяет внимание двум историческим событиям - русско-японской войне 1905 года и японскому присутствию в восточных регионах России в период после окончания первой мировой войны и советско-японскому противостоянию в период перед второй мировой войной. Анализ этих фактов позволил бы глубже понять восприятие японской угрозы советскими властями.

Kim Hakjoon. Korea's Relations with her Neighbours in a Changing World. Hollym. Elizabeth, NJ. Seoul. 1995. - 775 p.

Книга известного корейского ученого, бывшего пресс-секретаря Президента Республики Корея, профессора Ким Хак Чун представляет собой второе издание сборника его трудов, охватывающих широкий спектр проблем новейшей политической истории и международных отношений Республики Корея. Как отмечается в предисловии автора, появление книги вызвано необходимостью осмыслить драматические перемены последних лет как в самой Южной Корее, так и в ее международном окружении, Северо-Восточной Азии и АТР. Всенародное избрание президента Шестой Республики и последовательное осуществление демократических реформ помогло, наконец, решить проблему политической легитимизации режима. В социально-экономической сфере также постепенно укореняется зрелая демократия. Среди наиболее значительных внешне-политических достижений Южной Кореи можно назвать успехи "северной дипломатии" и принятие Республики Корея в ООН на правах полноправного члена.

Стремясь пролить свет на эти процессы и подвергнуть их научной интерпретации, автор взял на себя труд переработать свои прежние монографические исследования по проблемам китайско-северокорейских отношений в конце 10-х гг., Корейской войны и межкорейского диалога в послевоенный период, а также политики великих держав в Северо-Восточной Азии и АТР, дополнив их статьями и выступлениями в печати последних лет.

Глава I монографического сборника посвящена ключевым аспектам внутривосточного развития РК, а также основным этапам эволюции межкорейского диалога. обстоятельный обзор внешней и внутренней политики Северной Кореи сопровождается анализом основных предпосылок и движущих мотивов "северной дипломатии" РК, а также перспектив объединительного процесса для Севера и Юга Кореи до 2000 г.

Глава II затрагивает различные аспекты американо-корейских отношений в региональном и субрегиональном контексте. Автора интересуют прежде всего развитие отношений двух стран во второй половине 40-х гг.: он исследует влияние американской конституции на конституциональное развитие Южной Кореи после 1948 г., а также процесс формирования, политику и наследие американской военной администрации в Корее в 1945-1948 гг. Отсюда перебрасывается мостик к американо-корей-

ским отношениям в сфере безопасности на современном этапе, активным апологетом которых является проф. Ким Хак Чун.

Отдельная (и наиболее интересная) глава книги посвящена отношениям Южной Кореи с СССР, Россией и странами Восточной Европы. обстоятельный анализ политики СССР в Северо-Восточной Азии и АТР в 70-80-е гг. дополняется анализом эволюции советских подходов к корейской проблеме и американо-корейским отношениям. В центре внимания автора - процесс нормализации советско-южнокорейских отношений и начало новой российской дипломатии на Корейском полуострове и в США в первой половине 90-х гг.

Обращает на себя особое внимание раздел книги, содержащий обстоятельный анализ истории, основных этапов и нынешнего состояния российских и советских исследований в Корее, сопровождаемый интересным библиографическим обзором и персоналиями.

Отношения РК с Китаем и Японией трактуются автором в широком контексте глобальных и региональных перемен, существенно повлиявших на отношения Республики Корея со своими соседями и на ход межкорейского диалога. Первоочередное внимание уделяется процессу нормализации отношений КНР и РК, успешное завершение которого символизирует по мнению автора, триумф "северной дипломатии" и окончание холодной войны в Северо-Восточной Азии.

Заключительная глава книги носит по преимуществу науковедческий характер и посвящена историографии Корейской войны. анализируется роль великих держав в инициации и развитии межкорейского конфликта, имевшего своим результатом трагический раскол нации. К сожалению, автору не удалось избежать традиционных штампов западной политологии и исторической науки, выражающихся в стремлении возложить на СССР и Китай всю вину за происшедшее. Тем не менее профессионален и обстоятелен обзор документальных источников и международной литературы по проблемам Корейской войны.

Каждый из проблемно-тематических разделов книги проф. Ким Хак Чун сопровождается обстоятельным библиографическим обзором, что повышает ценность издания. Данный монографический сборник - это действительно фундаментальный труд, без которого вряд ли сможет обойтись любой серьезный специалист по корейской проблеме и новейшей истории Азии.

К.Тертицкий. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М.: Изд. МГУ, 1994. 347 с.

О "традиции" и "современности" и их соотношении в Китае сегодня говорят и пишут много. Но можем ли мы сказать, что имеем сколько-нибудь ясное представление об этом предмете? Отнюдь нет. И виной тому прежде всего отсутствие ясности в определении даже базовых параметров того, что мы называем традицией в Китае. Выбор же этих параметров в свою очередь зависит от наличия четкой методологии исследования, каковая в столь сложной области, как взаимодействие традиционной культуры и процессов модернизации, тоже пока отсутствует.

Работа К.Тертицкого, изданная в двух книжках на ротационте, имеет значительно большую научную ценность, чем можно предположить, судя по ее весьма скромному виду: впервые в отечественном китаеведении она выявляет основные показатели "традиционности" китайцев в условиях современной цивилизации и кроме того намечает базовые методы их обработки и интерпретации. В основе этого исследования лежит кандидатская диссертация, защищенная автором в 1992 г., и диссертационный жанр заметно повлиял на научный стиль изложения, отличающийся обилием приводимого автором фактического материала при очень сдержанных, взвешенных его оценках. Источниковедческая база работы действительно на редкость обширна, разнообразна и, что не менее важно, полностью оригинальна: здесь и данные неизвестных у нас различных социологических обследований и опросов, проводившихся в Китае, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, и собранные по крупицам сведения из китайских и тайваньских газет, и данные собственных полевых исследований автора, и даже материалы секретных сообщений Министерства общественной безопасности КНР и тайваньской полиции. В методологическом отношении книга К.Тертицкого является на сегодняшний день наиболее убедительным образцом применения социологического метода для изучения китайской культуры.

Книга состоит из трех больших глав. Первая глава, посвященная "традиционным социо-культурным характеристикам в сознании и поведении" современных китайцев, представляет, пожалуй, наибольший теоретический интерес. Автор не пытается вывести эти характеристики сам (что потребовало бы совсем другой работы). Он видит свою задачу в том, чтобы применить более или менее устоявшиеся представления о параметрах личности в китайском обществе к эмпирической действительности современно-

го Китая, Тайваня или Гонконга. Его выводы нельзя назвать сенсационными, но они заслуживают внимания, поскольку, во-первых, основываются на оригинальной эмпирической базе и, во-вторых, выявляют ряд важных нюансов, которые на самом деле и составляют существо предмета. Итак, китайцам, утверждает К.Тертицкий, свойственны "социальный холизм", или "ориентация на вхождение в социальную общность"; границы же социальных групп "не были жестко фиксированы: индивид (цзи) всегда имел своей средой "семью" (цзя), пусть даже поймавшуюся порой весьма фигурально и произвольно, а "семья" была окружена "массой" (цюнь). (с.33). Как подчеркивает автор, каждый из этих трех уровней социокультурной организации китайцев отличался значительной текучестью, что, мы могли бы добавить, и служило одной из причин необычайной жизнестойкости традиционных ценностей китайской культуры.

Обращают на себя внимание данные социологических обследований и их методика, которые впервые вводятся автором в наш научный оборот. Как явствует из этих опросов, китайцы всех возрастов и званий безоговорочно ставят на первое место среди человеческих добродетелей то качество, которое автор переводит как "честность" (кит. чжэньчэн). Здесь мне хотелось бы немного поправить К.Тертицкого: речь идет не столько о честности, проистекающей из понятия чести, сколько об "искренности" в человеческих отношениях. А это обстоятельство в свою очередь напоминает о том, что важнейшей проблемой китайского общества, как традиционного, так, оказывается, и современного, является проблема доверия или, говоря социологическими терминами, связи, ответственности частного и публичного социумов. Косвенно мы можем судить о ней по бросающейся в глаза склонности китайцев давать "достойные", не позволяющие "потерять лицо" и, как следствие, необычайно унифицированные (по западным меркам) ответы на вопросы, задаваемые социологами в их анкетах (это обстоятельство требует существенной корректировки западных методов социологических исследований применительно к китайцам). Аналогичным образом, малое число разводов в Китае не есть автоматически признак всеобщего благополучия и гармонии в китайских семьях. Думается, что именно в разрыве между интимной, частной и публичной жизнью следует искать истоки всех основных коллизий, связанных с взаимодействием традиции и модернизации

в китайском обществе. Некоторые аспекты этой проблемы затрагиваются в анализе К.Тертицким трех традиционных факторов социальных отношений у китайцев: "лицо" (мяньцзы), "связи" (гуаньси) и "человеческие чувства" (жэньцин). Перевод последнего термина кажется мне опять-таки несколько неудачным, поскольку он лишен предметной определенности. Понятие "жэньцин", на мой взгляд, относится, скорее, к ситуациям, когда мы обращаемся к ближнему: "Ну будь же человеком!", и оно означает в этом контексте "сочувствие", "эмпатию". Как бы там ни было, последние два фактора явно призваны служить в китайском обществе средствами нейтрализации репрессивного начала этики "социального холизма": "связи" - как фактора объективного, соответствующего неформальной тактике социального поведения, а "сочувствие" - как фактора субъективного, являющегося условием восстановления кредита доверия между индивидами. Одно, несомненно, подразумевает другое: всякий, кто мог наблюдать жизнь китайцев, знает, что "связи" и "сочувствие" в их среде ищутся тем настойчивее, чем жестче насаждается или соблюдается формализм идеологизированных отношений, разъединяющий индивидов.

Автор совершенно справедливо высказывает предположение, что негласное содружество "лица" и "связей", запретов и попустительства не могло не провоцировать в китайской личности и некие психические напряжения, имевшие подчас и клинические последствия. Читатель найдет в его книге и краткий очерк некоторых культурно-специфических для китайцев патологических синдромов, в частности, так называемого синдрома коро (втягивания пениса). Впрочем, характер соотношения между культурными нормами и особенностями психопатологии китайцев представляется мне пока невыясненным.

Вторая глава исследования посвящена религиям и носит в целом более описательный характер. Читатель найдет в ней подробнейшие и совершенно недоступные прежде нашему читателю сведения о современном состоянии буддизма, даосизма, христианства, народных верований и, наконец, синкретических сект (новая тема в наших синологических исследованиях) в Китае, на Тайване, а также, что представляет особый интерес, в Гонконге, Макао и Сингапуре. Обстоятельно проанализированы особенности и эволюция политики гоминьдановских правительств и КПК в области религии, выявлен целый ряд ее совпадений, объясняемых как раз традиционными факторами. Автор подчеркивает большое значение фактора ло-

кальности: нередко бывает так, что даже жители соседних деревень или местностей придерживаются различной религиозной ориентации (с.109-110). Из данных, приводимых К.Тертицким, можно сделать вывод о существовании некоего предела в принятии китайцами христианства. Так, в КНР христиане составляют около 1%, на Тайване - ок. 3,5%, в Гонконге и Макао - ок. 5%, и только в китайской общине Сингапура, наиболее удаленной от исторической родины, христиане составляют почти 20%. По всей видимости, христианство, представляющее в глазах китайцев западные духовные ценности, не сможет в обозримом будущем "покорить" Китай, но оно способно, наряду с синкретическими сектами, служить в китайской среде этнодифференцирующим фактором.

В третьей главе анализируется современное состояние некоторых традиционных форм социальной организации, главным образом кланов и тайных обществ, а также традиционная идея монархии. Здесь изложение не столь подробно; автор ограничивается данными, лежащими в уже намеченном русле исследования. Заслуживают внимания сведения о воссоздании клановых институтов в китайской деревне. Они относятся целиком к южному и центральному Китаю. Однако аналогичный процесс, по всей видимости, происходит и на Севере. Во всяком случае, автор этих строк вместе со своим коллегой-китаистом А.А.Писаревым во время посещения деревень уезда Хэцзянь пров. Хэбэй в феврале 1989 г. мог наблюдать только что восстановленные родословные некоторых местных кланов. Выводы этой главы подтверждают данные двух предыдущих: "традиционные китайские социальные институты и социальные нормы... в современном Китае стабильно сохраняются" (с.303).

Таким образом, материалы всей книги убедительно свидетельствуют о том, что традиционные социо-культурные нормы китайцев не только сохраняются, но и обладают большим запасом жизнеспособности в условиях современной "постиндустриальной" цивилизации. Особенно показателен пример Гонконга, где, как указывает автор, подавляющее большинство китайского населения, принимая блага и преимущества, даруемые западной цивилизацией, совершенно четко противопоставляют себя этой цивилизации (см. с.299-305). Материалы книги К.Тертицкого дают обильную пищу для размышлений над этой центральной проблемой исторического пути современного китайского общества. Вот почему рецензируемая книга будет полезна и даже необходима всем, кто интересуется современным состоянием китайской цивилизации.

Капица Михаил Степанович (5.11.1921 - 15.11.1995)

Ушел из жизни Михаил Степанович Капица - видный ученый-востоковед, известный дипломат и общественный деятель, призванием и судьбой которого стали дипломатия и наука.

М.С.Капица родился на Украине, в селе Юрковцы Хмельницкой области в бедной крестьянской семье. В 1941 г. он окончил Московский государственный институт иностранных языков, в 1943 г. - курсы Военного института иностранных языков, а в 1948 г. - Высшую дипломатическую школу МИД СССР.

В его формировании как специалиста по Китаю и дипломата огромную роль сыграла практическая работа в этой стране в 1943-1947 гг., а затем в 1950-1952 годах в Посольстве СССР в Китае.

Природная одаренность и огромное трудолюбие позволили ему в течение многих лет плодотворно сочетать практическую работу дипломата и исследовательскую деятельность.

События исторической важности, свидетелем и участником которых он оказался, актуальные и сложные проблемы советско-китайских отношений, находившиеся в центре внимания дипломатических представительств нашей страны в Китае, определили центральную тему научной деятельности М.С.Капицы. С начала 50-х годов он избирает объектом своих исследований историю советско-китайских отношений.

В 1953 г. он успешно защитил первую в нашей стране диссертацию по истории советско-китайских отношений. В 1958 г. М.С.Капица опубликовал крупную монографию по этой теме, за которую в том же году ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. К этой теме он неоднократно возвращался в ряде своих известных монографий и в последующие годы.

С начала 60-х годов М.С.Капица занимает ряд ответственных постов в МИД СССР: заведующего отделом ЮВА, а позднее 1-го ДВО, ряд лет работает Послом СССР в Пакистане. В 1982-1987 годах он занимает пост заместителя министра иностранных дел, курирует вопросы восточной политики страны, в 1986-1987 гг. возглавляет комиссию СССР по делам ЮНЕСКО.

Практическую деятельность он постоянно сочетает с научной и преподавательской работой. Он опубликовал несколько монографий, десятки крупных глав и разделов в коллективных работах по истории международных отношений и внешней политики СССР, научных и публицистических статей. С 1952 г. Михаил Степанович преподавал в МГИМО МИД СССР, где в 1960 г. ему было присвоено звание профессора, с 1962 г. - заведовал кафедрой в ИСАА при МГУ, читал лекции в ВДШ МИД.

В 1987-1994 годах он возглавлял академический Институт Востоковедения, был главным редактором журнала "Азия и Африка сегодня". В 1987 г. М.С.Капица был избран в члены-корреспонденты АН СССР.

Многие годы Михаил Степанович входил в состав редакционной коллегии нашего журнала и был одним из самых активных ее членов.

Светлая память об этом ярком человеке и крупном ученом навсегда сохранится в наших сердцах.

Редакция и редколлегия журнала
"Проблемы Дальнего Востока"

Ковалев Евгений Федорович
(1.10.1907 - 22.12.1995)

22 декабря 1995 г. скончался известный российский ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР КОВАЛЕВ Евгений Федорович.

Евгений Федорович родился 1 октября 1907 г. во Владивостоке в семье рабочего. В 1933 г. он с отличием окончил Московский институт востоковедения (МИВ). В 1935 г. уехал на дипломатическую работу в Китай, где находился до 1944 г. После завершения дипломатической службы Евгений Федорович был привлечен к работе по установлению отношений нашей страны с Китайской Народной Республикой. Он, в частности, принимал участие в подготовке и проведении в Москве первой встречи советского руководства с делегацией КНР, возглавляемой Мао Цзэдуном.

В этот период Евгений Федорович совмещает практическую работу с научной деятельностью. В 1945 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. В 1947 г. вышла его книга "Аренда и арендные отношения в Китае".

В 1952 г. перешел на научную работу и до 1956 г. был заместителем директора Института востоковедения АН СССР. В 1957-1961 гг. он работал в Институте китаеведения, возглавлял выходивший в конце 50-х гг. журнал "Советское китаеведение". В 1966 г. Е.Ф.Ковалев перешел в Институт Дальнего Востока АН СССР, где защитил докторскую диссертацию и работал до последних дней своей жизни.

Евгений Федорович занимался изучением аграрных проблем и многих аспектов истории национально-освободительного движения в Китае, зарубежного китаеведения. Он стал признанным авторитетом в сфере изучения истории Коммунистической партии Китая.

Евгений Федорович был воспитателем и наставником многих наших китаеведов. С 1970 г. он - профессор. Многие российские и зарубежные специалисты-китаеведы под его научным руководством стали кандидатами и докторами наук.

Значительно научное наследие Евгения Федоровича. Им опубликовано свыше 150 научных работ; десятки книг вышли под его редакцией. Е.Ф.Ковалев был членом Ученого и Специализированного советов Института Дальнего Востока, Института востоковедения, в течение многих лет - членом редколлегий ряда периодических научных изданий, в том числе журналов "Народы Азии и Африки", "Проблемы Дальнего Востока". Он принимал участие в работе многих международных конференций китаеведов и востоковедов, поддерживал широкие научные контакты с зарубежными учеными.

Будучи уже тяжело больным, он не прекращал научной работы. Несколько месяцев назад опубликована его монография "Из истории влияния Октябрьской социалистической революции на Китай (1917-1923 гг.)".

Память о Е.Ф.Ковалеве останется в сердцах его коллег и учеников, в истории отечественного китаеведения.

Дирекция ИДВ РАН
Редакция и редколлегия
журнала "Проблемы Дальнего Востока"

Белоусов Сергей Романович
(21.04.1957-31.12.1995)

31 декабря 1995 г. трагически оборвалась жизнь старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН, кандидата исторических наук Сергея Романовича БЕЛОУСОВА. Ушел от нас молодой талантливый ученый-востоковед, посвятивший изучению Китая всю свою недолгую жизнь.

Сергей Романович родился 21 апреля 1957 г. в Москве. В 1974-1979 гг. он учился на китайском отделении Института стран Азии и Африки (ИСАА) при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова. После окончания ИСАА он пришел на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР, где закончил аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Уже первые научные публикации выявили его неординарную эрудицию, способность мыслить самостоятельно и оригинально. Вскоре он стал признанным специалистом в области истории общественно-политической мысли Китая, отлично владевшим китайским языком и материалом сложных источников по теме его исследований. Он неоднократно бывал в Китае, поездки в страну расширяли его кругозор, способствовали углублению знаний.

В 1989 году Сергей Романович опубликовал монографию «Китайская версия “государственного социализма”», в которой впервые в отечественном китаеведении на основе широкого круга источников были рассмотрены генезис, эволюция и содержание политической доктрины “государственного социализма” в Китае, прослежена ее взаимосвязь с практикой политических движений и партий в Китае.

Научная деятельность Сергея Романовича получила международное признание. Он неоднократно выезжал за рубеж для участия в международных научных форумах, активно участвовал в работе Европейской ассоциации китаеведов. С блестящим докладом он выступил в 1989 г. на международной научной конференции в Китае, посвященной проблемам конфуцианства.

Сергей Романович Белоусов опубликовал десятки научных и научно-популярных работ, посвященных вопросам истории и истории общественно-политической мысли Китая. Для его работ были характерны теоретическая глубина, обилие используемых документов и материалов, четкость мысли, живость изложения, искренняя любовь к культурному наследию китайского народа и его судьбе.

Сергей Романович был отличным редактором и талантливым журналистом. Его перу принадлежит ряд популярных работ по Китаю. Многие знают его прекрасные репортажи на телевидении. Он был полон творческих, научных и журналистских планов.

Все, кто работал с Сергеем Романовичем и знаком с его работами, навсегда сохраняют самую светлую память об этом блестящем китаисте, хорошем, добром товарище.

Дирекция ИДВ РАН
Редакция и редколлегия журнала
“Проблемы Дальнего Востока”

Хан Дык Пон
(9.12.1909 г. - 29.11.1995 г.)

Российское корееведение понесло тяжелую утрату. Ушел из жизни пользовавшийся большим уважением в кругу востоковедов России патриарх корееведения Хан Дык Пон.

Хан Дык Пон родился 9 декабря 1909 г. в Корее, с 1912 г. жил в России. Педагогическую деятельность в высшей школе начал с 1945 г. в Военном институте иностранных языков. В 1947-54 гг. заведовал кафедрой корейского языка в Московском институте востоковедения, а в 1954-1978 гг. - секцией корейского языка на кафедре восточных языков МГИМО. Более сорока лет он также плодотворно трудился на высших курсах иностранных языков МИД СССР.

Автор 15 учебников и учебных пособий по корейскому языку доцент Хан Дык Пон внес большой вклад в изучение в России корейского языка, подготовив несколько поколений преподавателей и специалистов-корееведов. Глубокое знание своего предмета, отзывчивость, доброта и личное обаяниенискали ему искреннее уважение его коллег и учеников.

Память о Хан Дык Поне всегда будет жить в сердцах людей, с которыми он щедро делился своими разносторонними знаниями.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Оригинал-макет © 1996 г. Дмитрий Славинский

Сдано в набор 15.11.95 г. Подписано к печати 15.01.96 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 15,9 тыс. Уч.-изд. л. 15,0 Бум. л. 5,0
Тираж 1203 экз. Зак. 3780.

Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 8.